

LE MESSEAGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

171

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙорК — МОСКВА

№ 171

I-II - 1995

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, В. Бибахин, Ю. Кублановский,
игум. Игнатий Крекшин, Д. Поспеловский,
К. Сигов, В.В. Бойков, Н. Струве.

Ответственный редактор : Н.А. Струве

В Е С Т Н И К Р . Х . Д .

Н.В. : в 1995 году выйдут только 2 выпуска

Условия подписки на эти 2 номера (с пересылкой) :

Франция	200 фр.
Другие страны (SEA MAIL)	220 фр.
— — — (AIR MAIL)	250 фр.

Цена отдельного номера: 100 фр. (без пересылки)

Че

ER »
aris)

4001547

-Press»

ER,

ESS,

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

171

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001547

ПАРИЖ – НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА

Отпечатано в Христианском издательстве
117192 Москва, Мичуринский проспект, 1

Copyright © Le Messenger. Paris 1995

COMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

От Редакции

На подступах к третьему тысячелетию христианства Православие призвано вне сомнения занять в религиозных судьбах мира первостепенное значение, несмотря на свое видимое обнищание и уничтожение: по численности оно наименьшее из трех главнейших ветвей христианства, географически оно ограничено частью Восточной Европы и Малой Азией, исторически — только распрямляется из-под тисков еще вчера безраздельно властвовавшего безбожия.

Ценою обмирщения христианская цивилизация, исходящая из протестантских стран, постепенно завоевала весь мир, натолкнувшись лишь в наши дни на свирепое сопротивление мусульманского фундаментализма. Римокатоличество, количественно наиболее распространенное, пользуется еще престижем гипертрофированной центральной власти, охраняющей сверху веру и нравственность, но на низах оно стоит под угрозой им же порожденного обмирщения.

И тут выступает исключительность Православия (и близлежащих к нему дохалкидонских церквей). Единственное из всех христианских вероисповеданий, оно сохранило апостольскую веру в цельности и чистоте, не убавив от нее существенных элементов, как протестанты, но и не прибавив ненужных, как католичество. А главное, оно не поддавалось обмирщению, ценою, правда, некоторой неподвижности, не пустило «мир» в церковную ограду. В силу христианской трансцендентности («в мире, но не от мира»), таинственно пребывающей в Православии, и полностью только в нем, к нему начинают устремляться взоры многих, обеспокоенных заземлением христианства на Западе. Но способно ли эмпирическое Православие ответить на это ожидание?

Полнота истины не всегда влечет за собой полноту ее выражения и проявления. Слишком часто в православной среде происходит замена «славия», т.е. истинного богопочитания, прославления Бога, включающего в себя многогранность жизни и беспредельную широту любви —

кодексом раз навсегда установившихся формул, правил, а то и обычаев. Православие вырождается в правоверие (идеологизируется) или в обрядоверие (где всякое изменение, будь оно даже возвратом к древнему, воспринимается как измена). Форма отождествляется с сущностью, относительное смешивается с абсолютным, временное с вечным.

Недавним проявлением такого отвердения была Московская конференция на тему «Единство церкви». Вместо того, чтобы исследовать нелегкий вопрос, как сочетать единство со свободой, она превратилась в своего рода партсобрание, где все (или почти все) нападают на одного или двух, в чем-то «провинившихся».

Еще разительнее сужение православного сознания обнаружилось в последнем послании архиереев зарубежной «карловацкой» юрисдикции, внесшем новое понятие «чистого православия», которым обладает де только эта весьма немногочисленная группировка (от силы 20/30 тысяч прихожан, рассеянных по разным странам, кстати далеко не обязательно разделяющих установку своих епископов). «Чистое» православие противопоставляется всему остальному православному миру, как запятнавшему себя разными грехами (кто сотрудничеством с безбожной властью, кто экуменизмом и т.д.). Это уже откровенно сектантский подход горделивого обособления во имя самозванной, мнимой чистоты, ведущий, как показал несчастный опыт староверов, к бесплодию и усыханию. Истина только тогда полнота, когда, будучи обращенной ко всем, сочетается со свободой и оплодотворена любовью. Без любви, по слову апостола, обладающий всей истиной, всем знанием — «ничто, медь звенящая и кимвал звучащий».

Христианство не может жить без универсальной перспективы. Если только оно не замкнется на самое себя, если не примет свою географическую и историческую ограниченность за непреложную истину, если будет смотреть не назад, как Лотова жена, а вперед, как Авраам, Православию в третьем тысячелетии предстоит великое будущее.

Никита Струве

БОГОСЛОВИЕ – ФИЛОСОФИЯ

К 50-летию со дня мученической кончины

Е. СКОБЦОВА (МАТЬ МАРИЯ)

ЖАТВА ДУХА *

МАРТИНИАН, ЗОЯ И ФОТИНА.

Святой Мартиниан подвизался близ Кесарии Палестинской на горе, именуемой Ковчежное место.

Молодость и красота телесная не мешали ему быть победителем в лютой и ежечасной борьбе со врагом. И прилежными подвигами достиг он седины мудрости, имея еще юношеский возраст.

Неоднократно приступал к нему диавол с многоразличными искушениями и мечтательными виденьями, то прельщая его страхом и могуществом своим, то отуманивая плотскими вождельнями и живописуя ему радости оставленного мира.

Так однажды явился ему диавол во образе дивного змея, — соблазнителя прародителей, — и пламенем, и дымом, и смрадом наполнил келию отшельника.

В другой раз видал Мартиниан, как свивались клубы утреннего тумана в веселые праздничные шествия, и различал лица скоморохов и музыкантов, и яркие одежды женщин, и даже слышал музыку и пение.

* В 1927 году издательством YMCA-Press были изданы два выпуска древних житий в литературной переработке матери Марии, тогда Е.Ю. Скобцовой. Случайным образом в этом юбилейном году в одном подвале была найдена завалявшаяся машинопись (с правкой рукой автора) третьего выпуска, предназначавшегося к печати, но так и не увидевшего свет.

Когда тело Мартиниана изнурялось постом, являл диавол глазам его многочисленные яства, — и жареных коз диких, и баранов, и птиц, и сладкие пенящиеся вина.

И в холод зимний прельщал он отшельника уютом городских богатых домов, а в летний зной предлагал ему прохладную тень.

Но против всех искушений и против всякой прелести истово боролся блаженный, памятуя, что не имеют радости жизни земной никакой цены, — а лишь полноценна единая радость вечного Царства.

И был диавол в великой ярости, потому что напрасно тратил он многие усилия в борьбе с Мартинианом.

Тогда отошел он в город Кесарию и овладел волей одной веселой и легкомысленной женщины по имени Зоя.

Слыша много раз о стойкости пустынного жителя и о том, что несмотря на молодость лет противостоит он крепко всем соблазнам, была Зоя раздражена таким подвигом и сказала своим близким:

— Нет ничего трудного бороться с соблазнами в пустыне, где все они являются лишь плодом помыслов. Иное дело противостоять настоящему искушению, облеченному в плоть. Такое искушение не рассыпется от молитвы и не исчезнет по одной лишь доброй воле отшельника. Думаю я, что если бы Мартиниан воочию приблизился к соблазну, а не только в помыслах своих, — то наверное и не устоял бы.

Тогда веселые собеседники ее предложили ей биться об заклад, что не сумеет она увести Мартиниана на путь греха. И она охотно приняла этот спор.

Вечером же, одевшись нищей странницей, а дорогие одежды свои, — и кольца, и ожерелья, и запястья, и различные притирания и мази, — сложивши в особый мешок, — покинула Зоя город и ушла в пустыню к келии Мартиниана отшельника.

И была в ту ночь сильная буря, так что ветер сбивал с ног идущую, и рвал ее ветхое платье, и трепал волосы, а дождь промочил ее насквозь.

Было Зое страшно идти под дождем и порывами ветра в безлюдной пустыне, слыша издали вой диких

зверей и не чуя около себя ни единого человека, который мог бы за нее вступить.

Но шла, потому что очень хотела выиграть спор и поглумиться над святым подвижником.

Приблизившись к пещере, где спасался Мартиниан, стала она жалобным голосом звать к нему, и просить защиты от непогоды и питья и пищи.

Мартиниан на этот жалобный вопль открыл свою дверь и увидел, что женщина стоит перед ним. Тогда не захотелось ему пускать в свою келию искушение. Но и оставить ее в непогоду под открытым небом на съедение диким зверям он тоже не мог, потому что не хотел быть убийцей создания Божьего.

Так впустил он ее к себе в келию, дал ей фиников и воды, указал на ложе в углу, а сам удалился в малую внутреннюю пещеру.

Там возжег лампаду перед иконами, распростерся ниц и стал со многими слезами молиться. Прочтя же все положенные молитвы, псалмопением занял он все помыслы свои. Потом развернул Писание и до утра углублялся в Божественное Слово.

Когда же солнце поднялось и через малую щель в скале проникли лучи его к Мартиниану, вышел он в переднюю келию, чтобы отпустить с миром пришлицу.

Зоя же, ожидая его прихода, переменила нищие одежды на свои обычные богатые, убрала волосы, украсила лицо различными притираниями, нанизала кольца на пальцы, и теперь предстала перед отшельником, вооруженная всею силою соблазнительной красоты своей.

Увидя же, что отступил Мартиниан, пораженный переменой, происшедшей в ней, она приблизилась к нему и сказала:

— Знай, что пришла я в пустыню не какими-либо иными делами побуждаемая к этому, а лишь теми слухами, которые мне пришлось слышать в городе о тебе. Жалко мне и невозможно терпеть, чтобы человек молодой и обладающий телесной красотой не знал никаких радостей жизни и провел свои дни в суровом, никому не нужном одиночестве. Вот заочно прилепилось мое серд-

це к тебе, и теперь хочу я, чтобы через меня узнал ты все прелести мира земного.

Когда же Мартиниан не ответил ей ничего, а стоял опустив взор, она продолжала:

— И кто сказал тебе, что такое одиночество угодно Богу? Разве не имел Енох жены и у Авраама не было ли трех жен? И у Исаака была жена, и у Иакова было две жены и еще две наложницы. Так и Моисей не обрекал себя на одиночество, и Давид, и прочие пророки. Что же, ты думаешь быть угоднее Богу, чем они? Ты хочешь с ними в праведности тягаться и их в боголюбии одолеть?

И многое еще другое говорила Зоя.

Мартиниан же, не столько убежденный ее словами, сколько прельщенный соблазнительной красотой ее, понял, что не может он противостоять искушению, и почувствовал, что всеми желаньями и помыслами своими прилепился к соблазнительнице.

Как бы соглашаясь на все, что она сказала, спросил он только:

— Взяв тебя в жены, чем же буду я питать тебя, потому что нету у меня ничего?

Но Зоя его успокоила, указав, что имеет она великие богатства, — и земли, и виноградники, и дома, и золото, — и ни в чьей помощи не нуждается, а наоборот, — может оказать сама помощь, кому захочет.

И не было у Мартиниана более никаких сомнений. А если и были, то не думал он о них, потому что страсть палящая и испепеляющая пронзила его всего, и не мог он противоречить никак этой страсти.

Казалось ему, что все радости, существующие в мире, и вся прелесть земная, и все человеческое счастье, — все это воплотилось в Зое, и, принимая ее, он как бы весь мир принимает. Не было у него сомнения в том, что от такого сокровища можно отказаться. И о грехе забыл, и об обетах своих Богу, о Господнем пути, в чистоте и отречении текущем, — тоже забыл Мартиниан.

Был он как бы опьянен этой страстью земной.

Тогда вышел он из келии, чтобы посмотреть, не близится ли кто к нему. А с вершины, на которой он обитал, были далеко видны все дороги в пустыне.

И вот, оглянувшись вокруг себя, оказавшись опять один среди Божьего мира, вдруг понял Мартиниан, какая пропасть разверзлась у ног его, и как хочет он утешить врага своего диавола.

Тогда быстро взял он в руки большую охапку хвороста и дров и с нею вернулся в келию.

Зоя ждала его.

Он же начал разжигать костер. И когда пламя высоко взметнулось под своды келии, вошел Мартиниан в огонь босыми стопами.

И жгло пламя ноги его, и опалились волосы на голове, а кожа на теле покрылась язвами.

Тогда Мартиниан вышел на мгновение из огня. Но вновь почувствовав, что страсть в его помыслах и плотское вожеление еще не утихло, вернулся в пламя и пребывал в нем, пока мог стоять на ногах. И попалено было тело даже до костей.

Тогда он вышел и упал на ложе, стона от боли.

Видя же это пламенное попаление праведника, Зоя стояла как бы окаменевшая. И впервые за всю жизнь свою узнала она, каким великим трудом и борением достигается вечное Царство. И впервые узнала она, что только единое есть человеку на потребу, а все остальное — лишь тень.

Тогда в великом смятении сорвала она с себя праздничные одежды и все богатые украшения, и кинула их в огонь, — сама же набросила на плечи свои нищие лохмотья, в которых пришла накануне.

И приступила к Мартиниану, моля его о прощении и научении.

И так силен был огонь раскаяния ее, как силен был порок, которому она предавалась. Воистину Мартиниан попалил себя в пламени вещественном, — Зоя же сожгла себя на пламени невестественном, на пламени мгновенного и огненосного раскаяния. И как огонь вещественный очистил греховные помыслы Мартиниана, так пламень духа убелил грехи Зои.

Видя мученичество отшельника, по ее вине бывшее, родилась она вторым рождением, и крестилась вторым крещением, — крещением огненным.

Отпустил ей грех Мартиниан и велел не медля нimalo идти в Вифлеем в обитель к святой деве Павлине, и там, покаявшись во всем, искать спасения.

Сам, еле двигаясь по причине страшных ожогов и ран, вышел из келии и показал ей, как лежит ее путь.

Исполнила Зоя все по его повелению. И через три дня дошла до Вифлеемской обители святой Павлины. И осталась там, проводя дни свои в покаянии и посте.

И так сильно было ее раскаяние, и так неустанны подвиги, что по прошествии нескольких лет указал Господь ей, что она прощена: в знак отпущения грехов была дана ей власть Господом целить больных и бесноватых.

Так великой праведницей предстала Зоя после смерти своей перед Создателем, спалив огнем покаяния греховные дела своей жизни.

Мартиниан же, оставшись один, долгое время страдал от полученных ожогов и лишь с большим трудом, по прошествии нескольких месяцев, мог опять ходить и работать.

Тогда замыслил он начать жизнь еще более трудную и уединенную, дабы вернее послужить Господу и посрамить врага.

И вышел он на берег морской, где встретил одного корабельщика. И спросил он у него:

— Нету ли, брат, где-либо в море пустынного острова, на котором никто не помешал бы мне спастись?

Подумав, корабельщик сказал:

— Есть такой остров, или вернее небольшая скала, с которой ни в одну сторону не видно суши. И обитают на нем лишь чайки морские. Но не мыслю я, чтобы человек мог выдержать подвиг жизни такой.

Мартиниан просил корабельщика доставить его на этот остров. И положили они между собою завет, что три раза в год будет корабельщик привозить отшельнику сухой хлеб и воду, и лозы для плетения кошниц, три раза будет отвозить готовые кошницы, чтобы, продав их, окупить свой расход на питание отшельника.

Так они и совершили все.

Остался Мартиниан на голой скале посреди необозримого морского пространства, и ночью мучила его

морская сырость, так как брызги воды долетали к нему, а днем палило солнце, потому что не было на острове тени. В зимнее же время все вокруг Мартиниана наполнялось великим кипением и шумом бури. И в пену разбивались около острова огромные морские валы, и обледеневала эта пена так, что скользил Мартиниан, ступая по камням.

Лишь чайки с громкими криками носились над ним, нimalo его не пугаясь.

И еще, — вечно рядом был лукавый искуситель, ищущий пути в душу Мартинианову, и не дающий ему отдыха в подвиге.

Да так же неотступно осеняла Мартиниана Господня десница, утешающая и восстанавливающая, дающая надежду и силу.

Вот увидел диавол, что надо ему еще напречь все свое искусство, чтобы соблазнить святого, потому что, подвизаясь прилежно, подымается Мартиниан из степени в степень и скоро будет неуязвим для стрел искушителя.

В то время плыл недалеко от скалы Мартиниановой большой корабль.

И диавол поднял великое водное смятение, и обрушил бурю на снасти корабля, и погнал его на подводные камни, так что разбился корабль в щепы, люди же потонули в пучине морской.

Всех путников погубил диавол, — никто не достиг берега, — кроме одной отроковицы Фотины.

Ухватила она руками доску и с нею плыла, несомая водным течением к скале. Так совершил диавол, чтобы еще раз восстать бранью на блаженного Мартиниана.

Наутро увидел отшельник внизу под скалою Фотину, которая уже изнемогала.

И из глубины морской сказала она:

— Сотвори милость и подай мне руку, чтобы я могла спастись, потому что силы оставили меня.

Опять в сердце Мартиниана началась борьба. Не спасти утопающей значило быть убийцей, а спасти ее — значило ввести на пустынную и одинокую скалу искушение.

Но вспомнил Мартиниан, что победителем можно быть, лишь не уклоняясь от боя, а потому сошел к воде и дал руку Фотине.

Когда же она немного обсушилась на солнце и подкрепилась хлебом и водой, сказал ей Мартиниан:

— Вот еще три месяца не сможешь ты оставить скалы, потому что только через три месяца приплывет сюда корабельщик, снабжающий меня пищей. Но нельзя нам оставаться тут вместе. А потому вручаю я тебя помощи Божьей, и себя так же предаю в руки его.

И с этими словами кинулся в морские волны и поплыл.

Фотина же стояла пораженная.

И вот видит она, как вынырнули из пучины два дельфина, и с двух сторон поддерживали пловца. Так смотрела она неотрывно на это чудо, пока не скрылись оба дельфина с Мартинианом там, где вода соприкасается с небом.

Достиг праведник суши и предал себя вечному скитанию, поспешно обходя города и села и различные страны.

Шел он, не имея ни обуви и запасной одежды, ни пищи и денег. Ночевал там, где заставала его ночь, не боясь ни лихих людей, ни зверей диких. А питался подаянием тех, кто милует странных.

Несколько лет продолжалось такое его скитание, пока не достиг он города Афин и не почувствовал, что приблизился к разрешению земных уз.

Тогда вошел он в церковь и попросил, чтобы позвали к нему епископа Афинского.

Увидев же епископа, склоненного над собой, поведал он ему все трудные дни своей жизни, и получил от Бога освобождение, чтобы принять свою часть в вечном Царстве.

Фотина же, оставшись одна на острове, сначала много дивилась всему виденному, потом с нетерпением начала ждать корабельщика, дабы доставил он ее в родные пределы.

Но оставаясь всегда наедине с Богом, который все видит, и имея перед собой великий пример угождения

Творцу, постепенно стала Фотина предаваться богомыслию и молитве, пока, наконец, не почувствовала великую сладость в таком подвиге, и не поняла, что приблизилась к единому праведному пути.

Когда же приплыл корабельщик на своем корабле, то решил сначала, что великое искушение творит ему диавол, показуя вместо отшельника-инока слабую молодую деву. И, испугавшись, хотел он уже покинуть остров, но Фотина громкими криками и мольбами просила его, чтобы он выслушал ее слова, и все рассказала.

Тогда предложил ей корабельщик оставить остров и вступить на его корабль, дабы скорее достигнуть суши и вернуться к своим родным.

Но многое было открыто Фотине за эти три месяца. Она отказалась покинуть скалу, а просила корабельщика, чтобы жена его привезла ей волны, дабы могла она прясть, и пряхей оплачивать хлеб, который он привозит. В остальном же, — чтобы все было так, как при Мартиниане.

Корабельщик согласился исполнить ее просьбу. И вскоре вернулся со своей женой, которая привезла Фотине не только волну, но и одежду инока. И много удивляясь великому мужеству столь юной девы, оставил корабельщик с женою остров.

Фотина же чувствовала некое небывалое веселье и вознесение всех помыслов своих.

И казалось ей, что молитвам ее внимают и волны и чайки. И была она как бы единое с этим пустынным и суровым миром. Как бы в самой сердцевине духа, который воплощен в мире, пребывала она.

Так пять лет выполнял корабельщик с женою свой завет. И увозили они со скалы готовую пряжу, а привозили волну, и хлеб, и сладкую воду.

На пятый же год, ступив на скалу, удивились они, что никто не вышел им навстречу.

И вот увидели распростертое тело Фотины. Она опочила. И имела пальцы, сложенные крестом, и замкнутые уста, и закрытые очи. Как будто кто приготовил ее тело к погребению.

Взяв святое тело на корабль, отплыл корабельщик в Кесарию, и поведал все, что знал о Фотине, епископу Кесарийскому.

Тот созвал всех своих пресвитеров, и диаконов, и певчих, — и предал ее погребению, поя псалмы и песнопения, неся зажженные свечи и кадила.

АВВА ПИМЕН О САМОУНИЧИЖЕНИИ.

Как пчелы собирают мед с полевых цветов в соты, так собрал Господь со всего мира угодных ему молитвенников в Нитрийской пустыне. Там спасались они в посте и бдении и своими молитвами спасали небодрствующий мир.

Авва Пимен был великим предстоятелем за наши грехи перед Господом. В ранней юности оставил он соблазны мира и ушел в горы Нитрийские. Там проводил он время в молитве и рукоделии. Плел кошницы из намоченной лозы или вил веревки.

Молился же он так: вечером в субботу вздымал руки, оставив заходящее солнце позади себя. И так пребывал он, пока не воссияет солнце в лицо ему. Тогда он садился.

Слава о его иноческом подвиге, а еще более — об умении его направлять души людские к верной и единственной пристани, — а еще более — о смиренномудрии его, — была велика не только среди Нитрийских отшельников, но и среди всех пустынножителей, имеющих пребывание в пещерах. Постепенно стал он известен и тем, кто оставался в мире и его соблазнах.

Стали стекаться к нему люди всякого звания, смятенные страстями, терпящие обиду или несправедливую утрату, не имеющие разума найти Господние пути.

И, оставаясь рабом Божиим, был он в то же время великим устройтелем дел человеческих, учителем человеческих душ и врачом душевных болезней.

Узнали о его учительстве философы в городе Александрии, узнали также, какую праведную жизнь он

ведет. И решились они пойти к нему в пустыню, чтобы испытать его.

Он встретил их на пороге своей пещеры и пожелал мира о Господе.

Тогда они поведали ему, какая нужда привела их в пустыню.

Авва Пимен ничего им на это не ответил.

Сели все на камнях около пещеры, и философы раскрыли свои книги.

Один, самый старший из них, начал говорить о Боге и божественном домостроительстве, о земле, и о всех планетах, и о звездах, и о числах и мерах.

Авва Пимен молчал.

Тогда другой философ стал ему по своим книгам показывать чертежи вселенной, и именовать различными именами духов стихий, и говорить о различных законах, управляющих водою, землею, огнем и воздухом.

Авва Пимен опять молчал.

И приступил к нему третий философ, и сказал так:

— Скажи мне, авва, какая разница между философом и монахом? Вы поститесь — и мы постимся. Вы целомудрены — и мы целомудрены. Вы соблюдаете заповеди — и мы соблюдаем заповеди. Так в чем же разница?

Авва Пимен поднял на него взор и ответил:

— Так. Но еще мы надеемся на благодать Божью и блюдем ум.

И, подумав, добавил:

— Я видел сети дьявола, распростертые по всей земле, и ужаснулся, потому что не знал, кто их может обойти. И услышал голос: смиренномудрие.

После этих слов философы поклонились авве и покинули пустыню.

Другой раз захотел получить пользу от беседы с ним один великий отшельник. Для этой цели покинул он свою пустыню, из которой много лет никуда не отлучался, и просил одного ученика аввы Пимена проводить его к нему в Нитрийскую пустыню, так как он сильно желает беседы с ним.

Ученик исполнил это желание и сказал авве:

— Великий подвижник хочет беседовать с тобой и думает получить от этой беседы пользу для себя. Итак, приготовься.

Пимен же встретил отшельника с любовью.

А тот стал говорить ему о Писании, о предметах духовных и небесных.

И на все его слова, исполненные мудрости, авва Пимен не дал ответа.

Отойдя от него, отшельник горько жаловался ученику, что вот думал получить большую пользу от этой беседы, — на деле же вышло так, что даром совершил он длинный и трудный путь и даром покинул свою пустыню.

И стало ученику жалко старца. Тогда он захотел ему помочь и пошел к своему авве спросить его, отчего он не захотел ничего сказать.

Тот же на вопрос ответил:

— Он от вышних — и говорит о небесном. Я от нижних — и говорю о земном. Если бы он спросил меня о душевных страстях, я бы знал, что сказать ему. А он говорит о духовном. Этого я не знаю.

Ученик передал старцу эти слова.

И на следующее утро опять приступил старец к авве Пимену, но был смущен и не знал, как начать свою речь. А потому уж без особой мудрости спросил:

— Что нужно делать, чтобы спастись?

Авва же плел веревку и не отрываясь от дела ответил:

— Вот, как видишь.

Тогда великий отшельник заплакал и долго молчал.

Авва же, не бросая своего плетения, добавил:

— Слезы есть земля обетованная, в которую сыны Израиля вошли через сорок лет странствования. Кто достиг земли обетованной, тот не боится войны.

И, продолжая плакать и громко вздыхать, отшельник стал говорить о том, как борят его душевные страсти. Иногда грех и лукавые помыслы побеждают, — и тогда он смиряется. А смирившись и предавшись молитве, начинает думать, что смирением, и молитвой, и постом, и бдением уже угодил Господу, — и из этого рождается

гордость. Гордость же опять производит лукавые помыслы. И так нет ему покою.

И говоря это, сам он дивился, что говорит о себе такую правду, которая всегда была при нем и которая еще вчера была ему неизвестна.

И вместе с ним плакал авва Пимен и сказал:

— От земли мы, — от плоти земной. Итак, вспомним эту нашу родину. И смирим себя, потому что праху нельзя возноситься. Как земля не падает вниз, так и тот, кто до конца смиряет себя, не упадет никогда.

Но старцу стали открыты все помыслы, которые он носил в себе и которые до этого срока были тайными.

Он говорил, как еще в молодости своей, испепеляемый жаждой послужить Богу так, как еще никто не служил, оставил он сначала город и ушел в монастырь. Но простого монашеского подвига было для его гордой души мало. Ушел он в пустыню. А узнав, что по горам скрывается много рабов Божьих, захотел найти себе труднейшую часть и понести подвиг, дотоле невиданный.

Отошел он в самые далекие страны той пустыни. Стал жить между дикими зверями. Много лет не слышал голоса человеческого. Одежда на нем обветшала и истлела. Борода отросла и покрыла тело его до колен. Со зверями дикими шел он к озеру, чтобы напиться, в час, когда солнце скрывалось за холмами. Их логовище было его келией. Их рев и рык стал он понимать. И звериных детенышей научился нянчить. И всякую звериную нужду умел успокаивать. И смирился до зверя, — зверю равным себя стал почитать. Так делал он во имя Божье. И чем более смирялась плоть его, тем сильнее возносился дух, потому что никто другой не мог так послужить Богу живому. Чем ниже пригибал себя, тем выше в мыслях своих возносился.

Авва Пимен слушал его и скорбел.

Когда же отшельник кончил всю свою повесть, то авва спросил его, слышал ли он про бичеву, какая и на малых, и на больших судах бывает.

И в пояснение добавил:

— Когда есть кораблю попутный ветер произволением Господним, то легкими парусами летит он, и не

знает меры пройденному пространству, ни меры миновавшему времени. Произволением Господним легок путь кораблю, когда полны его паруса попутным ветром.

— Иное, если ветер стихнет. Тогда берут корабельщики бичеву и, ступив на берег, тянут корабль со многими трудами и усилиями. А когда ниспадет мрак, и плыть дальше нельзя, пристают корабельщики к берегу, вбивают кол, и бичевою привязывают к нему корабль, чтобы не блуждал. Кол этот — самоуничужение.

И припал к его ногам отшельник, и воскликнул.

— Так, авва, но если время пропущено, и ночной мрак застигнет корабельщиков в море, то где им искать спасения?

— Верую, брат, — ответил авва Пимен, — что искусные корабельщики умеют пользоваться и противным ветром. Так и мы, когда враждебный дух станет нападать на нас, распрострем крест вместо паруса и будем безопасно совершать наше плаванье.

И этими словами сильно успокоил он мысли отшельника.

Потом же велел он ученику принести немного моченых бобов и кружку воды. И, помолившись, ели они вместе.

А когда насытились, авва Пимен вновь взял в руки начатую веревку и сказал, вспоминая слова старца, которые тот говорил накануне:

— Как можно видеть небеса раздирающиеся? Бога, являющегося с гневом и яростью? Несчетное воинство Ангелов и все вместе человечество? Итак, соблюдаем разум наш и пребудем в смирении.

Старец, поклонившись, отошел от него, получив большую пользу.

ПРЕПОДОБНАЯ МАРИНА.

В городе Вифинии жил некий муж именем Евгений.

Когда умерла его жена, решил он принять иноческое пострижение, а потому просил он дочь свою, отроковицу Марину, взять на свое попечение все богатство, которое

он имел, и отпустить его, чтобы мог он предаться делу спасения своей души.

Но, услышав эти слова отца, Марина очень опечалилась и стала упрекать его, что о спасении своей души он имеет заботу, спасением же души дочери небрежет. И просила Марина отца, чтобы не оставлял он ее среди соблазнов суетного мира, а вместе с собой увел в монастырь, дабы могла она там посвятить себя служению Господу.

Обрадованный таким добрым желанием дочери, Евгений был смущен лишь тем, что лежит его путь в мужской монастырь, а потому не может Марина следовать за ним.

Но она на эти его сомнения отвечала, что острижет свои волосы и облечется в мужскую одежду, — и никто не узнает в ней женщину, так что не введет она в смущение братьев монастырских, — сама же великим постом и воздержанием сумеет смирить себя и в мужском образе послужить Господу.

Так и выполнил все Евгений по слову своей дочери.

Много лет подвизались они вместе во иноческом чине в монастыре близ города Александрии, и никто из монастырских братьев, — ни даже сам игумен, — не мыслил, что во образе брата Марина скрывается отроковица. И все почитали этого молодого брата за великие труды его и за послушание.

Потом скончался Евгений, оставив дочь свою в монастыре и никому не открыв ее тайны.

И после его смерти так же прилежно подвизался инок Марин, постом и молитвой спасая душу свою, а усердием, трудом и послушанием снискивая всеобщее почитание.

И были в монастыре том далекие огороды, куда отходили иноки по четыре сразу, дабы обрабатывать их в течение недели. И так далеко отлежали эти огороды от зданий монастырских, что невозможно было достичь их в один день пути, а приходилось идущим ночевать в гостинице, находящейся на полдороге.

Хозяин же той гостиницы был страннолюбив и всегда встречал иноков с великим утешением, имея для них даже особое помещение.

Однажды повелел настоятель и иноку Марину вместе с тремя другими отойти на огородные работы, дабы своим трудом принес он пользу братьям и показал послушание.

С радостью согласилась Марина исполнить волю игумена и отошла из монастыря. Переночевав в гостинице, с утра отправилась она с тремя своими спутниками на огороды, где и подвизалась она всю неделю, копая землю, поливая овощи, унаваживая гряды и выпалывая сорную траву.

У хозяина же гостиницы была дочь, допустившая в свое сердце многие грешные желания и близкая к пути врага.

И в ту ночь, когда Марина ночевала в гостинице, случилось там быть одному воину — человеку, не боящемуся Господа и легко совершающему преступления.

Он прельстил дочь гостинника, и совершила она грех. Наутро же, отходя от нее, сказал ей воин:

— Если что будет узвано о твоём грехе, более всего остерегайся сказать, что это я был причиной падения.

Дочь же гостинника спросила, какой ответ надлежит ей давать, чтобы могли все этому ответу поверить.

И, наученный лукавым врагом, давно ищущим, как бы погубить блаженную Марину, сказал воин:

— Ответ своему отцу, что вот ночевал в гостинице молодой и прекрасный лицом инок. И что он приступил к тебе с искушением, и не могла ты противостоять желаньям его. Пусть твой отец с него и взыскивает.

По прошествии же некоторого времени дочь гостинника не могла держать далее в тайне все содеянное, потому что ждала ребенка. Гостинник приступил к ней, желая знать, кто был ее соблазнителем.

И, вспомнив научение воина, сказала она ему:

— Вот оказываешь ты милость и гостеприимство черноризцам монастырским. Они же за добро платят тебе злом и обидой. Ночевал у нас инок Марин, и соблазнил меня, и не могла я противостоять его желаниям. Теперь же по его вине несу во чреве младенца.

Тогда пришел ее отец в гнев и в ярость. И в гневе этом кинулся к игумену монастырскому, и всячески обличал

монастырскую братию, так оскорбившую его, и отрекался от дружбы с черноризцами, а иноку Марину требовал великого наказания.

Был игумен сильно оскорблен словами гостинника и, желая знать, как было все дело, велел призвать к себе инока Марина.

На вопрос же, совершал ли он грех, в котором его обвиняет гостинник, Марин упал в ноги к настоятелю и со слезами воскликнул:

— Так, авва, повинен я в грехе том. И знаю, что нету мне прощения ни от Господа, ни от тебя и братьев.

Тогда разгневался игумен, что по причине падения одного недостойного брата приняли все иноки поношение от гостинника, и изгнал Марину из монастыря.

Другие братья тоже не вступились за нее, потому что мнили себя оклеветанными по вине инока Марина. И этим наказанием как бы давали должное удовлетворение гостиннику и оправдывались все перед ним.

Но не ушла Марина далеко от ограды монастырской, а поселилась тут же у врат, и не имела крова над головой, терпя и солнечное попаление, и ночной холод.

И питалась она подаянием тех, кто шел в монастырь, прося у них молитв и заступничества перед Престолом. Сама же она не дерзала перед Престолом молиться.

Когда же пришел срок, родила дочь гостинника сына.

И взял гостинник младенца, и с большой злобой принес его к монастырской ограде, говоря иноку Марину:

— Надлежит тебе иметь попечение о твоём ребенке. Я же от него отрекаюсь и не хочу даже помнить о нем.

И с этими словами ушел.

Младенец был почти наг, так как ветхая тряпица еле прикрывала его. И, пренебрежительно брошенный на землю, он начал плакать.

Тогда почувствовала Марина в сердце своем жалость к этому ни в чем неповинному созданию Творца. Уязвила жалость эта дух Марины так, что впервые почувствовала она, в сколь великом смятении обретается плоть человеческая, и какой непосильной тяжестью лежат на плоти крылья духа.

Вот пребывает невинный в злключении, потому что вообще истерзана, исклевана плоть человеческая духом и грехом, и является она страшным ристалищем для вечного борения духа и греха. Итак, чем выше возносятся она на крыльях духа, тем тяжелее для нее цепи греха.

В таком же извечном противостоянии пребывает весь мир, вся плоть земная. И нет достаточной жалости, чтобы обнять эту скорбь мирскую, и нет достаточной любви, чтобы покрыть эту боль мира.

И тогда показалось Марине, что в беспомощном младенце чужом усыновила она себе весь беспомощный и страждущий мир, и его мукой сыновней томится и изнывает.

С любовью обернула она нареченного сына частью своей милоты и пошла просить у соседних пастухов молока, чтобы было чем кормить младенца. Пастухи же обещали ежедневно давать кружку молока для этой цели.

Так стала жить Марина со своим названным сыном у ограды монастырской. И еще многие новые тяжести пришлось ей принять на себя, потому что, изнывая от зноя, должна была она искать тень для младенца, а во время дождя должна была она укрыть младенца в сухом месте, и последним куском с ним поделиться, и от оскорблений мимо идущих оберечь его, и ночью успокоить его слезы, и омыть, и утешить, и развлечь, и дать ему все, что надлежит иметь младенцу.

Но в великом отвержении и поношении своем, в последних пределах унижения благодарила Марина Творца, что дал он ей, не теряя чистоты, познать истинное материнство, которое одно открывает очам человеческим великий замысел Творца в божественном домостроительстве и учит жалостливой любви к творению. А через жалостливую любовь к созданному доходит человек до постигающей любви к Создателю.

Так пребывало тело Марины в нищете и поношении, отверженное людьми, у ограды монастырской. Дух же Марины был чашей нерасплесканной, полной мудрой любви к Создателю и жалостливой любви к созданному.

По прошествии же трех лет, когда младенец уже начал бегать и говорить, приступили монастырские братья

к игумену, прося его отпустить иноку Марину его вину, потому что подвигом послушания и покаяния загладил он свой грех.

Но игумен не хотел слушать слов милосердия.

Тогда сказали братья, что надо им в монастыре еще другие ворота сделать, потому что по причине жалости не могут они проходить мимо брата Марина и видеть, в какой скудости пребывает он и младенец его.

И только после многих молений удалось братьям смягчить сердце игумена.

Позвал он опального инока и сказал ему:

— Дозволяю я тебе и твоему сыну обитать в ограде монастырской. Только не должен ты полагать, что можешь вновь быть равным другим инокам. Почитай себя последним из них и с послушанием неси самую трудную часть в монастырских работах.

И велел ему быть всем слугою: мыть власяницы братьев, убирать сор, исполнять всякую грязную работу и продолжать с покаянием прибегать ко Творцу.

С радостью согласилась Марина исполнить это послушание и со смирением служила всем. Младенец же повсюду был с нею и по причине своего добронравия во многих огорчениях и тяготах утешал Марину.

А иноки дивились, какого великого смирения достиг брат Марин, и как покорно несет он тяжкое бремя, данное ему настоятелем.

Так прошло много времени.

И заметили братья однажды, что три дня не выходит Марин на работу, не присутствует при молитве и при трапезе.

Тогда велел им игумен пойти к нему в келию и узнать, не болен ли он.

Войдя же в келью, братья увидели, что инок Марин преставился, а младенец сидит около мертвого отца и тихо плачет.

Желая же к погребению омыть тело усопшего, узнали иноки женщину в том, кого они именовали Марином и почитали монахом.

И пришли они тогда в большой ужас, и поспешили к игумену, чтобы сообщить ему о своем открытии.

Услыхав об этом, игумен понял, какой великий грех совершил он, поверив клевете на святую деву, и начал каяться, прося прощения у усопшей.

А потом поспешил послать гонцов к гостиннику, дабы и он прибыл в монастырь узнать об этой тайне.

И был гостинник в великом трепете, узнав, что оклеветал он в совершении греха угодницу Божию.

Когда же приступил он к дочери своей, требуя от нее признания в содеянном, то во всем покаялась дочь, и в молитве стала умолять усопшую угодницу, дабы был ей отпущен великий грех, и дабы не вменился он ей в вечное осуждение.

Братья же удивлялись, как безропотно несла чистая дева самые жестокие обвинения, и как смиренно терпела она все поношения у монастырской ограды, воспитывая чужого младенца с великой материнской любовью и не ища утешения в сочувствии людей, но скрывая подвиг свой от всех и уповая лишь на одного Бога...

ВИДЕНИЕ ФИВЕЙСКОГО СТАРЦА.

Один старец, имеющий пребывание в Фивейской пустыне, рассказывал, как привлек его к себе Господь.

Был он сыном идольского жреца и много времени проводил в капище, где служил его отец.

Однажды, задремав с вечера там, очнулся он лишь в полночь, когда никого в капище не оставалось. И стало для него все тайное явным, был он свидетелем собрания демонов и мог проникнуть в их сокровенное.

Все капище наполнилось великим сонмом духов и сил вражеских. И посреди них пребывал сам князь тьмы — Сатана. И судил слуг своих по их усердию и умению. Они же с великим страхом подходили к его престолу и держали ответ о содеянном.

Сначала подошел к Сатане один князь его и стал хвалиться:

— В мирном селе поработал я немало. И вот люди забыли мир и восстали друг на друга. И было все село ох-

вачено мятежом и кровопролитием. Так что погибло при этом много людей, и дети многие были посечены, и все имущество было предано огню.

Сатана спросил:

— А сколько времени потратил ты на эту работу?

— Тридцать дней, — отвечал князь.

Тогда повелел Сатана бить его нещадно за нерадение, потому что за такой большой срок совершил он столь малое дело.

И вот видит сын жреца, что второй князь тьмы приступил к Сатане:

— Я много трудился, — и вот произвел великое волнение в море, и погубил корабль. Люди же, утопая в волнах, отрекались от Бога, потому что не пришел им Бог на помощь.

— А сколько времени трудился ты над этим делом? — спросил опять Сатана.

— Двадцать дней и ночей без отдыха трудился я, — ответил ему князь.

И опять повелел Сатана бить его нещадно, потому что в такой длительный срок достиг он слишком малого.

И новый князь предстал перед владыкой своим.

— В моем городе совершался брак. И я приступил к жениху и к невесте, и замутил их разум гневом, и произвел между ними великую смуту. Так что вместо праздника люди имели кровавую драку и множество недовольства.

— Сколько же дней потратил ты на это?

— Только десять дней работал я, но в течение их не знал ни отдыха, ни покоя.

И его повелел Сатана наказать без пощады за нерадение.

Тогда увидел сын жреца, что приступил к Сатане самый могущественный из князей его, и закрыл он собою полмира, и великим смрадом наполнил он капище, и заблестали вокруг него голубые молнии. Припав к престолу владыки своего, этот могущественный князь возгласил:

— Свершилось, владыка, свершилось. Труды мои не пропали даром. Великий отшельник, верный раб Божий,

инок пустынный, истязавший тело свое столько лет, и всегда пребывавший в молитве, — сегодня ночью впал в грех.

Сатана поднялся с престола своего и спросил:

— Сколько же времени трудился ты для того, чтобы настала эта греховная ночь?

— Сорок лет, владыка, не отходил я от келии отшельника, сорок лет принимал на себя стрелы его молитв, сорок лет палил он меня пламенем духа. Но я ждал. И вот, когда после сорока лет поста он утомился и одно мгновение был в небрежении, я овладел его помыслами и повлек ко греху.

И затрубили адовы трубы, и привлек Сатана князя своего к себе, и велел увенчать его венцом славы, — потому что в столь краткий срок, — в сорок лет, — совершил он великое дело, соблазнив грехом отшельника.

Потом все исчезло.

Сын же идольского жреца долго пребывал в страхе и трепете. А когда очнулся, то понял, что единый путь, ведущий к совершенству, на котором можно посрамить врага, — это путь пустынножительства.

И тогда ушел он к Фивейским старцам.

О ГРЯДУЩИХ ДЕЛАТЕЛЯХ.

В книге жизни записаны не только подвиги Господних угодников, не только трудные пути отдельных людей. Обозначил Господь и пути народов своих, и пути Церквей своих. Есть в книге жизни знак для каждого времени, и каждому сроку уготована своя печать.

То, что сокровенно людям, видящим лишь земное, открыл Господь молитвенникам и провидцам, устремившим свой взор поверх земного к небесным пределам.

И каждая человеческая душа, спасаясь, как умеет и как хочет, может все же многое постигнуть, если вникнет в боговдохновенные видения отцов.

В пределах Нитрийской пустыни стали однажды рассуждать отшельники о своем делании и о грядущих судьбах человечества.

И, не зная, кто из них имеет мысли правильные, приступили они к авве Исхириону и стали вопрошать его:

— Как ты понимаешь, авва, что сделали мы нашими жизнями, и что нам было предназначено сделать по божественному замыслу?

Авва Исхирион, мало помолчав, ответил:

— Мы совершили заповеди Божьи, потому что такая мера была дана Господом нашему свободному соизволению.

Услышав этот ответ, приступили отшельники опять к авве Исхириону:

— А следующие что сделают?

Он как бы углубился в созерцание грядущих времен и измерил непроложенные пути человеческие.

Братья пребывали в молчании.

И, вздохнув, авва Исхирион сказал:

— Каждому дается не только по воле его, но и по силе, и по тяжести препятствий. Следующие достигнут половины нашего дела.

И захотелось узнать братьям, что будет перед самым великим исходом, и как будут тогда трудиться люди. И, побеседовав между собой, они поняли, что слова эти не о последних днях человеческих.

Тогда опять спросили авву:

— А после них что?

Долго молчал авва. И видели братья, как со страхом прозревает он грядущие века и далекие испытания.

Потом, поднявшись с камня, на котором сидел, вздвигнув руку свою как бы для благословения, авва Исхирион сказал:

— Не будут иметь дел совсем люди рода того. Тогда не будет потребно искать узких врат, ибо все врата станут узкими. И придет на них великое искушение. Те же немногие, кто окажется достойными в искушении этом, — будут выше нас и отцов наших.

Удивились братья словам его, а он направил их к авве Иоанну, которому Господь многое открыл о сроках и судьбах.

Придя к нему, братья просили его рассказать, каковы бываюи его видения о грядущем.

И так говорил он им:

— Был я этой ночью в исступлении. И вот увидел я реку, очень широкую и бушующую большими волнами. И была вода в этой реке черная и густая, как смола. Обративши свой взор в даль, увидел я лазоревый берег, преисполненный ясного света и невыразимой приятности. Там пребывали достигшие и блаженные. Тогда, оглянувшись вокруг, заметил я трех монахов около себя. Они ходили по берегу и хотели переплыть на другую сторону, и не знали — как. И был голос: «Возьмите крылья огненные и придите ко мне». Сначала один монах сделал так. И понесли его огненные крылья через смоляную реку, и без труда и усилия, — одним огнем своим пламенеющим, — достиг он другого берега, и был с любовью принят блаженными. Тогда и второй монах сделал так же. Но были его крылья вдвое меньше, чем у первого монаха, и в два раза слабее пламенел их огонь. Но все же полет был легок. И невредимо пересек он смоляную реку и вступил на лазоревый берег.

Сказав это, авва Иоанн как бы впал в большую скорбь, а братья просили его пояснить, что означают огненные крылья, на которых летели монахи.

— Огонь — не человеческой природы, — сказал он. — Итак, огненные крылья — это не то, что по природе дано нам, но восхищается нами великим трудом и непрерывным молитвенным общением с Богом и со Христом его. Этим подвигом достигнем и мы, и грядущие по нас Господнего берега.

Тогда братья спросили, что же случилось с третьим монахом, оставшимся около реки.

Авва Иоанн начал вздыхать и скорбеть, а потом ответил:

— Долго он оставался один, крича и плача, и не чувствуя в себе силы захотеть огненных крыльев и овладеть этим огнем. Но так сильно бился он на путях человеческой своей природы, что были наконец и ему даны крылья, но не огненные, а слабые и бессильные, как слаба и бессильна плоть человеческая.

И, невзирая на их бессилие, он дерзнул к полету. И было мне страшно глядеть на него, потому что часто

погружался он в смоляные волны, — так что я почитал его погибшим. Но потом, возникнув из вод, он продолжал по великой нужде своей стремиться к другому берегу. И опять тонул. И опять возникал. Так с большой скорбью и с большим трудом достиг он блаженных.

Этим словам также просили братья дать разъяснение.

— Относятся эти слова к отдаленным временам, когда люди, отказавшись от огня, вне человеческой природы лежащего, тем самым обрекут себя на слабые и бессильные крылья своих усилий. И этими, нам неизвестными, усилиями, погибая и вновь возникая, едва достигнут иного берега и будут спасены.

Выслушав это объяснение, братья отошли от аввы Иоанна, размышляя, какой путь угоднее Богу: путь ли пламенного вознесения, или путь железного усилия слабых крыльев.

ЛЕТОПИСЬ КАК ИКОНА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ (по «Повести временных лет»)

Летопись в силу ее историко-событийного характера и повествовательно-исторической направленности является одним из наименее иконичных* жанров литературы Древней Руси. Тематику летописных записей нетрудно проследить. В основном ее можно свести к нескольким темам: а) княжеская жизнь — рождение, женитьба, начало княжения, кончина князей и т.п.; б) военные походы князей против врагов, нападения врагов и все события, связанные с ними (например, мирные договоры); в) княжеские междоусобицы в борьбе за власть или за новые вотчины; г) церковная жизнь — от речи философа, через крещение Руси к строительству и украшению новых церквей, основанию монастырей, поставлению епископов и игуменов; д) необычайные природные явления. Событиями такого характера и ограничивается тематика «Повести временных лет». В более поздних летописях тематика записей расширяется за счет описания деловых, торговых, семейных, военных связей с другими районами страны и другими странами. Нельзя не обратить внимания, что пункты а), б) и в) легко объединяются в один, и таким образом в летописях мы находим три больших темы: мирская жизнь, церковная жизнь и природная. По объему записей на первом месте стоит мирская жизнь, а на последнем природная. Но следует отметить, что многие события, внешне принадлежащие к мирской жизни, внутренне переосмысливаются летописцем как события религиозные. Наиболее яркий пример — убийство Святополком своих братьев Бориса и Глеба, которое из эпизода в княжеской междоусобице выросло в

* Иконичность — онтологическое, антиномичное единство явлений Божественного и тварного мира, благодаря которому невидимое становится видимым, а человеческое причастным Божественному. Наиболее яркий пример — реальное «присутствие» святого на своей иконе и восхождение почитания образа к Первообразу.

символ христианского самопожертвования и из краткой летописной записи в житие. Между этими тремя большими темами существует постоянно действующая иконическая связь, и выделять их, а тем более разделять, можно только условно. Это касается и описания природных явлений (1, с. 47, 164, 177, 179, 225, 237): они важны не сами по себе, а как предвестие или приход возмездия за грехи, т.е. летопись вскрывает и описывает их иконический аспект.

«Повесть временных лет» начинается с общего для подавляющего большинства хроник и летописей вступления. Обычно это вступление посвящено одному из трех событий — сотворению человека, всемирному потопу или Вавилонскому столпотворению. «Повесть» начинается с потопа. Это важно для летописца, поскольку именно сыновья Ноя — Сим, Хам и Иафет — разделили между собой землю и славянские земли достались в удел Иафету. Далее летописец описывает столпотворение — не менее важный факт для него, поскольку до того был «род един и народ един», Бог же разделил людей на 72 народа, и от одного из них произошли славяне; так Иафет получил в удел и славянские племена.

Начало летописи выполняет несколько важнейших функций. Оно, во-первых, включает историю славян во всемирную историю, тем самым утверждая, что славяне не «без роду, без племени», что их история — часть всемирной истории. Во-вторых, что важнее, оно включает славян в Священную историю. Они возводятся по своему происхождению к одному из «семидесяти двух язык», рассеянных Богом по земле, возводятся к племенам Иафета — сына Ноя. В-третьих, как очевидно, от Ноя легко взойти по библейской лестнице родов и поколений к Адаму, сотворенному Богом. Тем самым славяне утверждаются как «потомки Адама» и «создания Божии», но не метафорически, а онтологически. В-четвертых, славяне утверждаются как народ равноправный по отношению к другим народам, поскольку у всех обций праотец — Адам и все народы — дети Божии.

Обратим внимание, что во всех четырех случаях летописное введение является как бы историко-антропо-

логическим (в плане Священной истории, конечно) комментарием главной идеи — человек сотворен по образу-иконе Божией, и каждый человек (как и народ в целом) несет в себе черты богообразия и богоподобия.

Но у летописного введения есть еще одна важная, а может быть и главная функция. Начало летописи включает не только историю народа в Священную Историю, но и время в вечность. Рассказав подробно о славянских племенах, летописец ставит первую дату: «В лето 6360 (852)... стала прозываться Русская земля». Казалось бы, здесь кончается летописное введение и начинается событийное повествование, но на деле первая запись, обозначенная точной датой, выполняет именно эту функцию «включения» летописного времени в вечность. В ней летописец возвращается к Адаму (в прямом смысле) и суммирует года от Адама до потопа, от потопа до Авраама, от него до Моисея, далее через Давида, Соломона, пленение Иерусалима, через Рождество Христово, через Константина Великого до русских князей Олега, Игоря, Святослава и других до года составления летописи (см. 1, с. 35). И здесь важно отметить, что летописец в первой годовой записи, во-первых, не восходит по годам от настоящего к Адаму, а исходит от Адама, и так время как бы «вытекает» из божественной вечности; во-вторых, он доводит исчисление лет не до первой даты, данной в летописи (6360–852), а до времени ее написания; так еще раз размывается, растворяется начало славянских племен во всемирной истории и подчеркивается неважность и незначительность точной даты их выхода на историческую арену, поскольку корнями своими они восходят к одному из 72 народов, а через него к Иафету и Ною и далее через Адама к Богу. Начало летописи — это не начало истории данного периода и тем более не начало времени, а их продолжение во всемирном, историческом и временном потоке.

Как отмечалось выше, время Священного Писания предельно иконично, оно буквально «пропитано» вечностью и имеет вневременный смысл. Через это предельно иконическое время Священной Истории летописное время включается в вечность, происходит сакрализация

летописного времени. Обратимся опять к той же первой датированной записи в «Повести». После исчисления лет от сотворения мира летописец говорит: «Но возвратимся мы к прежнему (т.е. к 6360 г. — В. Л.) и расскажем, что произошло в эти годы, — как уже начали с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года. В лето 6631. В лето 6632. В лето 6633. В лето 6634. В лето 6635». На эту особенность летописей — указание года без записи какого-либо события того года — многократно указывалось в исследовательской литературе (2, с. 263–264). Такие периоды в несколько лет встречаются и в середине летописи, например, с 6378 (870) года по 6386 (878) год, с 6396 (888) по 6405 (897) год и др. (1, с. 39, 41). Иногда летописец кратко помечает: «В лето 6537. Мирно бысть», или «В лето 6775. Ничего несть», или «Бысть тишина». Д.С. Лихачев объясняет эти лишние события погодные записи тем, что летописец стремится отразить ровный ход времени, его объективный характер, его независимость от насыщенности событиями. Нам кажется, эти совершенно верные объяснения нуждаются в дополнении еще одним, может быть главным: *летописец ставит дату без события потому, что в его представлении время истории носит сакральный характер; это иконическое время, из которого нельзя «выбросить» ни минуты.* Не было значительного события, но был год, причем такой же священный, как и другие. В этой записи лишь года проявляется благоговение летописца перед иконическим временем и глубокое смирение перед ним: все в воле Божией, и если не было события, достойного записи или оно утеряно памятью человеческой, — на то, значит, тоже была воля Божия.

Обратимся теперь к записям событий в их самом общем виде, как констатации фактов без всяких комментариев. «В лето 6653. Заложил Владимир святую Софию в Новгороде. В лето 6554. В лето 6555. Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покорил их Казимиру. В лето 6556. В лето 6557. В лето 6558 преставилась княгиня, жена Ярослава. В лето 6559. Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в святой Софии, собрав епископов». Иногда такое

фактографическое изложение событий встречается в записи за один год: «В лето 6538. Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и дал ему имя Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше...» (1 с. 169, 165; см. также с. 258-259). Д.С. Лихачев указал на эту бросающуюся в глаза фактографичность летописей и предостерег от примитивного понимания этой тяги к фиксации факта как поглощенности земными, мирскими событиями, проблемами, заботами. Фактографичность летописи выполняет несколько важных функций. Во-первых, фиксация отдельных фактов (иногда кажущихся мелкими и незначительными) из общего неизмеримо огромного потока событий «создает впечатление неохватного обилия событий человеческой истории» (2, с. 257). Во-вторых, ограниченный по тематике и оттого часто однообразный подбор фактов «подчеркивает повторяемость истории, «неважность» ее отдельных событий с точки зрения вневременного смысла бытия...» (2, с. 257). В-третьих, такое бесстрастное перечисление малых и великих, важных и незначительных фактов уравнивает эти события. Летописец как бы поднимается над ними, смотрит на них с божественной точки зрения вечности, что позволяет ему «показать призрачность жизни, преходящий характер всего существующего». (2, с. 258, также с. 261).

В фактографических записях бросается в глаза и отсутствие каких-либо попыток а) осмыслить события, б) выявить причинно-следственные связи между ними, в) объяснить или прокомментировать их, г) или хотя бы создать «повествовательные переходы» (Лихачев) между ними. В этом смысле такая запись — протокол события. Но и здесь мы имеем дело не с неумением или нежеланием летописца более подробно описать событие или осмыслить его, а с сознательно выполняемой задачей. Для летописца бесспорно всякое событие, поскольку оно лежит в русле иконического времени, имеет глубокий внутренний смысл, но выявление этого смысла — есть прерогатива Божией воли, и если воле Божией не было угодно вскрыть смысл данного события сейчас, то было

бы большой гордыней со стороны летописца своими силами объяснить то, что Бог не пожелал открыть. Кроме того, летописец знает, что часто смысл, значение и последствия события выявляются гораздо позже, но именно тогда, когда на то будет воля Божия. В этом смиреннии летописца — признание иконичности как самого события, так и времени, в котором оно свершается. Но поскольку иконичность, в самом общем плане, это невидимое в видимом, то летописец и фиксирует видимое, оставляя невидимому возможность самому проявиться в той мере и в тот момент, когда это будет угодно Богу. То же самое можно сказать и о причинно-следственных связях. Д.С. Лихачев пишет, что летописец не устанавливает связи между событиями не потому, что он ее не видит, не замечает, а потому, что прагматическая, установленная человеческим разумом связь помешала бы восприятию «религиозной связи событий — связи, находящейся под знаком вечности» (2, с. 259, см. также с. 258). Как иконично время, как иконично событие, так иконична и взаимосвязь между событиями. Но эта иконичность — самовыявление, а не установление человеческого разума. Отсюда и отсутствие часто даже попыток объяснить или просто прокомментировать событие.

Но это не означает, что вся летопись насквозь фактографична. Фактография — лишь один из приемов «иконизации» летописи. В «Повести» мы находим и подробный летописный рассказ, и житийное повествование, и проповедь, и слово похвальное, и сказание, т.е. почти весь набор жанров древнерусской литературы. Их функция в летописи не меняется: иконичность проповеди или жития восполняет и подчеркивает иконичность летописи в целом. Проповедь в летописи, — это маленькая словесная икона в большой, — как клеймо в житийной иконе. Д.С. Лихачев отмечает, что связанный рассказ в летописи «остается такой же констатацией события, как и краткие статьи, фиксирующие исторический факт» (2 с. 259). Например, рассказ о длившемся 6 лет путешествии Афанасия Никитина помечен в летописи одним годом — 1475. Но невозможно оставить без рассмотрения прокомментированный летописный рассказ. И здесь мы

видим, что если летописец ищет и находит смысл события и связь между событиями, то это — не прагматический смысл и не временная причинно-следственная связь. Он ищет и находит причины совсем в другой плоскости — не во времени, а в вечности. Видимое и невидимое неразрывно связаны. В силу своей иконичности каждое событие своими причинными связями уходит в вечность. Человек грешит, но грех — это не нарушение человеческой морали, а нарушение божественной заповеди, он имеет метаморальный и метафизический характер, любой грех умножает силу космического зла; итак, человек грешит, и по попусению Божию ему посылаются возмездие, наказание. К прагматической стороне события относится лишь следующее: когда, в чьем лице, насколько суровое, на какой срок, кому посылаются наказание. Примеры такого объяснения событий в «Повести» довольно многочисленны, точнее, это единственный тип объяснений. Например, в записи под 1068 годом о нашествии половцев читаем:

«Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит Бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и только в горе люди вспоминают о Боге; междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злему убийству и крови пролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение и клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покалялись...» (1, с. 181).

В таких объяснениях летописец чувствует себя уверенно и описание наказания Божия обычно очень красочно. Здесь он не жалеет слов, поскольку иконическое значение события для него вне сомнения, и, объясняя нашествие, скажем, печенегов, собственными грехами подвергшихся нападению и разорению, он действует, пишет в соответствии с волей Божией. Поэтому и *выход из положения летописец видит не в призыве князей к объединению, не в апелляции к их совести, а в призыве к*

покаянию. Грех совершен перед Богом и наказание от Бога. Значит, не с борьбы против врага надо начинать и не с объединения для этой борьбы, а с покаяния перед Богом и испрашивания прощения, с возвращения к Богу, к исполнению Его заповедей. И тогда с Божией помощью можно будет освободиться от врагов. Отсюда, как нам кажется, и довольно мягкое отношение к половцам и печенегам, а позднее и татарам: не как к заклятым врагам (хотя они, конечно, «поганые»), а как к «бичу Божию» (1, с. 233 и др.). Внешняя причина беды — нападение половцев; внутренняя — наши собственные грехи. *Уничтожение или устранение внешней причины — ложный путь, — путь умножения зла и греха*. Логика летописца: устрани внутреннюю причину и внешняя устранилась Божиим произволением (1, с. 181-183, 233-235, 241-243). В связи с наказанием Божиим летописец подчеркивает еще один важный момент. Он призывает не думать о наказании как свидетельстве ненависти Божией к согрешившему человеку. Опираясь на слова апостолов (см. Откр. 3:19, также Евр. 12:6, Прем. 3:12), летописец утверждает вслед за ними, что Бог наказывает того, кого любит. Наказывает, чтобы вернуть заблудшего на путь истинный. Страшно поэтому не наказание, а богооставленность (см.: 1, с. 235).

Иконичность летописного рассказа подчеркивается с помощью еще одного приема: русская история постоянно соотносится со Священной Историей. На протяжении всей летописи мы видим, как событие соотносится с событием (приход Ольги в Царьград с приходом «царицы эфиопской» к Соломону, с. 77); лицо соотносится с лицом (Владимир Креститель с Константином Великим, с. 147; Святополк Окаянный с Каином, с. 161); последствия событий с последствием («как поступили, так и страдаем», — далее пример Иова — с. 233); довольно часто особенности того или иного события также толкуются как следствие библейского пророчества.

В записи под 6601 (1093) годом рассказывается о нападении половцев, которые произошли на праздники Вознесения, а затем Бориса и Глеба. Летописец видит в этом еще раз сбывшиеся пророческие слова: «Обращу

праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание» (Ам., 8:10) (1, с. 233 и др.).

Обычно сопоставление события русской истории и Священной Истории рассматривается как простое сравнение. При таком подходе русская история просто формально освящается (в переносном смысле) авторитетом Библии, причем именно авторитетом Священного Писания, а не авторитетом самого события. Но специфика событий, описываемых в Библии, состоит именно в том, что они носят иконический характер: они произошли во времени, но пребывают в вечности. Они имеют непреходящую ценность и прообразовательный иконический характер. Все последующие события прямо или косвенно повторяют их, восходят к ним, но восходят не по аналогии, а онтологически. Внешне они разделены тысячами лет и огромными пространствами, внутренне они видятся в одном иконическом пространственно-временном континууме. Поэтому в летописи не словесное описание священного события в Библии освящает событие русской истории, а само событие Священной Истории иконизирует событие русской истории: оно антиномически присутствует (как святой «присутствует» в своей иконе) в историческом событии Древней Руси. Только при таком понимании значения событий Священной Истории можно говорить о сакрализации или иконизации истории вообще. То же самое можно сказать и о сопоставлении прославленных лиц Священной Истории и исторических деятелей Древней Руси. Князь Борис в летописном рассказе «Об убиении Бориса» не просто невинная жертва, но имеющая своего библейского аналога — Авеля, но, «новый Абель», он «живая икона» своего прообраза, он не повторяет Авеля, а воспроизводит его собой и в себе. В определенном смысле «новый Абель» выше своего прообраза, поскольку он знает о готовящемся убийстве и добровольно принимает смерть, а главное, — он поступает так, следуя заповедям Христовым. Так же и Святополк Окаянный, получивший свое прозвище от имени первого братоубийцы, — летопись называет его «новым Ламехом» (1, с. 161). Каин не знал, что придет отмщение от Бога, Ламех же уже знал судьбу Каина, когда убивал

братьев; и Святополк именно воспроизводит в себе библейский прообраз. Убийство, совершенное им, получает поэтому и явно выраженный богоборческий смысл.

В иконическом времени все события и лица тесно взаимосвязаны: одно событие (с небольшими вариациями), совершаемое одним лицом, ведет к одним и тем же последствиям. События, лица, последствия воспроизводятся в иконическом времени, и тем самым становятся особенно явными и наглядными проявлениями божественной воли в человеческой истории. Убиение Бориса и Глеба само становится событием иконическим, в котором ясно выразилась воля Божия, и оно становится новой иконой, источником и предметом подражания. Но иконой, не замкнутой в себе, а раскрытой по вертикали, возводящей через Авеля к Богу.

В летописях отмечен следующий интересный факт: «передними» князьями летописи называют князей прошлого, даже далекого прошлого, «задние» же события — это события настоящего или будущего (2, с. 254–255). Как нам кажется, это связано с совершенно особыми представлениями о вечности и о времени, пронизанном вечностью, т.е. иконическом времени. Для современного обыденного сознания есть прошлое, настоящее и будущее, причем прошлое всегда позади (подразумевается — меня), а будущее впереди. Такая точка зрения эгоцентрична, она возможна только при том условии, что все время соотносится лишь с моим настоящим (в качестве «я» может выступать, конечно, не только отдельная личность, но и целая эпоха). В летописи же время течет независимо от «я», так как это иконическое время, нераздельно и неслиянно связанное с вечностью и «управляемое» вечностью. Время летописи — теоцентрично. Прошлое — это и начало, и таковым оно должно остаться и остается в летописи. «В начале сотворил Бог небо и землю...» (Быт. 1:1); «В начале было Слово...» (Ин. 1:1). Начало — всегда начало. Это начало мира, это начало времени. Отсчет лет в летописи ведется от сотворения мира. Наименование начала «прошлым» размывает его ценность и укрепляет человека в его эгоцентризме. Начало имеет абсолютную ценность — будь то начало мира,

начало времени или начало народа. Может быть, отсюда в Древней Руси уважение к традиции, тяга к ней и стремление всеми силами ее поддерживать. Начало — это перед (отсюда «передние князья», «передняя слава»), это первое, что было, и это был божественный творческий акт. И точно так же, как человек испытывает благодарность перед Богом, его сотворившим, так с благодарностью он должен помнить и о передних князьях, ибо там начало его самого.

В современных представлениях будущее впереди, оно предмет футурологии, прогнозирования и научных предвидений, так что человек «примерно» себе представляет его на ближайшие годы. И в таком подходе опять сказывается эгоцентризм. Этот эгоцентризм проявляется в том, что человек сознательно строит «нужное будущее» и если встречает какое-либо сопротивление со стороны природных или социальных законов, то употребляет все силы для преодоления этого сопротивления даже в ущерб настоящему. Для летописца же будущее — это последние времена и сроки. И Иисус Христос, и его ученики апостолы, особенно ярко и подробно Иоанн Богослов в «Откровении», описали конец мира и главные события-приметы, по которым можно определить его приближение, они создали грандиозную словесную икону конца света и Страшного Суда, когда «времени уже не будет» (Откр. 10:6).

Будущее видится, пользуясь иконописной терминологией, в обратной перспективе. Будущее не известно. Будущее — не предмет футурологии, а предмет эсхатологии. И человек не исходя из настоящего (со всеми его болезнями) прогнозирует будущее, а исходя из эсхатологии, зная будущее (конец мира, воскресение мертвых, Страшный Суд и жизнь вечная в Царстве Небесном), строит всю свою деятельность (материальную, социальную, культурную, духовную) в настоящем. Поэтому будущее для летописца — это последние времена (по-греч. ἑσχατος — крайний, задний, последний). При таком взгляде на время нет места эгоцентризму. Летописец даже уподобляется в этом отношении Богу: он смотрит из вечности, он знает из божественного Откровения

о начале и конце времен и в соответствии с этим смотрит на каждое событие.

Вольно или невольно в центре современных обыденных взглядов на время стоит все же не настоящее, а будущее, поскольку настоящее оценивается и переосмысливается с точки зрения идеальных представлений о будущем (хотя формально в центре внимания стоит настоящее). Обращаясь к летописи, нельзя не заметить, что настоящего как такового нет. Ближайшее по времени к летописцу событие (скажем, даже вчерашнее), которое могло бы трактоваться как настоящее, записывается как «последнее», т.е. последнее из тех, что произошли, случились и записаны. «Настоящего» в летописи нет. Будущего еще нет, а прошлое уже закончилось. Происходящее в данный момент событие не может быть записано, так как оно еще не окончилось и не выявлено поэтому его внутреннее значение «с точки зрения вечности», его иконический смысл. Но как только оно заканчивается, то уходит в прошлое, становится «последним» событием в ряду предшествовавших. Наименование этого события «последним» вносит в летопись еще один оттенок. Поскольку, по Евангелию, никто кроме Отца не знает «ни дня, ни часа» Второго Пришествия и конца времен, а наступить он может в любой момент, то практически каждое событие может стать последним «эсхатологическим» событием, т.е. замкнуть, завершить иконическое время и дать место безраздельному царству вечности.

В заключение скажем о разложении летописного жанра как жанра иконического. Д.С. Лихачев называет этот процесс «преодолением летописного способа изложения русской истории и переходом к связному повествованию об истории Руси» (2, с. 269). Но нам важно выявить специфику этого процесса не с точки зрения развития исторической науки, а с точки зрения иконических представлений об истории и иконических способов ее изложения, уточнить направления разложения летописи как словесной иконы всемирной истории (всемирной уже потому, что русская история выводится из Священной Истории). Этот процесс (как и в иконописи) начинается в XVI в. и состоит в настойчивом и

последовательном проведении тех принципов, которые сознательно отвергал летописец более ранней эпохи.

— Вместо бесстрастной констатации факта появляются прокомментированные записи.

— Вместо перечисления отдельных внешне не связанных между собой событий появляются связанные рассказы о нескольких событиях.

— Вместо перечисления лет без записи событий появляются попытки реконструкции прошлого.

— Вместо выявления иконических причинных связей появляются попытки выявления причинно-следственных связей исторического, социального, экономического, идеологического характера.

— Вместо поисков в событии проявления воли Божи-ей стремление по-человечески объяснить его.

— Вместо онтологического возведения одного события или лица к другому (Бориса к Авелю) появляется вначале простое словесное сравнение их, а затем восхваление и возвеличивание исторического лица или события русской истории, не прибегая к Священной Истории, а опираясь лишь на свой литературный дар и красноречие.

Эти наблюдения можно умножить и расширить, но уже из них наглядно видно, что «преодоление летописи» было разрушением ее иконичности в двух планах: как выражения иконического мировоззрения на историю и как словесной иконы этой истории.

Литература

1. Повесть временных лет. — Памятники литературы Древней Руси. XI–нач. XII в. М., 1978.
2. Д.С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Сергей А. ЗЕНЬКОВСКИЙ (1907–1990)

ЖИТИЕ ДУХОВИДЦА ЕПИФАНИЯ

(Из истории старообрядческого движения)

Несмотря на чрезвычайно внушительное количество исследований, посвященных древней Руси, духовный облик древнерусского человека до сих пор продолжает оставаться довольно загадочным. Правда, теперь уже хорошо известно, что писал и что читал древнерусский книжник, как действовала церковная иерархия, каковы были идеалы древнерусской святости и как постепенно складывались основные черты русской мысли и идеологии. Но большинство имеющихся у нас данных о духовной жизни древней Руси можно отнести к богословски-теоретическим или историко-описательным материалам. Эти данные обычно оставляют в стороне самый процесс мышления русского человека, минуты зарождения его сомнений и радостей, периоды духовного напряжения. Так например, многочисленные жития святых, единственные более или менее подробные древнерусские биографии, описывают внутреннюю жизнь своих героев-подвижников так, как она должна была представляться и, видимо, представлялась авторам в свете традиционной византийско-русской святости. В них редко проглядывают радости, внутренние трудности, сомнения и страхи их героев-подвижников. Отдельные замечания авторов о своей личной внутренней жизни встречаются очень редко в древнерусской литературе. Обычно они отрывисты и не глубоки и мало что дают для понимания душевных переживаний героя жития. Политический кризис Смутного Времени, который Русь испытала в начале XVII века, резко сказался на поведении, замашках и мышлении московских людей. Все еще упорно не желая сознаться в необходимости искания новых путей, московский интеллигент начала и середины XVII века, книжник, дьяк

или инок, начинает бессознательно искать и применять новые критерии и установки, подвергая себя и окружающую среду более пристальному и более критическому наблюдению. Часто, даже говоря о необходимости держаться за старину, он на самом деле ищет новых решений и создает для самого себя, а иногда и для других, новую психологическую обстановку. Более чем когда бы то ни было за века старой русской истории, русский человек эпохи Смуты, царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича инстинктивно стремится осознать самого себя, свое духовное наследие и окружение, понять, проанализировать и определить себя и свою среду. Естественным результатом этих исканий было развитие интереса к личности, стремление понять и изобразить человека, создать подлинные литературные портреты героев и современников.

За последние десятилетия русскими и иностранными учеными было немало сделано для изучения этого процесса, который некоторые исследователи называют процессом развития литературного психологизма. К сожалению, обращая более значительное внимание на повести и поэтические произведения этого переходного времени, большинство современных исследователей игнорировали жанр религиозного и полурелигиозного жития и отдельные биографические и автобиографические материалы, разбросанные в литературе церковного происхождения. А именно в этих житиях и отдельных биографических заметках можно найти и ключ к пониманию московского человека, и любопытнейшие данные для изучения литературных и духовных сдвигов той эпохи. Правда, отдельные жития семнадцатого века стали общим достоянием литературной истории, например, жития Юлиании Лазаревской или автобиографическое житие Аввакума. Но много других литературных портретов XVII века продолжают оставаться неизвестными или мало изученными. К числу таковых очень долго принадлежала и замечательная исповедь духовидца Епифания. Эта исповедь Епифания весьма необычное и своеобразное явление в допетровской литературе. Ни один памятник древнерусской письменности не описыва-

ет так откровенно и отчетливо внутренние переживания автора-героя, не раскрывает его духовные трудности и думы, как это житие-автобиография. Издатели этого не озаглавленного самим автором рассказа обычно называли его «житием». Но вряд ли термин «житие» подходит к произведению старца. Житием обычно называется произведение не о собственных переживаниях автора, а о жизни какого-либо другого лица, чаще всего деятеля Церкви или святого. Слово автобиография, как его тоже иногда называют, в свою очередь, не вполне точно охарактеризовало бы рассказ Епифания, так как автор в нем говорит не столько об истории своей жизни, сколько о своем духовном опыте и потрясениях, описывая при этом только два сравнительно коротких периода своего монашеского существования и стояния за веру. Наиболее правильно будет определить произведение Епифания как исповедь, так как оно, действительно, представляет собой искреннее высказывание пережитого духовного кризиса, отчет о страданиях и исцелениях, о молитве и религиозных ожиданиях, о колебаниях и победах над искушениями.

В этом внешне безыскусном рассказе с наивной искренностью раскрывается духовный мир и религиозные представления московского человека XVII века. В нем чувствуется беспредельная преданность вере, уверенность в постоянном и непосредственном вмешательстве сил небесных, сил зла в жизнь людей и готовность пострадать за жизнь Церкви. Бесконечные видения Епифания, начиная от явлений ему Богородицы и кончая его постоянными стычками с бесами, составляют в русской литературе редкое свидетельство о напряженной собственной религиозной жизни и о почти что непрерывном духовном экстазе. Эти видения рисуют автора, как человека, действительно чувствовавшего себя на границе мира земного и мира потустороннего. Мистическая убежденность Епифания дает возможность назвать его духовидцем, для которого контакт с миром вечности был чем-то вполне естественным и обычным. Психологический облик русского монаха времени великого раскола в русской Церкви, нарисованный этим соловецким старцем

на основе самоанализа, во многом может помочь историку и литературоведу понять трагическую подкладку религиозной борьбы того времени.

Этот значительный памятник древнерусской литературы был издан два раза уже до революции в 1889, а затем в 1912 году, известными расколоведами А. Бороздиным и Я.Л. Барсковым,¹ но только совсем недавно он привлек внимание литературоведов. В 1947 году И. Еремин отметил умение Епифания изобразить душевные переживания, его простой и ясный язык. Через несколько лет после изысканий И. Еремина, автор этих строк указал на самостоятельность Епифания в выборе автобиографического жанра, выяснил его связь с более ранними русскими авторами, также писавшими о своей жизни, и определил его роль в истории развития русской автобиографии. В 1958 году, московский знаток допетровской литературы А.Н. Робинсон посвятил в свою очередь две ценных статьи этому вопросу, а в 1963 году переиздал «житие» Епифания с обширными комментариями.² Тем не менее, многое в творчестве Епифания продолжает оставаться невыясненным; структура и цель его Исповеди, причины, побудившие его взяться за перо, источники его вдохновения. Кроме того, сравнительно мало изучена и жизнь самого Епифания.

Материалы о его жизни и творчестве не богаты. В документах его времени можно найти отрывистые указания об аресте и суде над ним. Отдельные упоминания о нем встречаются в еще неопубликованных житиях староверческих старцев Кирилла и Корнилия. Конечно, очень важны сочинения самого инока Епифания и его духовного сына Аввакума. Это, кажется, все, чем теперь располагает исследователь. Правда, в начале XVIII столетия, знаменитый старообрядческий выговский писатель, Семен Денисов, и какой-то другой тоже выговский книжник-аноним написали довольно длинные биографии Епифания. Составленные, очевидно, на основе довольно смутных воспоминаний, эти биографии, к сожалению, мало что дают для облика старца и явно страдают от чересчур ретивого применения шаблона и писательской фантазии. Поэтому, главный источник

для его биографии составляет его, им самим написанное, житие.

II

Биография пустозерского страдальца сравнительно незатейлива. За исключением последних пятнадцати лет, проведенных им в пустозерской ссылке, жизнь его очень мало известна. Епифаний родился в деревне, по-видимому, между 1615 и 1620 годом. Смерть его родителей, последовавшая в 1638 году, застала его еще неженатым и не монахом. Имея в виду распространенный среди русских того времени обычай раннего брака, можно думать, что ему тогда вряд ли было больше 20 лет. С другой стороны, то обстоятельство, что он был в Пустозерске духовником Аввакума, позволяет предполагать, что он был старше протопopa, т.е. родился до 1620 года, года рождения Аввакума. В 1638 году Епифаний приходит в не называемый им по имени «град некий, зело велик и многолюден, град благочестив и христианский», в котором он прожил семь лет... После «некого искуса» в 1645 году, Епифаний решает жить «житием чистым и богоугодным» и отправляется в Соловецкий монастырь. Знаменитая обитель была тогда на вершине своей славы. Мощи св. Филиппа, митрополита Московского и жертвы Иоанна Грозного, торжественно перенесенные туда еще в шестнадцатом столетии, давно привлекали к этому северному форпосту православия внимание благочестивых людей. В 1636 году патриарх Иоасаф I внес имя замученного митрополита в список святых, что еще более возвысило авторитет и ореол святости монастыря. А еще через шестнадцать лет, уже во время пребывания там Епифания, перенесение мощей св. Филиппа из Соловков в Москву превратилось в общерусское торжество православия.

Вполне вероятно, что решение Епифания начать благочестивую жизнь было принято им под влиянием движения «боголюбцев», охватившего тогда все верхневолжскую и среднюю Россию. Как раз в сороковых годах это движение, начатое нижегородским протопопом Ива-

ном Нероновым и поддержанное царским духовником о. Стефаном Вонифатьевым, а также самим царем Алексеем Михайловичем, достигло своего апогея. Боголюбцы стремились превратить Россию в страну подлинного православия, преобразовать всю жизнь народа на христианских началах благочестия и справедливости. Дальнейшая связь Епифания со старообрядчеством, притом как раз с тем крылом, которое возглавлялось Нероновым, Аввакумом, Лазарем и другими боголюбцами, говорит в пользу этого предположения.

Епифаний прожил в Соловках, как послушник, около семи лет. В 1652 году, т.е. в год перенесения мощей св. Филиппа в Москву, он принял монашество, после чего еще около трех лет оставался в монастыре; Соловецкий архимандрит Илия сам совершил обряд пострижения молодого послушника. В 1655 году в Соловки прибыл, бежавший из ссылки, уже упомянутый протопоп Неронов. Этот основоположник движения боголюбцев был сослан патриархом Никоном на север за сопротивление новым обрядам. Неронов недолго пробыл в обители св. Филиппа, но зато успел за короткое время пребывания там настроить братию против Никона и его новшеств.³ С тех пор Соловки стали оплотом сопротивления реформам патриарха; когда в 1657 году царские посланцы привезли туда новые церковные книги, среди монахов, как описывал Епифаний, началось большое смятение, «святые отцы и братия начаша тужити и плакати горько и глаголати сице: Братия, братия! Увы, увy! Горе, горе! Пала вера Христова, якоже и в прочих землях, в земли русской двумя врагами Христовыми Никоном и Арсеном». Этот Арсений был ученый грек, обвиненный в 1649 году патриархом Паисием Иерусалимским в переходе в мусульманство и дважды в католичество, и за это сосланный в Соловки. Никон опрометчиво взял ученого, но подозрительного грека в правщики новых изданий богослужебных книг, что вызвало среди русского духовенства, и особенно на Соловках, где Арсения, конечно, хорошо знали, бурю негодований. Епифаний, хотевший уйти от мирской суеты, не смог вынести новых соблазнов и споров. С благословения своего духовника, старца

Мартирия, он решил оставить Соловки и пошел к Онежскому озеру, где поселился в пустыне старца Кирилла. Пустынь Кирилла была расположена на небольшом, так называемом Виданском острове, на реке Суне, в двадцати верстах от ее впадения в Онежское озеро.⁴ Тяжелый физический труд, резание из дерева крестов, которые он раздавал местному населению, и молитва составляли главную часть жизни Епифания. Изготовление крестов было особенно любимым занятием старца. В церквах соседних с Виданской пустыней деревень еще в двадцатом веке сохранялись кресты, которыми он украсил церковные стены.⁵ Иногда Епифаний пользовался крестами для укрепления населения в старой вере и делал на крестах надписи в защиту двухперстного крестного знамения. Своими проповедями и поучениями «попов с причетниками и всех людей» он приобрел славу как учитель и твердый защитник старой русской веры. Все же полного душевного покоя старец не нашел даже и в дебрях прионежских лесов. Но на этот раз не еретики и не соседи смущали благочестивого старца. В своей «Исповеди» он сам рассказывает, что силы зла, бесы, старались отвлечь его от молитвы и выполнения его монашеского долга. Только постоянное заступничество святых и Богородицы помогло ему спастись от этих нападений.

В 1655 году у Епифания, во время сна, было вещее видение. Приснившийся ему, недавно умерший, соловецкий настоятель Илья повелел старцу еще более энергично выступить в защиту старой веры и начать писать книгу, обличающую «отступившего от благочестия» царя Алексея. На следующий день Епифаний принялся за работу над книгой. Вскоре, оставив товарища по пустыни Кирилла, он перешел к знаменитому в расколе своим необычайно преклонным возрастом старцу Корнилию. Этот мафусаил раскола жил при всех русских патриархах от Иова до Адриана и умер в 1695 году, 125-ти лет от роду. В новой пустыни, на Каткозере, Епифаний прожил около двух лет и там же закончил свою книгу. Завершив работу над этим обличительным писанием, он предложил своему товарищу по подвижничеству идти вместе в Москву. «Пойдем, брате Корнилие, к Москве для обличения

никонианского нечестия, да постражем за благочестие, яко отцы и деды наши... приспе убо время деяния нашего. Венцы уготованы страждущим и скорбь терпящим...». Но Корнилий отказался последовать примеру соловецкого инока. У него тоже было видение, во время которого он был извещен, что позже ему суждено будет «быть отцом и наставником многим ко спасению» и что поэтому он должен беречь себя. После трех дней поста и молитв Епифаний отправился сам в Москву обличать царя.⁶ Точная дата его прихода в Москву неизвестна, но, судя по тому, что его не судили, как других вождей раскола, на общерусском соборе, поздней весной и летом 1666 года, а только в следующем году, на соборе с участием восточных патриархов,⁷ можно заключить, что он попал туда только осенью или ранней зимой 1666 года.

В пустыни Корнилия, или же в Москве, до своего ареста, Епифаний, видимо, написал первую версию рассказа о своей жизни. Эта его первая автобиография сохранилась в оригинале в составе «Христиано-опасного Щита Веры», компилятивного сборника, составленного бывшим учеником Аввакума, единственным юридическим-писателем, Афанасием, также известным под своим монашеским именем Авраамия.⁸

В эти годы, в старой столице Руси между сторонниками и противниками нового обряда происходила упорная борьба. В 1660-х годах эти распри приняли настолько острый характер, что для восстановления мира в Церкви царь Алексей Михайлович решил созвать сначала общероссийский, а затем и почти что общеправославный собор с участием восточных патриархов. Главный оплот противников Никоновских реформ находился в это время в доме богатой боярыни Морозовой, у которой постоянно бывали и жили как вышеупомянутый Афанасий-Авраамий, так, перед своей последней ссылкой, и сам протопоп Аввакум. Там же, видимо, остановился и жил старец Епифаний. Во всяком случае, в своих письмах к Морозовой, Аввакум позже постоянно упоминал Епифания как хорошего знакомого боярыни.⁹

Подача царю челобитной и обличительной грамоты привела к аресту и заключению Епифания.¹⁰ После по-

лугодичного заключения он и другие борцы за старый обряд, Аввакум и поп Лазарь, предстали перед судом патриархов. Все трое категорически отказались принять новое трехперстное крестное знамение, новые молитвы и обряды и осудить старые московские традиции. Епифаний не так долго спорил с патриархами, как Аввакум, но не менее решительно заявил, что «новоизданные книги худы; Никон проклят, да и книги прокляты», что «соборная апостольская Церковь была истинна, а ныне смутилась», что «сам великий государь верует веру не отца своего... царя Михаила Федоровича» и прибавил, что «о том писано в его Епифания книге, какова подана великому государю...».¹¹

Бунтовщики против авторитета русского и восточных патриархов были отлучены от Церкви и преданы гражданскому суду. В тот же самый день все три «раскольника» были привезены в тюрьму на Воробьевых горах. Здесь были сделаны новые попытки уговорить их вернуться в лоно Церкви.¹² Личное заступничество царя спасло Аввакума от физического наказания; но Епифанию и попу Лазарю пришлось хуже. Во время публичной «казни» 26 августа 1667 года обоим были отрезаны языки.¹³ На следующий день после «казни» язык старца зажил и начал отрастать.¹⁴ После наказания все трое, и их новый товарищ по испытаниям, Симбирский протопоп Никифор, которого за приверженность к «русской вере» арестовали сами восточные патриархи, когда они ехали в Москву, были сосланы в крошечный городок, острог Пустозерск, находящийся на реке Печоре, приблизительно в 100 километрах от ее впадения в Северный Ледовитый Океан. Они прибыли туда 12 декабря 1667 года, чтобы уж больше никогда не вернуться на родину.

Первые три года пребывания в Пустозерске прошли сравнительно благополучно. Тюрьмы там еще не было, и трое ссыльных жили в избах местных жителей, постоянно встречались и вместе работали.¹⁵ Великий ловец душ человеческих, протопоп Аввакум легко завоевал расположение стрельцов и жителей, которые несомненно преклонялись перед твердой верой заключенных. Скоро затерянный далекий городок превратился в гене-

ральный штаб старообрядческой пропаганды и сами стрельцы пересылали дальше послания, трактаты, письма ободрения и другие произведения этих вождей старообрядчества. Тесная связь постоянно поддерживалась с Москвой, Доном, сибирскими городами, Мезенью, старообрядческими скитами и поселениями севера.

Рост движения старообрядцев и обнаружение правительством связей между Москвой и Пустозерском привели к новым гонениям и ухудшению положения узников.¹⁶ В начале апреля 1670 года в Пустозерск прибыл новый жестокий и решительный тюремщик, Иван Елагин, который потребовал от узников отречения от веры. Все четверо — за это время умершего Никифора заменил тоже сосланный в Пустозерск диакон Федор — решительно отказались. 14 апреля, по приказанию Елагина, трем из них — Аввакума снова спасло заступничество царя — во второй раз отрезали отросшие уже языки и отрубили правые руки.¹⁷ После этого узники были переведены в новые места заключения. Для каждого из них была приготовлена яма-тюрьма с небольшим окном для передачи пищи и топлива. После того, как узники заняли свои «камеры», вход в них был заделан и засыпан землей, чтобы никто из заключенных не мог уже выйти оттуда. В этих подземных избах-ямах все четверо старообрядцев провели двенадцать лет. Кажется, только под конец их мученичества окна и камеры-ямы были несколько расширены так, что иногда по ночам они могли выползти из своих «тюрем-нор». Да и то, это послабление, видимо, стало возможно только в то время, когда стража состояла из преданных им стрельцов. Вскоре после второй «казни» языки Епифания и Лазаря снова чудесно отросли, и это было ими воспринято, как торжество их веры над врагами.¹⁸ Даже эти казни и совершенно нечеловеческие условия существования в подземной яме-тюрьме, заключение за полярным кругом и суровый режим не сломали духа мучеников. Правда, как рассказывает Епифаний, и как это видно из писаний Аввакума, первое время они, особенно Епифаний, впали в совершенное отчаяние, но упадок сил и духа продолжался недолго. Их борьба за старую веру продолжалась: в под-

земных тюрьмах-ямах были написаны жития Аввакума и Епифания, многочисленные и обширные трактаты и послания Аввакума, Федора и Лазаря. Несомненно, многое из написанного пропало, но и то, что дошло, свидетельствует о большой духовной и литературной работе. В 1672–1673 годах Аввакум закончил свое житие, а через год или два была создана и вторая версия исповеди и жития Епифания. Только эта литературная работа, молитва, бесконечные страдания, все более и более редкая переписка с друзьями и единомышленниками на воле и случайные ночные встречи, когда им удавалось выползти из своих ям-камер, заполняли жизнь продолжавших твердо стоять за свою веру страдальцев. Свою тюрьму они оставили в начале 1682 года, но не для свободы, а для общего сожжения. В этом году старообрядческая пропаганда была особенно успешна, и, желая пресечь «корень зла», правительство и церковная иерархия решили положить конец существованию главных «бунтовщиков». 14 апреля все четверо были сожжены на костре. Пустозерское сидение закончилось.

III

«Житие» или «Исповедь» старца Епифания сравнительно короткое произведение, насчитывающее всего лишь около 12 000 слов, т.е. 28–30 страниц среднего формата. Оно дошло в оригинале в двух отдельных, высланных в разное время из тюрьмы в Москву частях. Вторая часть, в свою очередь, распадается на два независимых подотдела, так что точнее говорить о трех, чем о двух частях исповеди. В первой части описываются начальные годы монашеской жизни Епифания в Соловках и в Виданьской пустыни, причем на долю 1657–1664 годов, т.е. восьми лет, проведенных им в Виданьской пустыни, приходится почти девять десятых этой первой части. Вторая часть сравнительно мало касается жизни автора и состоит преимущественно из отдельных дидактических рассказов о разных чудесах. Наконец, третья часть посвящена «казням» старца 1667 и 1670 годов, по-

вторному отрезанию его языка, мучениям после казни и испытаниям тюремной жизни в Пустозерске.

Такое построение повествования производит, при первом беглом чтении исповеди, впечатление произведения несколько хаотического, в котором нагромождены расположенные без особого плана обрывки воспоминаний, описания душевных переживаний и отдельные, мало связанные с жизнью автора, повествования о чудесах, частично заимствованные им из древних патериков. Но это впечатление хаотичности проходит при более внимательном рассмотрении жития. Вся исповедь построена вокруг одной темы, которой подчинен весь рассказ. Это тема апологии веры Епифания. Но, как это ни странно, старообрядец Епифаний в этом трактате почти что ничего не говорит о «старой» вере, о «старом» обряде, защите которого посвящены житие его духовного сына и союзника Аввакума и многочисленные трактаты других старообрядцев. Тема Епифания значительно шире, чем тема старого обряда. Это скорее тема общехристианского, а не специфически старообрядческого религиозного оптимизма. Это демонстрация веры в милосердие Божие, в Господню помощь, в конечное торжество Божьего Промысла, который, в самые трудные минуты жизни, просветляет верующего и помогает ему. «Ищу како бы Христа милостива сотворити себе и людем», так определяет в предисловии к исповеди свою тему и задачу сам Епифаний. Поэтому работа автора не стала его автобиографией и сравнительно мало сообщает фактов о его жизни и о борьбе старообрядцев против Никона и реформ.

По существу, рассказ Епифания скорее всего исповедь собственного религиозного мировоззрения, трактат об отношениях верующего к Богу, о чудесном вмешательстве сил небесных в жизнь христианина. Это отчет о мистическом опыте, который ведет к прославлению и утверждению милости Божией. Все эпизоды из жизни Епифания превращаются под его пером в иллюстрации к гимну торжества веры, веры, проходящей через горнила испытаний, веры, спасенной милосердием Всевышнего. Среди многочисленных чудес, испытанных и описанных

Епифанием, нет ни одного чуда, носящего карательный характер. Все они свидетельствуют о Божьей помощи и о прощении Богом ропщущего и сомневающегося грешника.

В свете этой доктрины христианского оптимизма, план Епифания вырисовывается вполне ясно. Его произведение построено на принципе смены религиозно простых явлений более сложными и более духовными. При этом напряжение самого рассказа и интенсивность религиозного настроения постепенно растут по мере развития повествования. В первой части своей исповеди Епифаний, как указывалось выше, по преимуществу повествует об испытаниях и искушениях в Виданьской пустыни. Эти ранние испытания и искушения психологически были не так сложны и заключались в назойливых попытках бесов нарушить духовный и физический покой старца. По рассказам Епифания, он имел неоднократно физические столкновения и даже драки с бесами, которые посылали на бедного монаха полчища муравьев и неоднократно пытались сжечь его келейку. Все эти религиозно неглубокие испытания в конце концов всегда завершались победой старца, которому, по его словам, помогали небесные силы. Вторая часть исповеди отличается значительно более высоким духовным уровнем рассказов, более возвышенным тоном повествования и объединена общей темой утверждения мистической силы молитвы. Упоминаний о бесах, борьбе с которыми посвящена вся первая часть исповеди, во второй части уже совсем нет. Зато в ней Епифаний приоткрывает тайну возможной связи с потусторонним миром умерших и настойчиво выдвигает учение о важности столь любимого им креста, как символа Иисуса Христа, «жертвенного и милостивого Спасителя мира». Третья часть литературно и духовно наиболее сильная. Собственно, эти страницы и составляют главную и наиболее существенную часть содержания исповеди. Небесное вмешательство в жизни Епифания проявляется в ней не в избавлении от бесов и даже не в раскрытии тайны молитвы и связи с потусторонним миром, а в исцелении старца от его духовных и физических недугов. Он обрета-

ет полное утешение и утверждается в бесконечной милости Творца.

В пяти эпизодах этой третьей части нарастание психологического и религиозного напряжения передано особенно удачно. Раскрытие небесного промысла идет в ней снова от более простых тем к более сложным. Первый, третий и пятый эпизод посвящены разным моментам страданий и сомнений Епифания после его «казней». В первом же рассказе автор передает, как, изнемогая от ужасных болей, после того, как ему был отрезан язык, он стал просить Бога послать ему смерть. «Господи, Господи! Возьми душу мою от мене, не могу терпеть болезней горьких, помилуй мене, бедного и грешного раба Твоего, возьми душу мою от тела моего... и, — продолжает старец, — вижу, не даст ми Бог смерти...». Когда же боли вместо того, чтобы утихнуть, стали еще сильнее, Епифаний начал уже не только грешить просьбой о смерти, но и роптать на посланную ему Богом судьбу. Обращаясь к Богу, он вспоминает, что сам Господь, через явление покойного архимандрита Ильи, позвал его на борьбу с царем и, несмотря на это, теперь оставил его, Епифания, и не шлет ему помощь. «Ох, ох, горе мне бедному, один погибаю, не помогает ми никто ныне, ни Христос, ни Богородица, ни святии вси». Несмотря на ропот за посланную ему судьбу, несмотря на сомнения в милости и справедливости Бога, Господь не наказывает Епифания, но, наоборот, помогает ему. Милость Его бесконечна. Во время сна сама Богородица исцеляет руку мученика. Рассказ здесь достигает высокой патетичности. Вряд ли кто-либо другой в русской литературе до Достоевского так откровенно и сильно изображал душевные страдания и сомнения в разумности стояния за веру.

Следующий эпизод не так драматичен, но и здесь мысль о милости Божией пронизывает весь рассказ, а чудо еще более значительно. После молитвы, искалеченный язык старца не только зажил, но вскоре и совершенно отрос до прежней длины.

Третий рассказ касается опять-таки чудесного отражения языка, на этот раз после второй «казни» 1670 года. Сидя после наказания в своей ужасной подземной

тюрьме, Епифаний читал псалмы и мысленно постоянно повторял с горестью безнадежности слова псалма: «возрадуется язык мой правде Твоей...». Эта фраза, которая беспрерывно напоминала ему, что его язык снова отрезан, опять привела его к сомнениям. Он снова обращается к Господу с горькой речью, в которой прорываются обида и безнадежность: «Господи, кому во мне возрадоватися, у меня и языка нету, чем возрадуюся...». Но милость Господня снова не оставила его. В ту же ночь ему приснились его оба языка, первый, отрезанный в Москве, и второй, отросший и затем отрезанный в Пустозерске. На следующий день после этого сновидения язык старца снова начал расти и вскоре совсем отрос.

Подземная камера, в которой Епифаний просидел с 1670 года по 1682 год, была место и следующего, четвертого чуда, во время которого Господь снова укрепил веру страдальца. Ужасная тюрьма, которая, по словам Епифания, была для него «и церковью и трапезой и заходом», опять подорвала душевные силы и веру старца. Он стал невольно сомневаться, идут ли его мучения «на пользу и спасение бедной и грешной души моей». Горячая молитва о чуде, обращение к Богу с просьбой об указании праведного пути и подтверждения целесообразности его жертв и страданий были результатом его горьких дум. Молитва была услышана. Ночью, во сне, у него было новое видение. Перед ним явился образ Спасы Нерукотворного и страдальцу послышались слова: «твой сей путь, не скорби». И тогда, повествует инок, «той образ гласом своим отогнал от меня тму малодушия и от того времени стал терпеть с радостию всякую нужду темничную, благодаря Бога, чая и ожидая будущие, грядущие радости». Последнее, пятое, описанное Епифанием исцеление опять-таки было связано с пустозерской казнью. Епифаний, сидя в своей подземной темнице, страдал от ужасных болей в рассеченной руке и от боли глаз: дым, шедший от его очага, не выходил из темницы-камеры, имевшей только одно небольшое окно, и разъедал его глаза. Епифаний был в ужасном душевном состоянии. В это время, совершенно неожиданно пришел к нему стрелецкий сотник и попросил его сделать ему крест.

Возможность заняться своей любимой работой, вырезыванием креста, и мысль о самом кресте, символе силы Христа, всегда прославляемого Епифанием, спасли старца от отчаяния и уныния. Его раны быстро исцелились. Кроме того, работа над крестом для стрелецкого сотника укрепила его дух. Епифаний восстановил свой душевный мир. «Креста ради Христова» мученик окреп. Руки его снова стали способными работать, и он занялся, как это и делал раньше, в своей столь любимой им Виданьской пустыни, изготовлением крестов во славу Бога и себе на спасение. Чтобы отметить свое душевное и телесное исцеление, старец составил в честь креста особую церковную службу, состоявшую из песнопений и молитв. Этим торжественным прославлением милости и славы Христа и прославлением Его креста и заканчивается исповедь пустозерского узника.

IV

Основная тема Епифания — испытание праведника Господом с целью утверждения его в вере и проявления Божьего милосердия — религиозно и философски настолько значительна и трактовка ее на фоне собственной жизни настолько смела, что невольно возникает вопрос о самостоятельности автора. Композиция исповеди несомненно возникла как результат самостоятельного творчества и личной жизни пустозерского узника. Идея же испытания праведника Богом, вероятно, была навеяна чтением библейских текстов и, в частности, «Книги Иова» и «Псалтыри». Епифаниево стояние за веру, его «казни», отсечения языка, видения Богородицы, Нерукотворного Спаса, игумена Илии, борьба с бесами были описаны автором совершенно независимо от библейских текстов и, конечно, ничего общего с эпизодами книги Иова или Псалтырью не имеют. Общая структура и разработка исповеди несомненно указывают на значительное литературное умение поставить в основу рассказа о личной жизни большую, вековую философскую проблему веры. Тем не менее, основная линия рассказа о духовных переживаниях и физических мучениях русского инок

очень близка к библейскому повествованию об испытаниях Иова. В обоих случаях преданные Господу верующие подвергаются проверке стойкости их веры. Но Иов был богат, семейно счастлив, и поэтому его преуспевание в жизни могло вызвать обвинение сатаны в том, что праведник поклонялся Богу прежде всего потому, что Господь был милостив к нему и посылал ему безоблачную удачу. Поэтому-то сатана и надеялся, что вера Иова не устоит перед испытаниями, посланными свыше. Счастье инок Епифания покоилось на гораздо более глубоких духовных корнях, чем преуспевание библейского праведника. Он не знал ни радостей семейной жизни, ни обилия благ земных, ни материального довольствия, но зато был богат духовным спокойствием, радостью веры, тихой жизнью в пустыни. Тягчайшим испытаниям подвергалась именно эта радостная и прекрасная, спокойная вера Епифания, после того как во время ночного видения игумен Илия послал его бороться за спасение истинной веры. Результаты этого испытания привели к значительно большей чисто духовной радости, чем те радости, к которым через все семейные, физические и материальные невзгоды пришел Иов. В противоположность Иову, Епифаний не вернулся к радостям земной жизни в своей пустыни, нашел лишь частичное физическое исцеление и обрел душевное спокойствие, хотя и остался в своей ужасной тюрьме. Вместо трагических диалогов между Иеговой, Иовом и друзьями последнего, праведник Епифаний помещает в рассказе свои собственные стенания, сомнения и жалобы на постигшие его несчастья. Но эти речи Епифания не становятся исключительно монологом. Хотя внешняя обстановка греческой трагедии, столь сильно сказавшаяся в «Книге Иова», и отпадает в «исповеди», тем не менее внутренний диалог есть и в ней. В ответ на его молитвы ему слышатся голоса, идущие от Нерукотворного Спаса, видение игумена Илии указывает ему его путь. Богородица приходит к нему, спасает и исцеляет его. Испытания сменяются чудесными явлениями, и несчастный пустозерский духовидец никогда не остается без помощи Божьего Промысла.

Несмотря на простоту изложения, исповедь Епифания по духовной насыщенности переживаний производит не меньшее впечатление, чем описания страданий и сомнений библейского патриарха. Главная разница между книгой Иова и исповедью Епифания лежит в совершенно разном понимании Бога ветхозаветным и христианским праведниками. Господь Епифания, милостивый и прощающий Христос, совершенно отличен от сурового Иеговы книги Иова. Но и сам Епифаний также совсем отличен от ветхозаветного страдальца. Иов возмущается жестокостью своего Бога, проклинает день своего рождения и ищет встречи с Иеговой, как с судьей.¹⁹ В речах и поведении Иова нередко слышатся отголоски прометеевского вызова Создателю и, почти что, осуждение Его. Иов не хочет подчиниться судьбе и возмущается выпавшими на его долю испытаниями. Епифаний не произносит проклятий, не видит в Боге жестокого и грозного судью и только в самую тяжелую минуту жизни сомневается в смысле своего участия в борьбе за старый обряд. Он не спорит с Богом, как Иов, и только умоляет Господа милостивиться над ним. В подходе Епифания к отношениям между человеком и Создателем сказывается не только разница между ветхозаветным и новозаветным мировоззрением, но и русское народное представление о Боге милостивом, русское понятие о смирении перед Творцом и перед посланной судьбой. Об этой теме через двести лет после Епифания пишут славянофилы, Тютчев, Достоевский, Толстой.

Некоторые исследователи видят в книге Иова древнееврейское отражение и переосмысливание греческих философских диалогов, развитие тем греческих трагедий, библейскую реинтерпретацию легенды о Прометее.²⁰ Преломившись в русском религиозном мышлении XVII века, проблема отношений Бога и человека утратила у Епифания и надменный дух прометеевского вызова Богу, и гордую самоуверенность самого Иова. Новая интерпретация трагедии праведника стала гораздо мягче, приняла более лирические тона и не заканчивается ни наказанием героя, ни оправданием страдальца-праведника. Прославление милости Божией, славословие Христу,

избавителю от сомнений и страданий, завершают русский диалог между духовидцем и его Создателем.

Самостоятельность разработки темы об испытании праведника могла быть обусловлена отсутствием Библии у пустозерских узников. Они располагали только Евангелием и Псалтырью. Полная Библия на церковнославянском языке была редкостью в Московской Руси XVII века, а московских печатных изданий Библии в то время вообще еще не было. Поэтому естественно, что в исповеди Епифания нельзя найти ни близких заимствований, ни цитат из книги Иова. Епифаний, видимо, помнил в общих чертах религиозно-психологическую проблему Иова. Поэтому, не непосредственное чтение книги Иова, а когда-то произведенное ею впечатление сказалось на разработке темы старца. В третьей части «Исповеди» Епифания более всего отразились отдельные места III и V глав книги Иова, в которых библейский страдалец призывает на себя смерть и говорит: «О, если бы благоволил Господь сокрушить меня, простер руку Свою и сразил Меня», и где находится ответ Иова своему другу Елифазу Феманитянину на его утешения и наставления (VI, 8). Епифаний взывает к Господу почти так же, как и Иов: «Господи, Господи, возьми и душу мою от мене...». Все же, большинство речей Епифания отлично от речей Иова, хотя само нежелание дольше жить, просьбы о смерти, сомнение об уповании на Бога, ропот на судьбу и на наказания, посланные Богом, очень сближают их основные темы и их тон. Близка к книге Иова и структура третьей части «Исповеди» старца, состоящей из истории мучений Епифания, данной не в форме хронологически сменяющихся событий, а в форме отдельных отрывистых, импрессионистических, иногда даже повторяющихся и сменяющихся обращениями к Богу эпизодов.

Другим библейским источником вдохновения старца, видимо, был «Псалтырь», одна из самых распространенных и популярных книг на Руси того времени, которая, кстати, в Библии следует сразу же за книгой Иова. Епифаний постоянно читал или вспоминал отдельные псалмы во время своего пустозерского сидения. Сама

тема о милости Божией может быть взята из 119-го псалма, в котором псалмопевец пишет: «Ко Господу воззвал я в скорби своей и Он услышал меня», или же из псалмов 105 и 106: «...Славьте Бога, ибо Он благ, ибо вовек милость Его». Обращения Епифания к Богу во многих местах построены на текстах псалмов, а в третьем эпизоде последней части «Исповеди» он постоянно цитирует отрывки из разных псалмов, например, пишет: «Господи, уста моя отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою» (Псалом 50, ст. 17).

Помимо книги Иова и Псалтыря, Епифаний широко использовал в своей исповеди, и, особенно, в самом конце ее, тексты православных молитв, посвященных кресту Господню. Наконец, у него можно найти немало цитат из «Маргарита», популярного сборника проповедей Иоанна Златоуста, и «Пчелы», сборника изречений и цитат античных авторов и отцов Церкви, которыми увлеклись русские читатели еще со времен Киевской Руси.

Духовный и литературный облик старца Епифания остался бы не вполне освещенным без исследования его бесконечных видений. Эти видения были очень разнообразны по своему содержанию. Не будет преувеличением сказать, что Епифаний жил на границе двух миров — нашего реального и осязаемого и мира духовного, потустороннего. При этом, явления потустороннего мира представлялись самому Епифанию чем-то совершенно конкретным, частью ежедневной земной жизни, неразрывным, неотъемлемым и постоянным продолжением будничного, обычного поведения и переживаний человека. Для этого мистика, казалось, не было точной границы между этими двумя мирами, между жизнью и смертью. Как отметил А.Н. Робинсон,²¹ Епифаний сам так описывает свою жизнь, что читатель может подумать, что инок неоднократно умирал и возвращался к жизни. Описывая свое состояние после пустозерской «казни», он говорит: «начал умирати и три накона (раза)

умирал, да не умер». Немного дальше повторяет «многажды умирал, да не умер». Конечно, эти выражения можно понять, как литературный прием, как иносказательное описание состояния. Но для Епифания, видимо, возвращение из потустороннего мира казалось возможным. Когда у него были видения умершего архимандрита Илии, или его бывшего товарища по монастырю Евфросина, Епифаний несколько не удивляется и вступает в разговор с ними. Евфросин постепенно оживает из мертвых во время видения: «нача преподобный Евфросин малу малу оживати и оживе...». Вслед за этим оживший старец дает указания Епифанию о состоянии душ по ту сторону смерти и о том, как надо спастись молитвой от мучений вечных.

Большинство видений Епифания были или видениями спасения и утешения, или же видениями соблазна и бесовского наваждения. Эротические видения соблазна, столь часто встречающиеся в религиозной литературе западного средневековья и ранней патристической литературы Востока, совершенно отсутствуют в исповеди Епифания. Они вообще крайне редки в русской житийной литературе и совершенно лишены тех многочисленных подробностей, которые иногда наполняют жития католических отцов. Например, у Аввакума есть лишь одно описание эротического соблазна. Он дает его крайне целомудренно и сухо: «...егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица многими грехами обремененна, блудному делу и малакии (разврату) повинна. Нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне было в той час. Зажег три свечи, и прилепил к налою и возложил руку правую на пламя и держал донде же во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложя ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен».²² Но и это эротическое искушение, которое несколько не похоже на искушение о. Сергия в рассказе Льва Толстого, было искушением в жизни, а не в видениях или снах. В исповеди же инока Епифания эротические искушения совсем не встречаются.

Продолжая рассказ о своем искушении, Аввакум описывает видение, которое имело место в ту же ночь, во время сна, после долгой и упорной молитвы. В этой молитве он, тогда еще молодой священник, просил Бога освободить его от тяжести духовной ответственности за паству. «И падох на землю лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа... Не вем как плачю. А очи сердечнии при реке Волге». Во сне он увидел, как по Волге плывут «два корабля златы», а за ними «третьей корабль... его же ум человекь не вмести красоты его и доброты». Голос с корабля сказал Аввакуму, что этот корабль, традиционный символ жизненного пути, будет кораблем его судьбы. В этом коротком рассказе Аввакум дает и объяснение своего видения. Оно произошло тогда, когда он «забыхся», т.е. во сне. Аввакум видел видение не физическими, а «сердечными очами», т.е. благодаря особому духовному дару проникать в установленные Богом судьбы человека и мира, он мог иметь контакт с миром не только материальным, но и миром духовным. Такие же объяснения своим видениям дает большей частью и Епифаний. Большинство из них точно определены как видения во сне, но во всех случаях старец воспринимал их не своими телесными глазами, а «очами сердечными», духовными, т.е. благодаря особому духовному дару.

Такое истолкование психологии видений было довольно обычным в русской средневековой литературе. В этом отношении Аввакум и Епифаний следовали точно установившейся традиции древнерусской житийной литературы, и выражения «очи сердечныя», «очи чювственныя», «очи умныя», «очи мысленныя», и т.д., постоянно встречаются в описании жизни и подвигов русских святых. В современной литературе мы встречаем подобные же описания психологических ощущений в двух планах, двух разных плоскостях восприятия мира. Внутренний диалог Ивана Карамазова с чертом, деление сознания на физическое и метафизическое, сознательное и подсознательное, как это мы видим в произведениях современных писателей, например, у Андрея Белого или Франца Кафки, вполне соответствует видениям «очами умственными» древних русских подвижников. Только

современные писатели и литературоведы дают им новое, более прозаическое название.

Следуя терминологии древнерусской житийной письменности, Епифаний, судя по его исповеди, тем не менее, резко отличался от других русских подвижников насыщенностью, постоянством и интенсивностью этих видений. Он чаще многих современных ему писателей воспринимал мир глазами духовными, «внутренними». Как и Варлаам Хутынский, который говорил: «вы убо внешними очима зряша, внешняя и судите; аз же сердечными очима смотря»,²³ Епифаний непрестанно руководился в своей жизни «сердечным» зрением. Весь погруженный в молитву и стремление достичь близости к Богу, всегда напряженно искавший ответа своим проблемам и сомнениям не в плоскости человеческого разума, а в плоскости мистического мирозерцания, он был «духовидцем» почти каждого будничного дня. Он больше жил видениями, чем «внешней» жизнью окружающей его реальности. Поэтому его исповедь — в своем роде автоотчет о связи с миром потусторонним и составляет исключительное явление, не имеющее в русской литературе ни предшественников, ни последователей. Но вместе с тем, его исповедь также и замечательный прообраз современного психологического изложения внутреннего диалога, восприятия мира в двух, далеко не всегда параллельных плоскостях нашего сознания. Поэтому, будучи духовно и психологически типичным представителем русского средневековья, Епифаний в то же время понятен и писателям нашего века, которые могут пользоваться его вполне современными литературными приемами.

VI

Значительную роль в видениях Епифания играли видения демонического характера. Почти вся первая часть его исповеди, посвященная его жизни в Виданьской пустыни, состоит из рассказов о демонических видениях, о встречах и борьбе с бесами. Сами по себе демонические видения и демонические темы ничего

особенного и необычного не представляют ни в раннехристианской, ни в средневековой византийской, ни в древнерусской литературе. Одно из самых ранних христианских житий, житие египетского святого Антония Великого, изобилует рассказами о встречах с бесами и мучениях, которым эти бесы подвергали пустытника.²⁴ Европейская средневековая литература, в свою очередь, изобилует рассказами на демонические темы. Живопись и скульптура Средневековья и Ренессанса не менее охотно откликались на эти темы, и работы даже таких поздних художников Возрождения, как Иероним Босх и Питер Брейгель, свидетельствуют о том, что вера в реальное существование бесов была на западе не менее, если не более сильна, чем в Московской Руси. В русской литературе описание борьбы с бесами, как физически, а не только духовно существующими силами зла, можно встретить уже в Киевский период. Вспомним, например, «Повесть Временных Лет», рассказывающую под 1074 годом о злоключениях с бесами киево-печерского инока Исаакия.²⁵ Позже подобные рассказы можно встретить и в ряде других житий, в Великолаамском Патерике, в повествовании «О путешествии епископа Иоанна Новгородского в Иерусалим» и даже в житии такого большого, известного своей созерцательной жизнью и кротостью русского святого, как преподобный Сергей Радонежский. Очень часто эти бесы описаны скорее как зловредные и назойливые обитатели земли, чем как представители враждебной святости, но все же потусторонней силы духовного мира. В житии Аввакума бесы встречаются тоже довольно часто, и при этом их описания имеют довольно конкретный характер.²⁶ Но все же для Аввакума бес не был вполне земным, а скорее духовным явлением. «Бес ведь не мужик: батога не боится, боится креста Господня», писал протопоп. Зато у Епифания бесы выступают как боящиеся батога и любящие безобразничать мужики. Его бесы надоедливые, злые и задирчивые обитатели не только потустороннего, но и земного, совершенно материального мира. Инок постоянно вступает с ними в единоборство, дерется с ними, бьет их и даже иногда убивает, хотя они после этого убийства способны снова

ожить. По рассказам Епифания, основатель Виданьской пустыни старец Кирилл настолько привык к бесам, что уже не боялся их, хотя они ему постоянно докучали. «Кирилл не боится беса, живет с бесом, терпит от него всякую обиду и пакость», пишет Епифаний. Бесы стали приставать и к появившемуся в пустыни Епифанию... Так, например, однажды ночью два беса, «один наг, другой в кавтане», пришли в келью инок. Желая досадить Епифанию, они начали качать его ложе и этим мешали ему спать. Тогда, рассердившись, монах встал с постели, поймал одного из бесов и начал его бить о лавку, призывая небесную помощь. Действительно, небесные силы заставили бесов исчезнуть. Епифаний так устал от борьбы с бесом, что даже его руки были от «мясища бесовского мокры». Другой раз бес ухватил Епифания, как «лютой и злой разбойник» и так сжал инок, что тот чуть не умер. Только явившаяся к нему на помощь Богородица избавила его от злой силы и задушила беса в своих руках на смерть. Злобный бес, обитатель Виданьского острова, все же ожил и, испугавшись произведенной над ним экзекуции, заявил Епифанию: «уже я опять к тебе не буду, иду на Вытегру». Монах запретил ему туда идти и приказал уходить туда, где нет людей. «Он же, яко сонный, побрел от келии прочь». Эти демонические рассказы необычайно любопытны для изучения религиозной психологии того времени, так как никто из русских авторов не описал свои встречи с бесами так реально и натуралистически, как он, на фоне совершенно реалистических и точных подробностей. Внешний вид бесов, детали драки с ними, время и обстановка описаны настолько ясно и просто, что в представлении читателя происходит какое-то слияние фантастики и реальности, напоминающее ранние рассказы Гоголя, в которых так же, как и у Епифания, черти снабжены всеми атрибутами назойливых обитателей земли. Следует все же подчеркнуть, что почти все встречи с бесами происходят, по описанию Епифания, ночью, большей частью «как будто во сне».

В первой части исповеди упоминаются муравьи, которые, как союзники и сподручники бесов, тоже пытаются

нарушить духовное равновесие старца. Эти назойливые муравьи совсем не были новинкой в русской литературе. Они тоже имели прошлое в русской демонологии и вполне соответствуют традиционным представлениям об ухищрениях злых сил. Например, за несколько веков до создания Епифаниевой исповеди муравьи, эти миниатюрные сподручники бесов, мучили святого Никиту Новгородского.

* * *

Своим повествованием о жизни и духовных переживаниях, которые он испытал, как в Виданьской пустыни, так и в Пустозерске, Епифаний несомненно сделал ценный вклад в русскую литературу. Если первая часть «Исповеди» раскрывает читателю мир демонических явлений, засвидетельствованных самим участником боев с бесами, и отдельные интересные черты народной религии Московской Руси XVII века, то зато последняя часть его произведения впервые вводит в русскую литературу вполне откровенную исповедь и предваряет те позднейшие раскрытия «русской души», которые только через два века были доведены до совершенства в творениях Достоевского. Во всяком случае, Епифаний показывает, что изливания души не были созданы русским европеизированным интеллигентом, человеком подполья, но были характерны и для московского человека древнерусской, допетровской культуры.

Примечания

- ¹ Тексты жития Епифания в: «Христ. Чтение», 1889, стр. 211-240 и «Летопись Занятий Археогр. Комиссии», СПб, т. 24, 1912, стр. 229-262.
- ² Статья И. Еремина в «Истории Русской Литературы», М., 1948, т. 2, стр. 322-326, мои статьи в «Die Welt der Slawen», 1956, т. 1, стр. 276-292, и «Studies in Russian and Polish Literature», The Hague, 1962, стр. 46-71, и статьи А. Робинсона в «Труды Отд. Древнерусской Лит.», 1958, тома 14 и 15.

- ³ «Материалы для истории раскола», под ред. Н. Субботина, М., 1874, т. 1, стр. 137, 283.
- ⁴ П. Смирнов: «Внутренние вопросы в расколе XVII в.», СПб, 1898, стр. СХVII.
- ⁵ ЛЗАК, т. 24, стр. 14.
- ⁶ «Житие старца Епифания», рукопись, Пушкинский Дом АН, стр. 80 и 80а.
- ⁷ «Деяния московского собора 1666-1667 гг.», М., 1881, стр. 30-48.
- ⁸ «Материалы», т. VII, стр. 53-63 и Произведения Аввакума в: «Русская Ист. Библиотека», т. 39, стр. 400, 914, 928.
- ⁹ Произведения Аввакума, стр. 400.
- ¹⁰ «Материалы», т. 2, стр. 11 и 26.
- ¹¹ Там же, стр. 24-25.
- ¹² Там же, стр. 30-31, 34.
- ¹³ ЛЗАК, т. 24, стр. 146.
- ¹⁴ Произведения Аввакума, стр. 706, и ЛЗАК, т. 24, стр. 226.
- ¹⁵ ЛЗАК, т. XXVI, стр. 6. Донесения воеводы Невелова.
- ¹⁶ P.Pascal: "Avvakum et les debuts du Raskol", Paris, 1938, стр. 404.
- ¹⁷ Произведения Аввакума, стр. 62, 714.
- ¹⁸ Там же, стр 63, и ЛЗАК, т. 24, стр. 259.
- ¹⁹ Книга Иова, гл. 3, стих 1-11, и гл. 23, ст. 3.
- ²⁰ J. Owen: "The Five mystical dramas of History", London, 1896; H.N. Kallen: "The book of Job as a Greek Tragedy", New York, 1959.
- ²¹ См. статью Н. Робинсона в ТОДРЛ, т. 15, стр. 203.
- ²² Произведения Аввакума, стр. 38.

- ²³ Житие Варлаама Хутынского. О-во любит. древней письменности, т. 41, СПб, 1881, стр. 13.
- ²⁴ "Life of St. Antony", Selected Library of Nicene and Post-Nicene Fathers, Oxford-New York, 1950, vol, IV, p. 188-221.
- ²⁵ Повесть временных лет. М.-Л., 1950, т. 1, стр. 131.
- ²⁶ Произведения Аввакума, стр. 6, 70, 148.

Илья БАСИН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЯТОГО, ШЕСТОГО И СЕДЬМОГО «РАССКАЗОВ СТРАННИКА»

Так называемые «дополнительные» рассказы знаменитой книги с предисловием епископа Никона (Рождественского) впервые были опубликованы в 1911 году в журнале «Троицкое слово» и в том же году — отдельной брошюрой, изданной Оптиной пустынью.¹ Эти три дополнительные главы не входят ни в известные нам ранние списки «Рассказов странника», ни в печатные издания 1881 и 1884 годов. В предисловии епископ Никон писал, что продолжение найдено среди рукописей, бывших в распоряжении Амвросия Оптинского.² Первое же знакомство с пятым, шестым и седьмым рассказами убеждает в том, что они не имеют никакого отношения к литературной деятельности отца Михаила (Козлова), чья книга «Искатель непрестанной молитвы» в отредактированном виде известна нам как «Откровенные рассказы странника».³

О происхождении дополнительных рассказов мы можем узнать больше, если обратим внимание на маленькое примечание, которое в шестом рассказе сопровождает поучение «Тайна спасения, открываемая непрестанною молитвою». Схимник, читающий своим слушателям этот вполне самостоятельный текст (позднее даже публиковавшийся отдельно⁴), представляет его как «тетрадку одного духовного писателя». И действительно, примечание к «Тайне спасения...» говорит: «С рукописи автора, полученной о. Амвросием из Доброго монастыря».⁵ Речь идет о Лихвенском Покровском Добром мужском монастыре Калужской епархии. В 1883-1894 годах его настоятелем был игумен Агапит (Беловидов), принявший постриг в 1872 году в Оптиной пустыни и бывший ее насельником в 1872-1883 годах. Отец Агапит состоял письмоводителем при преподобном Амвросии и был к нему очень близок.⁶ Любопытно, что именно отец Агапит был одним из

тех двух «писарей», которые в 1879 году переписали для Амвросия «Рассказы странника» с рукописи, присланной преподобному монахиней Леонидой (Фризель), казначеей Спасо-Влахернского монастыря Московской епархии (это было первым появлением книги в Оптиной пустыни).⁷ В том случае, если «Тайна спасения...» была написана игуменом Агапитом, можно определить крайние границы появления дополнительных рассказов как целого — это 1883 год (перемещение отца Агапита в Добрый монастырь) и 1891 год (кончина преподобного Амвросия).

Примечание к «Тайне спасения...» позволяет с уверенностью говорить о появлении дополнительных рассказов в кругу людей, близких к Амвросию Оптинскому; вероятность его участия в составлении и редактировании рукописи велика. Возможно, что таким образом были созданы лишь шестой и седьмой рассказы, а пятый, написанный неизвестным подражателем отца Михаила, оптинские редакторы механически превратили в соединительное звено между своим сочинением и той версией «Рассказов странника», которая находилась в их распоряжении. Если же и пятый рассказ был написан в Оптиной пустыни, то вне всякой связи с шестым и седьмым, в чем убеждает их разительное стилистическое и сюжетное несходство.

Очевидно, что дополнительные рассказы создавались как назидательное чтение для людей, не имеющих ни практики, ни достаточных знаний об Иисусовой молитве. Ставя перед собой задачи просветительские, оптинские составители и авторы не рассматривали, судя по всему, свой труд как литературный. Иначе не было бы стилистической несогласованности, сюжетных несообразностей (вроде маршрута из Почаева на Соловки через Иркутск), наконец, шестой и седьмой рассказы не приобрели бы жесткой формы вопросов-ответов, уже не имеющей никакого отношения к поэтическому слову отца Михаила. Сохранилась не совсем ясная «схолия» кого-то из младших современников (и, может быть, учеников) святого Амвросия, свидетельствующая о том, что происхождение «Искателя непрестанной молитвы»

(«Рассказов странника») было для них весьма темно, а быть может, и не совсем существенно.

Впервые узнав о рукописи «Рассказов странника», Амвросий в письме к упомянутой выше казначее Леониде отождествил странника, написавшего, как он считал, «Рассказы», с неизвестным подвижником, посетившим в конце 50-х годов старца Макария Оптинского (в действительности странник — литературный герой).

«...Пишешь, что тебе попалась в руки рукопись, где указывается простой способ, как проходил молитву Иисусову устную, умную и сердечную какой-то Орловской губернии крестьянин, наученный этому каким-то неизвестным старцем. Пишешь, что рукопись или записка этого крестьянина заканчивается 1859 годом. Незадолго перед этим временем мы слышали от покойного старца, батюшки отца Макария, что к нему приходил один мирянин, имевший такую высокую степень духовной молитвы, что батюшка отец Макарий недоумевал, что и отвечать ему, когда мирянин, ради получения совета, рассказывал старцу нашему разные состояния молитвы, и батюшка отец Макарий мог ему только сказать: «держитесь смирения, держитесь смирения». И после с удивлением нам об этом говорил. Я тогда это относил к Орловскому купцу Немытову, который был великий молитвенник, а теперь думаю, что может быть это был тот мирянин, о котором ты пишешь».⁸

В рукописном собрании писем Амвросия, подготовленном оптинцами для издания предположительно в начале нашего столетия, к словам письма «рукопись или записка этого крестьянина заканчивается 1859 годом» сделано примечание, не вошедшее в журнальную и книжную публикации: «Год этот указывает только на время, когда закончена была перепись рукописи. А скончался крестьянин молитвенник или в тридцатых, или [в] начале сороковых годов. К старцу же Макарию, как можно заключить по времени, приходил иной молитвенник».⁹ Трудно сейчас сказать, на чем было основано это мнение, но уже само отнесение событий «Рассказов» и их записи к первой трети XIX века говорит о чрезвычайном невнимании к историческим реалиям и языку книги.

Можно предположить, что отец Михаил писал «Искателя непрестанной молитвы» как свидетельство своего мистического опыта, связанного с Иисусовой молитвой. Последующие редакторы книги стремились ее адаптировать и усовершенствовать для широкого круга начинающих практиков умного делания — как монахов, так и мирян. По тому же пути следовали и оптинские составители трех (или последних двух) дополнительных рассказов, чья коллективная работа по сравнению с мистико-поэтическими умозрениями инока Михаила кажется несколько схематичной дидактикой.¹⁰ Книга отца Михаила была написана «для себя» в том смысле, в каком пишутся «для себя» стихи; шестой и седьмой рассказы уже представляют собою классическое старческое наставление, четко соотносясь со знаменитыми письмами Макария, Амвросия, других оптинских отцов, святителя Феофана Затворника. Не случайно в седьмом рассказе возникает тема общественного служения монаха-безмолвника... Характерно также появление в шестом и седьмом рассказах профессора — нередкого гостя Оптиной пустыни, особенно начиная со времен старца Амвросия.

Все это еще больше оттеняет уникальность «Искателя непрестанной молитвы» отца Михаила для церковной литературной традиции в России. Что же касается последующего использования книги в дидактических целях, то «программой» такого превращения можно считать слова пустынноика в седьмом рассказе: «...наблюдательный безмолвник, сообщая свои внутренние опыты или словесно (при исключительных случаях), или передавая оные в письмени, благотворно содействует душевной пользе и спасению своих собратий ... благотворящий нравственно приобретением убеждений и опытных способов к совершенствованию духовной жизни делается благотворителем целых народов; его опыты и назидания переходят от поколения к поколению, что мы и видим, и чем пользуемся с древности до сего времени».¹¹ И у нас нет оснований считать дополнительные рассказы (равно как и многочисленные редакторские исправления и дополнения в первых четырех рассказах) неким досадным «довеском», следствием бытования текста в среде,

нечуткой к художественной литературе. Как инок Михаил был призван Богом на служение, так же была «призвана» и его книга, что ясно из самой судьбы «Рассказов странника» за пределами России в XX веке. Но начиная *учить*, «Искатель непрестанной молитвы» неизбежно должен был пополниться комментарием, поскольку повествование отца Михаила все же было ближе к поэтическому излиянию, нежели к практическому руководству. И этот комментарий вошел в плоть книги, а потом развился в дополнительный текст, свидетельствуя прежде всего о рецепции Церковью мистического опыта отца Михаила как истинного и способного руководить на путях христианской жизни.

Примечания

- ¹ См.: Из рассказов странника о благодатном действии молитвы // «Троицкое слово». 1911. № 74, с. 367–379; № 75, с. 388–393; № 79, с. 451–456; № 80, с. 468–472; № 82, с. 501–506; № 83, с. 517–521; № 84, с. 533–537; № 85, с. 549–552; № 86, с. 565–569; № 87, с. 580–583; № 88, с. 569–599; № 90, с. 628–634; № 91, с. 646–650; № 92, с. 659–665.
Из рассказов странника о благодатном действии молитвы Иисусовой / Изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1911.
- ² Никон, еп. [Предисловие] // «Троицкое слово». 1911. № 74, с. 376; то же // Из рассказов странника... Сергиев Посад, 1911, с. 4.
- ³ Обстоятельства «превращения» рукописи отца Михаила в известную нам книгу см.: Пентковский А. От «Искателя непрестанной молитвы» до «Откровенных рассказов странника». (К вопросу об истории текста) // «Символ». 1992. № 27, с. 137–166. Об авторстве отца Михаила (Козлова) см. мою статью там же (с. 167–190).
- ⁴ См.: Умное делание. О молитве Иисусовой. Сборник поучений Святых Отцов и опытных ее делателей. / Сост. игумен Валаамского монастыря Харитон. [Сортавала], 1936, с. 246–255.
- ⁵ «Троицкое слово». 1911. № 86, с. 569; Из рассказов странника... Сергиев Посад, 1911, с. 47.

- ⁶ См.: Агапит (Беловидов), схиархим. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900 (репринт 1992 года). Часть вторая, с. 138, I-II; Иеросхимонах Амвросий, старец Оптиной пустыни (в миру Александр Михайлович Гренков). М., 1892 (репринт 1991 года), с. 47.
- ⁷ Из письма прп. Амвросия казначее Леониде: «Письмо твое и рукопись получил. Когда прочту рукопись, тогда напишу тебе что-нибудь об ней, а когда перепишут ее, то пришлю или возвращу тебе ее. <Поскольку> ты опасаясь, что в случае моей смерти тебя не уведомят о сем, то обязуется тебя уведомить о сем мой хворый писарь монах Иннокентий, если сам будет жив, а также можешь об этом спрашивать и другого моего писаря, отца Агапита». (Отдел рукописей Российской гос. библиотеки, ф. 213, к. 55, ед. хр. 4, лл. 88-88об.). Публикация со стилистической правкой: Письма оптинского иеросхимонаха отца Амвросия // «Душеполезное чтение». 1905. Часть вторая. Июнь, с. 206.
- ⁸ ОР РГБ, ф. 213, к. 55, ед. хр. 4, лл. 82-83. Публикация со стилистической правкой: Письма оптинского старца... // «Душеполезное чтение». 1905. Часть вторая. Июнь, с. 203; Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Сергиев Посад, 1909. Вып. II, с. 119-120.
- ⁹ Собрание писем блаженные памяти Оптинского Старца Иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Часть вторая. Издание Оптинского Предтечева Скита // ОР РГБ, ф. 214, ед. хр. 399, л. 242.
- ¹⁰ Характерно, что самостоятельные тексты, вкрапленные в дополнительные рассказы, использовались некоторыми духовными наставниками в качестве практических руководств для паствы. Выше (прим. 4) упомянута отдельная публикация «Тайны спасения...» из шестого рассказа. Отец Алексей Мечёв посылал своим прихожанам в виде отдельной рукописи «Исповедь внутреннего человека, ведущую ко смирению» из пятого рассказа. См.: Отец Алексей Мечёв. Paris, 1989, с. 315; Иулиания [Соколова], монахиня. Жизнеописание Московского старца отца Алексея Мечёва. [М., 1992], с. 105.
- ¹¹ Из рассказов странника... Сергиев Посад, 1911, с. 66.

Илья БАСИН

ОБРАЗ НЕБЕСНОГО ИЕРУСАЛИМА В «ОТКРОВЕННЫХ РАССКАЗАХ СТРАННИКА»

Западные христиане в течение уже нескольких десятилетий видят в «Откровенных рассказах странника духовному своему отцу» нечто вроде «символической книги» восточнохристианской духовности. В России к «Рассказам» выработалось более умеренное и не столь однозначное отношение, но в любом случае это сочинение входит в том или ином качестве в круг чтения православного христианина. В то же время далеко не всегда усматривается возможность прочтения «Рассказов» на нескольких смысловых уровнях; обманчивая внешность «наивного» повествования, окрашенного несомненным влиянием сентиментализма, скрывает подчас серьезность мистического опыта автора и глубину его замысла.

В процессе бытования многочисленные списки книги отца Михаила (Козлова) подвергались частичным переработкам, но несмотря на это в опубликованных редакциях «Рассказов» сохраняется особенность: неискушенный читатель и читатель с отточенным духовным зрением получают доступ к совершенно различным смысловым пластам текста. Полагаю, что правота этого суждения видна на примере сравнительно небольшого эпизода из четвертого рассказа: пребывание странника в семье страннолюбивого помещика под Тобольском.

Но прежде чем вести об этом речь, необходимо сказать несколько слов о самом странничестве героя книги, которое на первый взгляд представлено как вереница переходов от места к месту, от одного обстоятельства к другому... Конкретной посюсторонней цели у этих скитаний нет. Хаотические передвижения странника в единый путь, казалось бы, не складываются.

Таково первое впечатление. Но когда в конце второго рассказа мы узнаем, что странник отправляется в палом-

ничество в Иерусалим, картина меняется; Иерусалим становится целью всех странствий героя по России и Сибири. При этом автор акцентирует внимание на том, что паломничество странника в Иерусалим станет последним в его земной жизни: «Не знаю, благоволит ли Господь добратся до Святого Иерусалима? Там пора бы, если будет воля Божия, уже и грешные кости сложить.

— А сколько тебе от роду лет?

— Тридцать три года.

— Ну, любезный брат, достиг ты в меру возраста Христова».¹

Вспомним также, что странствия свои герой «Рассказов» начал от пещер Киево-Печерской Лавры, традиционного исходного пункта русских странников-паломников. Такие начало и конец придают скитаниям странника характер единого, внутренне цельного паломничества. Его окончание в Иерусалиме несомненно знаменует, что на путях умного делания герой «Рассказов» достиг некоей духовной полноты, благой завершенности, на что символически указывает и его возраст. Это позволяет трактовать кончину странника как наступление для него «вечного возраста», как его вхождение в незакатное «вечное настоящее».

Обратим внимание также на то, что из Киева странник идет на восток и проходит всю русскую землю до почти конечной ее точки — далекого Иркутска. Сознание автора «Рассказов» обнаруживает примечательную архаичность;² вспомним, что для средневекового мышления географическое пространство и передвижение в нем неотделимы от характеристик мистических и нравственных. Рай расположен на востоке, ад — на западе, следовательно, неуклонное перемещение с запада на восток, во-первых, положительно оценивает странничество героя книги в целом, а во-вторых, указывает на его постепенное восхождение по лестнице духовного совершенства.³ Логично, что пройдя землю до условного «восточного края», странник должен сделать следующий шаг и оказаться в Святой Земле, у Гроба Господня.

Но по-настоящему проясняет глубинный смысл хождения странника в Иерусалим, само появление Иеруса-

лима в книге и соотношенность предстоящего паломничества и предстоящей смерти странника рассказ о его посещении семьи страннолюбивого помещика.

Страницы, посвященные этому событию, кажутся самыми слабыми в книге. Здесь есть и ходульность, и схематизм. Но на самом деле это не только не самое слабое место «Рассказов», а напротив — их смысловой центр, во многом раскрывающий замысел автора.

Следует заметить, что к схематизму характеров и обстоятельств прибавляется одна несообразность: дом помещика, к которому приближается странник, стоит точно в центре сада. Но в реальном имении XIX века плодовый сад мог самое большее подступать к дому с одной стороны,⁴ если же речь идет о разбитом вокруг дома парке, то вряд ли таковой был в захолустном поместье небогатого помещика.

Эта несообразность находит объяснение, если воспринимать сад помещика как символ, восходящий в народном мифопоэтическом мышлении к культурному архетипу — Эдему, в Книге Бытия знаменующему первозданное существование твари пред Лицом Творца. Символика сада коренится в глубинах человеческого сознания. Т.В.Цивьян по этому поводу пишет: «По структуре сад соотносим с мировым деревом (он может воплощаться в мировом дереве, оно может быть его центром, пространственным и семантическим)... Первый садовник и сторож сада — Бог, Который может передать Свое умение культурному герою. Сад содержит в себе некую особую ценность (первоначально сакральную — священное дерево и под.)».⁵

Но не только в древности, а и в относительно молодой европейской культуре сад всегда соотносился с Раем. На Руси, например, внутри монастырских стен без утилитарной цели часто разбивали плодовые сады, символизировавшие внеположенное «миру сему» пространство Небесного Сада.⁶

Именно такой сад мы видим в имении страннолюбивого помещика. Это подтверждают слова странника, когда, радушно принятый, он, стоя перед многочисленными иконами в кабинете хозяина дома, говорит: «У Вас,

батюшка, здесь рай Божий. Вот Сам Господь Иисус Христос, Пречистая Его Мать и Святые Его Угодники. И это (указывая на книги) их божественные, живые и неумолкаемые слова и наставления. Я думаю, Вы часто наслаждаетесь небесною беседою с ними?»⁷ Существенно, что в кабинете хозяина, где явлено особое присутствие горнего мира, развертывается беседа странника с помещиком об Иисусовой молитве.

Таким образом, сакральное пространство кабинета помещика как бы фокусирует всю семантику господского дома и — шире — сада, посредине которого стоит дом. И наоборот: присутствие Господа, Богоматери и святых в «сердце» чудесного сада акцентирует внимание читателя на том, что сад здесь прообразует Эдем.⁸

Замечу также, что, обособленный от деревни и тракта, сад видится читателю как «о-город» — огороженное место, и хотя прямо об огороженности сада в тексте не говорится, сосредоточенная жизнь поместья с чертами своеобразного монастыря (храм, образная комната, кабинет-«келья», общая для всех трапезная, нищеприёмница)⁹ вызывает в сознании образ невидимой ограды. Внутри нее жизнь несет черты идеального счастья, некоего «золотого века»: близость к Богу, гармония в отношениях супругов (ср. Быт. 2:18, 23–24), наконец — прекрасный сад, в котором протекает их жизнь. И кажется неслучайным, что жену помещика зовут Марией — именем Богоматери, Новой Евы. Немаловажно, как она вместе с мужем обувает странника, подарив ему онучи и башмаки: «Они посадили меня на стул и начали обувать. Барин стал обертывать онучами мне ноги, а барыня начала одевать башмаки. Я сперва не стал было даваться, но они приказали мне сидеть и говорили: “Сиди и молчи. Христос умывал ноги ученикам”. Мне нечего было делать и я начал плакать. Заплакали и они».¹⁰

Ореол чудесного вокруг семейства помещика особенно усиливают слова его жены: «Мать моя — правнучка святителю Иоасафу, которого мощи на вскрытии почивают в Белгороде»,¹¹ поскольку у святого Иоасафа, принявшего постриг в двадцать лет, детей не было.¹² Автор «Рассказов», полтора года бывший на послушании в

Покровском Климовском монастыре Черниговской епархии, конечно же хорошо знал житие святителя, которого на Украине необычайно ревностно чтили с самой кончины (1754 год), за полтора столетия до официальной канонизации. По-видимому, как раз в силу огромной любви и веры церковного народа именно этот святой и упомянут на страницах «Рассказов» как «праотец» семьи страннолюбивого помещика.

Итак, перед нами выключенный из посюстороннего бытия, соотносимый с Раем «город»-сад, в центре которого явлено присутствие Господа, Богоматери и святых. Изображение его не столько основано на христианском богословии, сколько навеяно теми фольклорными, народными мифопоэтическими представлениями о Райском Саде, о которых Г.П. Федотов писал: «Из двух символов рая в христианской литературе и искусстве — сада и града — народ предпочитает решительно первый, перенося на него свою «сублимированную» любовь к матери-земле».¹³

Но с образом Эдема в «Рассказах» соединены и черточки вполне посюстороннего быта. Например, разговорчивость хозяйки дома мешает страннику заниматься умной молитвой и он вынужден скрыться для этого на чердаке. Эта и подобные ей детали показывают, что перед нами лишь образ, тень Сада Небесного, взыскуемого странником; но в то же время и его символ, являющий первообраз, то есть *икона* Рая.

Более того, в символическом изображении Райского Сада проступают черты древнейшей мифологемы, давшей в Библии словесную, образную «плоть» откровениям ветхозаветных пророков и Иоанна Богослова. Это город-дева (город-мать), христианский Небесный Иерусалим.¹⁴ Все основания так говорить есть не просто потому, что в Новом Завете Небесный Иерусалим — это восстановленный Эдем. Та трансцендентная реальность, которую прообразует сад помещика, имеет самое непосредственное отношение к судьбе странника, а смерть ожидает его в «старом Иерусалиме» (называя так земной Иерусалим, автор как бы косвенно напоминает о существовании Иерусалима Нового, то есть Небесного).

Можно полагать, что, появляясь на пути странника в конце его земной жизни — перед последним, судя по всему, паломничеством, сад страннолюбивого помещика знаменует скорое посмертное блаженство «нищего духом» героя «Рассказов», Царствие, уготованное праведникам. Иными словами, в «Рассказах» символическое изображение Эдема появляется именно потому, что он — тот «взыскуемый град», к которому всю жизнь стремится странник; последняя цель и его последнего паломничества, и всей его жизни. Страннику суждено достичь этой цели — вот почему незадолго до отправления в Святую Землю возникает перед ним икона Рая, образ Небесного Иерусалима. Эпизод с садом помещика, таким образом, может быть назван классическим примером «текста в тексте», который, кроме того, является текстом-иконой (вербальной иконой).

Все сказанное позволяет сделать несколько замечаний о жанре «Рассказов». Безусловно, это продолжение традиции «паломничества» и «хождений», имевших широкое распространение в древнерусской письменности. Вся жизнь странника, как я уже сказал, — одно большое паломничество к Граду Небесному. Теперь можно добавить, что началось оно даже не у пещер Киево-Печерской Лавры, а намного раньше, еще в процессе духовного возрастания крестьянского юноши, жившего в своей деревне. Это длившееся всю жизнь восхождение к Горнему Иерусалиму может быть названо и постоянно совершавшимся исходом — из родной среды, из общины-мира, из земного отечества в Святую Землю.¹⁵ Сама смерть странника становится исходом — в Царствие Божие,¹⁶ причем в «Рассказах» остается как бы затушевана неравнозначность посмертия вообще и Небесного Иерусалима, реализующегося все же в эсхатологической перспективе.¹⁷ Это сильнее оттеняет прообразующую роль в «Рассказах» многолетнего и внешне путаного пути странника в «старый Иерусалим». Путь этот символически являет путь в обетованное Небесное Царствие.

Итак, образ Небесного Иерусалима, возникающий в «Рассказах», прообразует цель жизни странника, недвусмысленно указывая на скорое достижение им райского

«города»-сада. Поэтому «Рассказы», которые могут рассматриваться как продолжение литературной традиции «хождений», в трансцендентальном плане являются историей исхода в Царствие Божие; но «запись» этого смысла книги погружена в некий «тайный» пласт текста, сокрытый автором от случайных и равнодушных глаз.

Примечания

- ¹ Михаил (Козлов), архим. Рассказ странника, искателя молитвы // «Символ». 1992. № 27, с. 48. Цитируемая оптинская редакция книги менее затронута переработками, нежели известные до сих пор издания «Откровенных рассказов странника». Я придерживаюсь традиционного, неавторского названия книги, поскольку оно прочно вошло в культурное сознание, авторский же текст о. Михаила нам до сих пор недоступен.
- ² Это можно объяснить тем, что автор «Рассказов» — о. Михаил (Козлов) — происходил из среды старообрядцев и был воспитан в соответствующей культурной традиции, в частности, свято хранившей древнерусские литературные тексты. Об о. Михаиле см.: Басин И. Авторство «Откровенных рассказов странника» // «Символ». 1992. № 27, с. 167–180.
- ³ Я пользуюсь идеями, развитыми в работе: Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. II. (Уч. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 181). Тарту, 1965.
- ⁴ См.: Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 1988. Планы на с. 356, 358, 370 и др.
- ⁵ Цивьян Т.В. Verg. Georg. IV, 116-148: К мифологеме сада // Текст: семантика и структура. М., 1993, с. 146, 147.
- ⁶ См.: Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982, с. 17, 43–45, 335.
- ⁷ Михаил (Козлов). Рассказ странника... с. 54.
- ⁸ Любопытно, что такое же смысловое значение усвоено Гоголем имению Тентетникова во втором томе «Мертвых душ». Ср.:

Гольденберг А.Х. Образ «земного рая» в «Мертвых душах» // Сюжет и время. Сборник научных статей. К 70-летию Г.В. Краснова. Коломна, 1991, с. 100-103.

- 9 Описывая гостеприимный дом и его полумонастырский уклад, о. Михаил мог вспоминать свое посещение в 1846 г. знаменитого ржевского протоиерея Матфея Константиновского, оказавшего тогда сильное влияние на будущего автора «Рассказов». Ср.: «Отец Матфей всякий избыток спешил разделить с нищим; в воскресные и праздничные дни созывал в свой дом бедных и нищих, разделял с ними свою трапезу и нередко сам служил им при столе... Все странники и богомольцы, проходившие мимо Ржева, заходили к отцу Матфею и в его доме получали спокойный приют. Число таковых простиралось иногда до 30 и 40 человек в один день, и всех он спешил принять, и был для всех и во всем добрым примером... Апостол говорил: *непрестанно молитесь* (I Сол. 5:18), и у отца Матфея молитва Иисусова непрестанно была в устах или в сердце. Если он был дома один, то творил молитву эту по четкам, а при посторонних читал ее, перебирая по пальцам, чтобы не быть замеченным». (Грешинцев Н. Очерк жизни в Бозе почившего ржевского протоиерея отца Матфея Александровича Константиновского // «Странник». 1860. Том IV. Декабрь, с. 267, 268, 275 [первой пагинации]).
- 10 Михаил (Козлов). Рассказ странника... с. 57.
- 11 Там же, с. 53.
- 12 Впрочем, у св. Иоасафа были братья и сестры, так что о. Михаил мог иметь в виду косвенное родство. «Доселе сохранились многие малороссийские фамилии, считающие себя в родстве со святителем Иоасафом». (Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905, с. 80).
- 13 Федотов Г.П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991, с. 109. В то же время повествование об имени странноточивого помещика носит типичные черты утопии «естественной» жизни, характерной для литературы сентиментализма. Но утопия, как будет показано ниже, соединена здесь с эсхатологией.
- 14 Подробнее о мифологеме города-девы/города-матери см.: Топоров В.И. Заметки по реконструкции текстов. IV. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987, с. 121-132. В «Рас-

сказах» возникает любопытное отождествление, когда дети помещика, говоря о своей матери, указывают на сад:

— Да где же ваша маменька? — спросил я.

— Вот за церковью, за этой рощицей.

Они повели меня в прекрасный сад, посреди коего я увидел большой господский дом. Мы вошли в самые палаты. Какая там чистота и убранство! Вот вбежала к нам барыня...» (с. 51).

- 15 Кроме библейского Исхода в связи с судьбой странника можно вспомнить историю Авраама, которому Бог сказал: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12:1). «И пошел, не зная, куда идет», и в этом Аврааму подражали все духовные предки Новозаветного Израиля, «странники и пришельцы на земле» (Евр. 11:8, 13). Ср. Прп. Иоанн. Лествица. Сергиев Посад, 1908, с. 17 (слово 3:19).
- 16 Исходом (*ἔξοδος*) называет евангелист Лука крестную смерть Христа (Лк.9:31). Существует несомненная связь между библейской темой Исхода и смертью-освобождением в смысле «перехода из смерти в жизнь» (см.: Ин. 5:24). Ср.: Voismard M.-E., O.P. Исход // Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура и др. Брюссель, 1974. Стб. 486.
- 17 Впрочем, существует и несомненная связь между сугубо эсхатологическими чаяниями Церкви, казалось бы, не проявленными в «Рассказах», и практикой Иисусовой молитвы странника. Ср. слова о. Александра Меня: «Оно (имя Иисусово — И. Б.) дает нам также силу пробудить славословие Отцу, которое дремлет в недрах материального мира, пребывающего «в ожидании» (Рим. 8:19). Призывая имя Иисусово на горы и моря, растения, животных и на всю природу, мы осуществляем их немое и бессознательное стремление к Богу. Наконец, долг христианина — призвать от имени всей твари, людей и вещей, пришествие Христова затем, чтобы Им было все спасено и с торжеством привлечено к Отцу (I Кор. 15:24). Постоянное чтение Иисусовой молитвы смыкается с последним словом и призывом Апокалипсиса: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Мень А., прот. Практическое руководство к молитве. Рига, 1991, с. 95-96).

Проф. И.А. Ильин в 1924 г.
Портрет работы художника Г.Г. Габричевского

ПИСЬМА И.А. ИЛЬИНА К П.Б. СТРУВЕ

(Публикация В.В. Бойкова и Н.А. Струве)

В 20-е годы Ивана Александровича Ильина (1883-1954) и П.Б. Струве (1870-1944) связывала тесная дружба и близость (хотя и не тождественность) политических установок. Сразу после высылки в принудительном порядке из СССР в октябре 1922 г., И.А. Ильин установил контакт с П.Б. Струве, стал сотрудничать в журнале «Русская Мысль», затем в газетах «Возрождение», «Россия», «Россия и Славянство», издававшихся его старшим другом. По ряду вопросов И.А. стоял правее П.Б., хотя и считал нужным четко отмежеваться от эмигрантского «черносотенства» (он сам употреблял это слово) Маркова, Тальберга и др.

В 1989 г. Н.П. Полторацкий опубликовал 57 писем И.А. к П.Б. из архива Г.П. Струве, находящегося ныне в Гувере. (Впервые, с сокращенным предисловием, в «Записках Русской Академической группы в США», т. XIX, стр. 271-372. Затем, не полностью, но с более пространным предисловием в книге: Иван Александрович Ильин, Tenafly, 1989, стр. 239-266). Однако, это оказалось лишь частью их переписки. В «Пражском архиве» (ЦГАОР), ныне доступном исследователям, В.В. Бойков обнаружил еще 27 писем Ильина к Струве, из которых 18 относятся к самым первым годам эмиграции (1922-24), не представленным в публикации Полторацкого. К тому же мной были найдены в парижском семейном архиве еще 16 писем Ильина (из которых два адресованы к жене П.Б., Нине Александровне).

Эти свыше сорока неизданных писем мы и предлагаем вниманию читателей. По-прежнему не найдены ответные письма П.Б., за исключением одного (из семейного архива). Как в публикации Полторацкого, последние письма относятся к концу 1927 г., когда П.Б. Струве, вынужденный крайне-правыми покинуть созданную им газету «Возрождение», переехал на жительство в Белград. Вероятно тогда же он депонировал свой архив в пражское хранилище (за исключением каких-то частей, оставшихся у сыновей). Переписка между И.А. и П.Б. продолжалась и позже. В предисловии к своей публикации

Н.П. Полторацкий привел три коротеньких письма И.А. к П.Б. между 1928 и 1932 и пять писем П.Б. к И.А. между 1937 и 1940. Как известно, белградский архив П.Б. целиком погиб при приходе советской армии, что и объясняет почти полное отсутствие писем Ильина за поздний период.

Н. С.

1

Берлин. 1922/XI/3

Дан ответ [Рукой П.Б. Струве — В.Б.]

Дорогой Петр Бернгардович!¹

Две недели по приезде сюда я радовался мысли, что мы скоро увидимся с Вами и поговорим *de rebus omnibus*.^{*} И вот, две недели я огорчаюсь при мысли, что мы, может быть, не увидимся долго... Вчера я получил Ваше второе письмо; однако и оно не изменило ничего в этом моем настроении.

Curriculum vitae и прошение я прилагаю, но ехать в Прагу и получать «иждивение» от чехо-словацкого правительства — *rebus sic stantibus*^{**} не хочу. Посему в прошении я прошу не посадить меня на иждивение, а *только зачислить меня кандигатом на иждивение rebus aliter stantibus*.^{***} И если Вы хотите действительно оказать мне услугу — то подействуйте именно этому *кандигатированшо rebus aliter stantibus*.

Я полагаю, что мне и нам (Франку, Бердяеву, Кизеветтеру)² вернее, правильнее осесть в Берлине, где русского духовно-культурного очага еще нет, где его *надо* создать, где для этого уже открыты и разработаны все пути и возможности, и где мы уже *каптивированы* целым рядом переговоров и соглашений. Здесь уже открывается нами философско-религиозная академия на средства голландско-христианского союза; последний институт *научный и поляризаторский*. При таком положении вещей набивать

* О многих вещах.

** При теперешнем положении.

*** Если положение изменится.

ся всем в Прагу, где дело уже поставлено, было просто духовно-ошибочным шагом, не вызываемым никакими объективно-верными мотивами. Конечно твердая валюта приятнее; конечно — легче там, где все уже налажено; конечно — студенческий материал в Праге лучше; конечно — профессура в Праге квалифицированнее, деньги обеспеченнее... Все это — не говоря о сердечном влечении к друзьям. Но — это все не главные весомые в вопросах духовного строительства.

Но, если, что не исключено и чего нельзя предвидеть — здесь все разнесется (ну хотя бы *eventuell*^{*} от *Kommuniste Putsch*^a), и мы освободимся от принятых на себя обязательств, то мы, кораблекрушенные, постучимся, быть может, в Прагу и роль наших пражских друзей будет выручающей. Вот что мы трое (Бердяев, Франк и я) считаем правильным, и о чем каждый из нас напишет Вам особо. Я изложил это по-своему; *faciant aliter volentes*.^{**}

Мы выехали из России столь же бодрые и духовно-напряженные, сколь сидели там. Эти пять лет я считаю для себя неменьшею милостью Божиею, чем завершительное «изведение» из темницы. Я жил там, на родине, совсем не потому что «нельзя было выехать», а потому, что Наталия Николаевна³ и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и *очень* опасным для жизни. Мы бы *сами и теперь* не уехали бы, ибо Россия в своем основном массиве — *там; там* она болеет, *там же* находит и найдет пути к исцелению. От постели больной матери, лежащей в беспамятстве и судорогах — *sua sponte*^{***} *не* уезжают; разве только — оторванные и выброшенные.

Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — черный, в своем первоначальном, белом сверкании. Без этого *черного луча* — все души бессильны бороться с сатаной.

* В случае чего.

** Пусть желающие делают иначе.

*** По своему желанию.

Я каждый день благодарю Бога за то, что он приобщил меня этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне, исполненной мистериозно-космического значения. Это духовный опыт *ohne seines gleichen*.^{*} И по приезде сюда мы чувствуем себя не заморенными обывателями, потерявшими пять лет жизни, а (страшно сказать) миссионерами, прошедшими через чистилище и обремененными великою и, может быть, непосильною ответственностью. Может быть — и мы малы, слабы, не справимся, но *данное* нам, *взятое* нами и *заданное* нам — *исключительно* по своей значительности. И с большою смотрели мы отсюда, недоумевая, — почему так идейно пустынна и бесплодна русская эмиграция...

Будущее покажет, чем кто из нас бременеет; но «порожним» выехал только тот, кто при всяких условиях был бы не способен к духовному зачатию.

А пока немцы всемерно идут нам навстречу, поставили нас, изгнанных, в особливые условия (паспортные, налоговые, жилищные, академические) и уже заводятся переговоры об экстрараплачиваемых эпизодических курсах по-немецки в разных немецких университетах. Такими условиями было бы непозволительно пренебречь; здесь веет совсем не личным, а национальным русским делом; и оставлять Русский Научный Институт Берлина в руках Прокоповичей⁴ и Мякотиных,⁵ предоставляя им демагогировать и облыжно дурачить русскую двухтысячную студенческую массу, было бы столько же предосудительно, сколько превращать Прокоповича в научного порт-пароля русской науки и русской экономики в общении со здоровой Германией.

Учтите же все это, дорогой друг, и согласитесь, что пражский научный бутерброд обойдется пока без нашего немецко-советского идейного маргарина. Nicht?..

Как только получу мои рукописи — так обращусь к нескольким *Antrag*'ами** к редактору Русской Мысли.

Крепко жму Вашу руку и горячо Вас обнимаю. На[паль] Ник[олаевна] шлет Вам привет.

Ваш

И.А. Ильин.

* Не имеющий себе равных.

** Предложениями.

P.S. На какой-нибудь эпизодический курс лекций 4-6 двухчасовых (*если это может окупиться* — проезд, проживание) я бы приехал в Прагу с удовольствием. Например]:

«Основные проблемы правосознания» или
«Основные проблемы философии религий» или
«Миросозерцание и характер»...

Если мое заявление в таком виде покажется Вам *нелепым* (чего мне отсюда не видно, но что, объективно говоря, не исключено), — то бросьте его в корзину.

Одновременно пишу П.И. Новгородцеву,⁶ памятуя, что он мой «оставитель» и что я связан с ним помимо этого долгими годами академических и сердечных отношений.

Адрес мой: Berlin W. Bayrethar str. 12
Pansion Horz Dr. Ivan Ilyin

2

1922/XII/6

Дорогой Петр Бернгардович!

Когда же Вы в Берлин? Дайте знать заранее, чтобы мы могли сообразоваться координировать наши планы. Мы с На[пальей] Ник[олаевной] только что выдержали по бурному гриппу и доктор советует хоть на неделю съездить в декабре в Тюрингию или в Харц (выветрить остатки). Вообще пять лет Московского «стояния на посту», да еще с моими легкими, тюрьмами etc. надо будет как-нибудь летом покрепче заштопать.

Наш «изгнаннический» Берлин варит разные планы и затеи в 25 котлах. Все хотим «фигурировать»; не вышло бы, что всего навсего «рируем фигу»... Впрочем я никуда не тороплюсь и больше всего хочу найти спокойные двести комнаты и уйти в качественное созерцание и прилежное проращивание глубинных злаков. У меня имеется к напечатанию около 80 печатных листов; но ведь они не уйдут... *Kommt Zeit, kommt Rat, kommt Gurken-Salat*.^{*}

* Идет время, за ним совет, а потом и винегрет.

Во всяком случае:

а) Рел[игиозно]-Фил[ософская] академия основана и открыта.

в) Лекции при ней начались.

с) Философское Общество при ней вот-вот начнется.

в) Рел[игиозно]-Философский журнал основан.

е) Русский Научный институт открывается в январе и кажется еще что-то.

С.Н. Булгаков изгнан;¹ он в Константинополе, получает назначение в Вену, настоятелем православной церкви.

Здесь Лосский, Карсавин² und mehrere noch.*

Здесь кн. Г.Н. Трубецкой,³ который уезжает к себе в Вену 13-го, а с осени думает переселиться в Берлин.

Кто-то зовет нас в Париж на эпизодические курсы за валюту. Русский Институт собирается хорошо платить.

Фу! Устал даже от богатства изложенных идей...

Да, еще! Приезжает в Берлин сам Б.В. Яковенко.⁴ Он будет издавать философический журнал на следующих основах:

а) «вдохновляет» журнал он сам!

в) вариться будет новая идеология!

с) идеология называется «идеализм и антиматериализм» или «философия истинного большевизма» (sic! sic!)

в) «Я решительный сторонник революции; не октябрьской, а *всей* ее в *целом*» (это из его последнего письма ко мне).

После этого ему наверное обеспечено сотрудничество Сережи Гессена⁵ и дело в шляпе.

Мы оба шлем Нине Александровне⁶ и Вам наш самый сердечный привет.

Очень Ваш

И.А. Ильин.

Воспитание на меня подействовало — прошу оценить: какого-то одного запретного слова в письме нет, «какова»?

* И многие другие.

Дорогой Петр Бернгардович!

Гранки давно мною подписаны. Работу эту читал вслух публично 29 января. Были люди всех партий (Мартов, Кускова, Гессен, Марков¹ inclusive). Прения были не интересны. Заметка Изгоева² в № 663 «Со стороны», изобличающая меня в мракобесии, «правой лжи» и «идеализации старого беззакония» (sic) несправедлива по существу, неприлична по форме, «жидо-масонска» по происхождению и инспирации. Отвечать на нее не буду. Мои друзья сделают от себя реприманд в редакции Руля. Читая эту обрызгивающую заметку, беседовал мысленно с Вами: «лакмусова бумажка» показывает о гораздо большем, чем это может с виду казаться...

Очень прошу Вас, если у Вас есть какая-нибудь редакционная деньга, — переведите мне (или перешлите) сколько-нибудь в чешской валюте: очень кручусь и не выплываю.

Очень надеюсь, что будут оттиски.

Убедительно прошу Вас — напишите мне, как и когда можно было бы обнадежить наших будущих студентов на осуществление (хотя бы спорадически-эпизодическое) Вашего курса в Научном Институте нашем.

Я сейчас работаю вместе с представителями Главного Командования и финансистами над устройством в Берлине 300 человек белоармейской молодежи из балканских юнкерских училищ, распускаемых Командованием. Не отдайте нас на полное экономическое злоупотребление Прокоповича и Бруцкуса!

Ваш И.А. Ильин

Третьего дня был у Нины Александровны.

1923.III.4.
Berlin

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера Глеб Петрович¹ передал мне о том, что Вы сделали распоряжение по конторе Русской Мысли произвести на меня начет за авторскую корректуру (статья в Декабрьской книжке 1922 г.) и что начет этот превышает причитающийся мне авторский гонорар, так, что на мне остается еще долг.

Считаю более правильным снести об этом с Вами непосредственно.

С самого начала элиминирую спор о праве, ибо, передав Вам мою рукопись, я не условливался ни о размере гонорара, ни о сроках выплаты, ни о правке корректуры. Не делал это сознательно; ибо материальные ресурсы Русской Мысли мне были неизвестны, духовною связью с нею я дорожил; поэтому с самого начала готовился к тому, чтобы согласиться на бесплатное напечатание, в случае если редактор известит меня о неосуществимости вознаграждения.

Итак, никаких прав не предъявляю.

Вопрос о справедливости.

Когда я отдал Вам карандашную рукопись, то мы расстались с Вами на том, что по этой карандашной рукописи статья набираться *не* будет; что Вы отдадите ее в машинную переписку и экземпляр машинный перешлете мне. Поэтому карандашная рукопись была мною отдана не в набор, а в редакционное чтение и переписывание. Все это Вы изменили в дальнейшем своею властью, не сносясь со мною, и через пять дней поставили меня перед непоправимым фактом: «рукопись уже в наборе» и притом «это необходимо для декабрьской книжки».

Получив корректуру, я увидел, что набор сделан педантически со всеми *неровностями* черновиковых строк

и бессмысленными в печати, обильными «красными строками» (для оратора они были необходимы). Набор производил впечатление безвкусное, экстравагантное; необходимо было сдвинуть строки.

На мой телефонный запрос Глеб Петрович объяснил мне, что метранпаж специально запрашивал его, соблюдать ли в наборе все эти неровности краев и *красные строки после запятых и двоеточий*; и что он, Глеб Петрович, *не снесясь со мною*, своею властью распорядился: *соблюдать*.

Бесспорно, мне было бы осторожнее примириться с тем, что такая речь моя будет напечатана по образу дорошевичевских фельетонов или маяковских «стихотворений», — и предоставить редакции Русской Мысли отвечать самой за последствия своих распоряжений, т.е. иметь на своих страницах уродливый и бессмысленный набор, искажающий серьезность и ответственность высказанных мыслей.

Я поступил обратно и счел правильным избавить и самый *предмет*, и *себя*, и *Редакцию* от последствий ее административных ошибок. В результате статья вышла короче на шесть страниц, а типография, оградившая себя запросом, предъявила счет, возложенный конторою всецело на меня.

Несправедливость такого решения говорит сама за себя и к ее голосу я не имею ничего добавить.

Разве одно только: я надеюсь, что вторая статья моя (памяти Е.Н. Трубецкого)² сможет покрыть мой долг, образовавшийся от начета. Если же и ее будет недостаточно, то я прошу контору уведомить меня о размерах остатка, дабы я мог своевременно добыть денег и расплатиться.

И.А. Ильин.

1923.IV.4/III.22.

Берлин

Дан ответ [Рукой П.Б. Струве — В.Б.]

Дорогой Петр Бернгардович!

С.С. Ольденбург¹ передавал мне о Ваших соображениях по поводу затеваемой ими газеты. Всемерно разделяю эти опасения Ваши. Я был на редакционном предварительном совещании и вынес ряд тяжелых впечатлений, о которых, переважив их, высказал Сергею Сергеевичу.

Марков человек умный, волевой и патриотичный. Но необразованный, прямолинейный и *очень* властный. Ни у него, ни у Тальберга² (член редакционного центра) нет ни духовной широты, ни *научно-воспитанной* совести, ни чуткости, ни такта духовного. Помимо этого — Марков *одержим* (искренно, страстно, «теневрозно») манией антисемитизма: в основе это у него мания *преследования*, с которой он не справляется или справляется редко и с трудом. Его *политика* есть осмысление и «оволение» этой антисемитической мании: всепобедный жидо-масонский кагал гонит Россию в бездну... Таков же и Тальберг. При этом большая властность на их стороне и отсутствие властности у оппозиции редакции (Ольденбург, Чебышев,³ фон Кеппен).

Все это побуждает меня отойти. Ваши опасения суть верные диагнозы; единства редакционного у них нет и опасность обскурантизма есть опасность реальная.*

Всюду теперь, за каждым углом — двое, трое русских переговариваются о национально-патриотической газете; ищут деньги, строят комбинации; собираются грюн-

* Имею данные утверждать, что помимо этого у Маркова-Тальберга отношение к нашей белой армии и ее вождям — двуснастное и *тактически* чревато имеющим однажды вдруг обнаружиться неподдержанием.

дерствовать и мало думают о том, что конкуренция здесь вредна и что затонувшая баржа портит фарватер.

Между прочим к одному из друзей моих обращался русский-американец, некий Ламарк, известный нам еще по московским большевистским тюрьмам и не внушавший там доверия (особая примета — имеется: нос с заметным ущербом); говорит: под национально-патриотическую газету со Струве и Шульгиным⁴ добуду хорошие деньги... Может быть обратится к Вам лично, несолиден, неубедителен...

На днях вышлю Вам мою речь на открытии Института; она вышла отдельной брошюрой. Отдельный экземпляр передам в Редакцию Русской Мысли. За эту речь меня пакостно излаляли Керенский⁵ и Милюков.⁶

Чек на уан паунд получил. К сожалению его здесь очень трудно и убыточно реализовать. Надо ждать okazji на Лондон.

Если такой гонорар наскребется мне за вторую статью (памяти Трубецкого), то я очень прошу Вас — распорядитесь, чтобы его передали в *кронах* П.И. Новгородцеву (я должен ему 55 крон; остаток он пришлет мне с okazji в Берлин).

Посылать ли вам еще что-нибудь для Русской Мысли? Если да, то укажите размер — не больше чего?

Если у Вас будет материал для биографических отзывов, недалекое от меня, — пришлите через Глеба Петровича.

Шлю Вам мой самый искренний духовный привет.

Ваш

И. Ильин.

1922.IV.5/8

Дорогой Петр Бернгардович!

Очень прошу Вас, перешлите причитающееся мне сверх-пятидесяти-пяти-крон с первой оказией сюда в Берлин. Если это затруднит Вас — то отдайте его П.И. Новгородцеву, хотя боюсь, что это Вас затруднит не менее, а его и меня — более. Только не посылайте *ни* по почте, *ни* банковым чеком; это не устраивает.

От Ваших имею сведения о Леве.¹ По этому поводу сообщаю. Один замечательный ученый немец только что открыл (около года) новое противотуберкулезное средство. Мне вчера говорил о нем один умный и уравновешенный немец с категорической осведомленностью. 100% полного излечения, даже при отсутствии половины легкого. В ближайший понедельник увижу его опять и допрошу подробно; тогда опять напишу.

Это на всякий случай.

Хочется еще всегда уговаривать Вас, чтобы Вы берегли *Ваше* здоровье!..

До свидания

Ваш

И.А. Ильин.

1923.V.23.

Берлин.

Дорогой Петр Бернгардович!

Глеб Петрович говорил со мною о том, чтобы я написал для Русской Мысли отзыв о сборнике Россия и Латинство.¹ Сборник этот у меня имеется. Отношусь к нему с большим сочувствием. Но не знаю, закрепил ли он это предложение у Вас? Когда получу ответ, составлю отзыв.

Наше отделение очень ждет Вашего приезда в Берлин. Ваш курс — наш *единственный* экономический курс и лишаться его было бы во всех отношениях глубокою брешью... Числа с 15 июня семестр начнет замирать.

Ваш

И.А. Ильин.

1923.VI.18.

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам экспрессом рецензию на книжку Карсавина.¹ Обсудив ее с Глебом, мы признали, что ни он, ни я не сомневаемся в ее удобопоместимости в Русской Мысли, но что все-таки есть потребность в том, чтобы Ваше согласие не подразумевалось в тихих затонах бессознательного, но было бы въяве обнаружено открытым высказыванием в форме редакционного распоряжения. Он просит Вас переслать ее ему с обратной почтой экспрессом же.

В цитатах я соблюл новую орфографию — полагая, что она является художественно-адекватною (по мерзости) ризою для мерзких мыслей автора. В конце рецензии я это прямо оговариваю. Заголовок я выписал так же. Прокаженного младенца естественно хочется оставить в прокаженной люльке. Но если Вы считаете эту само-заушающуюся орфографию и в таком виде и смысле недообооставимую, то я неохотно уступаю.

О сборнике Россия и Латинство тоже напишу для ближайшей книги.

Само собою разумеется, что с журналом «София»,² где Карсавин «ближайше участвует» (он привлек деньги Когана, да и Франк с Бердяевым с ним на чем-то очень дружат), я после этой рецензии хлеб-соль водить не буду. Да это духовно и вернее.

Ваш И. Ильин.

1923.XI.20.

Дорогой Петр Бернгардович!

Слышал от Глеба, что в начале декабря Вы собираетесь в Лондон и, может быть, поедете через Берлин.

Посему немедленно пишу Вам, чтобы сказать, насколько драгоценны будут Ваши лекции и для наших юристов, и для коммерциалистов, если Вы захотите осуществить их. От лица Юридического Факультета радостно приветствую самую возможность, вероятность Вашего приезда и выступления.

От себя лично убедительно прошу Вас, уговариваю всеми силами устроить этот заезд в Берлин!

Однако питаю надежду приехать в Прагу на два дня между 25-30 ноября по поручению Ученого Совета для свидания с руководящими академическими кругами Праги; прежде всего, конечно с Вами.

Этот приезд мой могла бы задержать только болезнь.

О многом существенном необходимо поговорить с Вами лично.

Вчера я говорил на студенческом национальном вечере большую идеологическую речь о Белой Армии. Аудитория была полна. Справляли годовщину — шестую!! Как долго, как давно и как недавно...

Мне пришлось в этой речи раскрыть ту статью мою «Ушедшим Победителям», которую я поместил 10 ноября 1917 года в Русских Ведомостях. Это было только раскрытие; менять было нечего.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь на личную беседу и в Праге, и в Берлине.

Ваш И. Ильин.

Berlin Grunewald
Gogowstrasse 10-11.

Милый Лев Петрович!

По указанию Петра Бернгардовича посылаю Вам для Русской Мысли и для отдельного выпуска мою речь о «белых». Скажите пожалуйста Петру Бернгардовичу, что его имя, помещенное мною вначале, после заголовка, посвящение всей речи ему. Только в том случае, если он признает это для себя почему-либо неподходящим или неудобным, — я согласен снять это посвящение.

Поправляйтесь и будьте добры духом. Сам же я неделю хвораю гриппом. Если увидите маму, то передайте ей мой самый сердечный привет.

Ваш И. Ильин.

24/11 декабря 1923.

1924.I.26.

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

Пишу по пунктам.

- 1) Часы для Ваших лекций установлены:
 - пятница — от 8-10 ч. (2)
 - воскресенье — дневные по Вашему назначению (4)
 - понедельник — 6¹/₂ - 8 (2)
- 2) Суббота оставлена вакантной и вот по каким соображениям.

Мы (правый юридический факультет) решили устроить несколько открытых заседаний факультета с научными докладами, с тем, чтобы превратить это затем в Юридическое (научное) Общество при Научном Институте и втянуть туда Судебных деятелей и Адвокатуру (те на это охотно идут).

Судьи и Адвокаты уже просили нас устроить доклад об *Экономическом Материализме*; у всех что-то перегорело по этому вопросу, а теоретически не справляются и встречают камни преткновения.

Факультет единогласно поручил мне просить Вас прочесть такой доклад в субботу 2-го февраля в 8 часов вечера в большой аудитории на Schinkelplatz (где Вы читали уже). Мы разошлем повестки, соберется весь интеллигентный Берлин и состоится большой день, водительный и очистительный. К сему водителному выступлению, усматриваем мы, призваны и предназначены Вы — и никто более. И потому усердно просим: не откажите! Я же со своей стороны приму меры к тому, чтобы и сие выступление было гонорировано как 9 и 10-й час прочтенных лекций.

3) Господин, с которым Вы встретились у меня, вынес настолько большое впечатление, что горит желанием продолжить, углубить и персонально расширить общение (в *свою* сторону конечно). Обещаний я ему не давал; по приезде Вы дадите мне указания.

4) В субботу на 4 часа дня Вас очень просит к себе на чашку чая Алексей Степанович Хрипунов. Будет еще Шлиппе и я. Мы Вам имеем разное любопытное рассказать.

5) Вчера была вялая Татьяна. Триста человек бестолково ужинали и бесподъемно ораторствовали под председательством «опысывавшегося» (sit venia verso!) Гогеля. Meine Kernige Rede war unzeitgemäss?..*

Очень прошу Вас — ответьте мне *экспрессом* о Вашем согласии (не могу думать о несогласии!) на Экон[омический] Материализм.

Душевно обнимаю Вас. Все еще я пошатываюсь на ногах после болезни.

Ваш И[ван] И[льин].

* Мои резкие слова были не к месту.

11

Дорогой Петр Бернгардович!

Ждем Вас, по условию, на 22-25 марта. Надеюсь, что к тому времени все будут в сборе. В кассе у нас заминка, но временная и я надеюсь, что к Вашему приезду она пройдет. Надеюсь... вся жизнь в надеждах!

Ваш И[ван] И[льин].

1924.III.17.

12

1924.IV.27.

Христос Воскресе!

Дорогой Петр Бернгардович!

В работе, которую я взял на себя, можно различать сторону метода и сторону материальную. Вторая сторона, по-видимому, не представит больших затруднений. Сторона же метода потребует, вследствие своей сравнительной утонченности, известных усилий и тщательных подходов. Однако я надеюсь, несмотря на болезнь, справиться и с нею и довести статью до полного завершения в течение мая. Может быть значительная часть будет уже сделана к следующему Вашему приезду и мне удастся показать Вам сделанное и обсудить с Вами некоторые детали.

А потом надо будет ехать лечиться. Ужасно трудно наладить деньги для этого...

Обнимаю Вас. Мы оба поздравляем с праздником Нину Александровну и всех Ваших.

Ваш И[льин].

1924.V.23.

Дан ответ предварительно [Рукой П.Б. Струве]

Дорогой Петр Бернгардович!

Меня врачи отправляют в Меран. Коллеги по академическому союзу сообщили мне, что в Меране есть санатория, в коей Академический Центр имеет места, с правом замещать оные своими членами. Правда ли это? И если это правда, то я очень прошу Вас — переговорите, не откладывая, с Ломшаковым и с кем еще надо, нельзя ли мне устроиться туда хоть на месяц — когда будут вакансии — на июнь или на июль. А то я боюсь материально не справиться со всем этим лечением.

Черкните мне поскорее — какова процедура этого устройства? Нужно ли представление от Берлинской академической группы? Или можно прямо? А то Ясинский¹ начнет тянуть канитель... Какая плата в санатории и на каких условиях все это вообще налаживается? Буду с нетерпением ждать скорого ответа. 30-го или 31-го мне надо отсюда уж сниматься (квартире конец!).

Усиленно хлопочу об итальянской визе, кажется с надеждою.

Прилагаю медицинское свидетельство.

Помогите, если можете!

Когда Вас ждать в Берлин?

Мы оба шлем привет Нине Александровне и Вам.

Ваш

И. Ильин.

Русская Мысль все еще не родилась...

Я могу в крайнем случае уехать на юг Германии и там ждать ответа.

[Открытка]

Berlin

Schlöss, ältester Teil

Herr Prof. Dr. P. von Struve

Buckova Ul. 505

Prah-Bubeneč

Tchecoslowakei

Дорогой Петр Бернгардович! Я доселе еще не имею визы в Италию и в ожидании ее провалился в австрийский Kärnten (адрес пока: Oesterreich. Kärnten. Velden am Wörthersee. Hauptpostlagernd). Уезжая из Берлина, так и не получил Русской Мысли и оттисков. Когда будете писать Л.И. Львову,¹ напомните ему, чтобы он выслал мне все сюда. Крушение наших планов огорчило не одного меня. Об этом напишу подробнее, когда устроюсь. Будет ли выходить [Русская] Мысль? Если да, то у меня будет материал для нее. — Списываюсь с русским домом в Меране и очень благодарю Вас за содействие. Напишите мне, состоялась ли Ваша публичная лекция и как прошла. Грущу о том, что долго не увижусь с Вами. Крепко Вас обнимаю и шлю привет Нине Александровне и всей семье.

Ваш И[льин].

1924.VI.9.

1924.VII.10.

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы себе не представляете, какое огорчение Вы причинили мне и моему приятелю своим болгаризирующим решением.¹ Ведь все было устроено и обеспечено в нужном количестве и порядке; и вдруг афронт. Тот был прямо уныл и мрачен. Все просил меня подумать, как же быть.

Я решил дело так: подвергнуть все дело анабиозу до осени, а осенью рассмотреть вопрос заново. Последние известия из Болгарии о нападении на Калинникова тревожат меня за Вас. Эта мерзость там опять обнаглела; и как все это будет складываться дальше?

Словом, я полагаю, что до осени анабиоза обеспечена.

В последнем номере Русской Мысли есть много превосходного. *Великолепна* Ваша заметка о коммунизме. Очень значительны статья Погодина² и «Материалы» О.О. Маркова. Волнует своею подлинностью Савченко.³ Живые куски России, умно и поучительно набросанные, дает Садовский.⁴ Хороши очерки г. Z и X.Y.Z. (кто сии незнакомцы?). Вашу рецензию «Изнутри» — уважаю холодно, сознавая ее педагогическую необходимость, но сердцем *не* пылаю и в искренний патриотизм сих господinov не уверовал. Трогателен Н.Н. Львов.⁵

Никак не добьюсь моих оттисков от Лоллия Ивановича. Их надо мне разослать *honoris causa* ряду лиц по принадлежности, а в Берлине их какая-то корова зажевала.

Пожалуйста напишите мне, *когда* будет составляться следующий номер. Я хотел бы прислать Вам что-нибудь крепкое и духовно-ответственное. Здоровье мое медленно скрипит. Манухин зовет лечиться в Париж. Надеюсь, что Лева с Вами и что Нина Александровна и Вы уже не в Праге, а на воздухе. Шлю всей семье мой привет. Обнимаю Вас и глубоко люблю.

Ваш И[ван] И[льин].

Итальянской визы до сих пор еще нет в руках (хотя она и «отпущена»...). Из Мерана пишут, что на июль и август ехать туда бессмысленно. Провалилось мое Бородинство.

Адрес: Kötschach im Gailtal. Villa Seeber. Oesterreich.

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

У Русского Научного Института *есть деньги*. Бюджет обсуждается в размере около минимум 80 000 марок на год. Деньги из частных рук (туземные, но без имени). Жалованье профессору намечено 240 марок в месяц. Жалованье ректору около 400 марок.

Скверно мне думать, что Вы едете к братушкам. Безобразия там, резня, балканщина. Умоляю Вас: обдумайте, спишитесь с Лоллием Ивановичем, решите в пользу севера!! Я пишу сейчас Лоллию Ивановичу, чтобы он обо всех Вас уведомил; при одной идее, что «Струве» переезжает в Берлин — ректорская кандидатура станет единственной!!

Сейчас там А.И. Гучков, председатель финансовой Комиссии. Ясинский вел себя последние месяцы таким наглецом и болваном, что о переизбрании ректора *камни* вопиют и все к этому готово...

Я чувствую себя средне. Однако получше.

Пишу работу листа на 4: «О сопротивлении злу»; надо чистить конюшню толстовщины: *heraus! heraus!..**

Переезжаю в Италию. Адрес: Italia Südtirol. Siusi am Schlern Hotel Unterwist.

Посылаю Вам стихи одного начинающего поэта. Если удовлетворительны — то *может* *быть* пойдут в Русской Мысли? Тогда и подпись его пришлю.

Привет Нине Александровне и молодым белогвардейцам.

Обнимаю Вас. И[льин].

Да что же это Вы меня забросили?! Третье письмо шлю!..

Ужас будет, когда подумаешь, что Болгария не уберет *Вашей жизни!!*

* Вон! вон!

Вследствие ряда неожиданных для меня обстоятельств, я остро нуждаюсь в деньгах и осызаю в моем бюджете каждую небольшую сумму. Нет ли такой возможности, чтобы контора Возрождения перевела мне какую-нибудь гонорарную сумму? Очень прошу Вас, сделайте в этом направлении все возможное!

Ваш И[ван] И[льин].

1925.X.21.

Дорогой Петр Бернгардович!¹

Простите мне карандаш и разрешите ответить по пунктам.

1) К 5 ноября я буду в Берлине и с радостью буду ждать свидания с Вами. Владимир Федорович² будет знать мой адрес.

2) На днях вышлю Вам три статьи

а) фельетон очередной «Зачем нам идеология».³

в) фельетон «О реставраторстве» — в литературной форме: «отрывок из частного письма». Не боевой, а доказательно уговаривающий.

с) фельетон «Предел правизны»⁴ — (вместо «Черносотенство») — переделанный несколько из той статьи.

Тема в) и тема с) — совершенно различные. Тема в) конкретная, историко-политико-тактическая. Тема с) — идеологическая с организационными выводами; остро ударная, а не мягко расчищающая. *Переделат* статью было невозможно.

3) Всеми силами уговариваю и упрашиваю Вас не называть новую организацию⁵ Русской *Партией*. В этом большая опасность: **Вы**, потому что Вы — **Вы**, не имеете право санкционировать *in partes*, то е[сть] узаконять дробление *go* объединения. Это должен быть союз, а не

партия; уже потому одному, что *в союз может войти и партия*, а в партию — ни другая партия, ни другой союз не войдет.

С момента «партий» Вы стали *частью*, Вы *конкурируете*, Вы в состязательном состоянии, Вы не Totalität. А я твердо убежден в том, что надо **Вам** стать *тотальностью*.

4) Я не знаю, что стоит за статью Крупенского,⁶ оставшись невысказанным. Но то, что он высказал, на меня не произвело впечатления неприемлемого. Еще яснее сказано у Пильца. Вознаграждение за утерянную землю — я считаю и принципиально, и строительно, и правосознательно приемлемым и необходимым. Я знаю, что *мужики сами* считают это главной формой *окончательного закрепления* земли за ними. В течение пяти лет, что я там был, мужики то и дело приходили к своим помещикам делегатами тайком, нередко отыскивая их в городах и привозя съестные дары — и спрашивая о согласии *продать* отобранную и захваченную ими землю и *мечтая* о купчей. Знатоки крестьянства много раз подтверждали это наше общее наблюдение. В 1922 году, когда пошли весною слухи об интервенции, подмосковные мужики спрашивали нас: 1) правда ли, что нас всех перевешают? 2) а если (sic!) не перевешают, то дадут ли снять озимое? 3) а что землю отберут, так ведь она и впрямь не наша; вот купить бы ее по сходной цене...

Я только думаю, что всем Крупенским следовало бы объяснить, что тактичнее этот выкупной вопрос не слишком муслировать публично.

Ради Бога, не спешите с *партией!* Жажду увидиться с Вами. Если составите воззвание о *союзе*, то пришлите мне его экспрессом, я телеграфну ответ.

Ваш И[льин].

Выезжаю из Флоренции 31-го окт[ября].

1, 2, 3 и 4 ноября проведу в Цюрихе: адрес — Zürich, Schmelzbergstrasse 28. Herr Dr. Hans Trüb, для меня.

Будут еще письма отсюда (корресп[онденция]), но вероятно я пошлю их уже с севера.

1925.X.28.

Дорогой Петр Бернгардович!

Вот Вам статья об аграрном реставраторстве. К ней комментарий.

а) Poleмику, направленную на правизну *попутчиков*, я считаю необходимым вести в убеждающем, а не бьющем тоне. Так как в то же время *тезисы* реставратора мне печатно *не* даны, то надо было фингировать их. Отсюда литературная форма «отрывок из частного письма» и фигура моего адресата: превосходный человек, имеет верные и вовсе не отвратные предпосылки, но предлагает (по глупости?) аграрную реставрацию.

в) Подписать статью своею фамилиею *я не могу* — все это сплетут с белой идеологией и пойдут мазать и пачкать (не меня — а белую идеологию). Но так как я рожден и вырос в помещичьей родовой-дворянской семье, и «оженился» в таковую же семью, и полжизни участвовал во всякой аграрности етс. и знаю мужика, и люблю все это, — то считаю возможным ставить вопрос от лица разгромленного (кто и есть на самом деле) помещика и подписаться «помещик». Это придает всей статье особый колорит, который я фактически в моей жизни имел и имею.

с) Все приводимые мною *данные*, и *постановки вопроса*, и *указания* я имел возможность недавно *крепко проверить и приблизить к внутренней современности*. Об этом при свидании. *За все ручаюсь*.

д) Статью эту я не написал бы сам по себе. Сделал это в порядке дисциплины, подчиняясь Вашему запросу. Это было мне трудно, но я учинил «самопонуждение к самопонуждению».

е) Статья вышла несколько длинна. Но уж тут, как хотите: закажите гроб по покойнику. О, статья моя! *Sit tibi terra levis...**

* Да будет тебе земля пухом.

1925.XI.14.

Дорогой Петр Бернгардович!

Если Вы в Праге, или будете в Праге, то не изменяйте своего первоначального плана и попутно непременно заезжайте сюда. Ваш заезд сюда я считаю чрезвычайно важным. Именно теперь. Если есть какая-нибудь малейшая возможность, то сделайте это. Я уже несколько огляделся. Все знакомые шлют Вам привет. Я здесь с XI.9.

Деловое письмо с статьей и запросами послал на редакцию.

Ваш И[льин].

Адрес: Lützow Str. 63. Pansion Tonn.

21

1925. XI.14.

Дорогой Петр Бернгардович!

Разрешите по пунктам. С 9 ноября я в Берлине.

1) К середине ноября я жду Вас сюда. К этому должен добавить, что Ваш приезд или заезд сюда я считаю чрезвычайно важным. Именно теперь; и именно Ваш лично. Пишу, оглядевшись. Если есть какая-нибудь возможность, то сделайте это! Не откладывайте!

2) Посылаю Вам статью «направо». Надеюсь скоро выслать несколько корреспонденций¹ о фашизме, ибо обладаю весьма интересными материалами. Отрицательные мотивы пройдут бережно и в обертонках.

3) Только что прочел «Наш ответ» — дефекацию Коли Трубецкого¹ (на правах «руко» «писи»...). Очень хотел бы ответить на него сразу за всех, мне это легко, ибо я не был на юге ни «бездарным идеологом», ни «бездарным политиком»... Ответ думаю составить в форме

диалога между «начитавшимся евразийцем» и «генералом белой армии» (идейное согласие одного из таковых обеспечено). Ответ хочу выдержать в тоне нещадного сарказма. Рядовой «евразиец» окажется к концу разговора глупо-растерянным, ибо он защищался «котинными» фразами.

Пожалуйста пришлите мне на это принципиальное согласие. Одновременно пишу Вам и в Прагу.

Ваш

И[льин].

Адрес: Berlin. IV. Lützow Str. 63. Pansion Tonn.

Что значит на «правах рукописи»? Значит ли это, что публично никто не имеет права ссылаться на этот «о!» «пуз» «кул» (последнее от латинского «culum»^{*}). Но тогда можно было бы не упоминать об «опузкуле» — используя его.

22

1925. XII.4.

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы совершенно забросили меня. Настолько, что даже на «самонужнейшие» письма не отвечаете.

За это я буду теперь мстить: Вы будете завалены моими статьями, погребены под их лавиной; акрополь Вашего «Возрождения» будет засыпан моим персидским мусором... Вы будете получать *ежедневно* по одной статье; и притом, они будут «тридцать родов, и для ногтей, и для зубов»...

Очень прошу Вас: поручите Сергею Сергеевичу или Аркадию Альфредовичу отправить мне назад мою статью «О возвращении земель», которая Вами явно не атдобрена (хотелось бы только знать: по форме, по содержанию, или по долготе?). Я писал эту статью *четыре*

* Зад.

дня, повинуюсь общественной дисциплине; и хочу ее использовать.

Всей редакционной семье сердечный привет!

NB Приступаю к письмам о фашизме — все собранные материалы и книги у меня с собой и я буду писать из Италии.

Ваш

И[льин].

Адрес: Berlin — Fridenau. Stubenzauch Str. 3 bei Schindler.

С тревогой следил за съездом и всемерно сочувствовал Вашей линии!

Адрес новый, оседлый.

23

1925. XII.14.

Berlin. Fridenau. Stubenzauch
Strlassel. 3 bei Schindler.

Дорогой Петр Бернгардович!

Разрешите по пунктам.

1) Посылаю Вам при сем еще один фельетон и одно письмо о фашизме.¹

2) Я выбран в члены Орг[анизационного] Комитета Зарубежного Съезда² и в Париж, и сюда.

В Париж ехать надолго или ездить я не могу и в виду здешних обстоятельств, и по отсутствию денег. Заместителем моим для Парижа выбран Лоллий Иванович Львов (с моего согласия). Надеюсь, что он сможет быть Вам там полезен. Как только я получу официальной уведомление, я пошлю ему доверительное письмо.

Что касается до работы *здесь*, то я чувствую себя *до крайности мало ориентированным* в делах и направлении. И так как я слышу стороною, что Вы едете в скором времени из Парижа (куда — не знаем...), то спешу засвидетельствовать Вам, что было бы *очень существенно*, если

бы Вы могли заехать сюда *хотя бы на день!* Такого же мнения держится [Владимир] Феод[орович]. Он пишет Вам одновременно.

3) А.И. Бунге несет здесь по Возрождению очень большую и беспокойную работу; сам же *очень* материально нуждается. Поэтому мы с [Владимиром] Феодоровичем], обсудив дело, решили Вам написать, что было бы справедливо и необходимо положить ему за сие дело гонорар. Должен сказать по совести, что Контора присылает ему постоянно разные распоряжения так, как если бы он был платным служащим; он все делает с присущей ему чрезвычайной корректностью и тактом; и почему Контора считает возможным рассчитывать здесь на безвозмездность — я не постигаю.

Если есть *какая-нибудь* возможность, то побывайте у нас. Много существенного и о туземцах.

Привет всей редакции.

Ваш И[ван] И[льин].

Здесь я живу близко от [Владимира] Феодоровича]. Я его *очень* ценю и мы часто видаемся. Он знает мой телефон.

23 bis

(Письмо В. Гефдинга с припиской И. Ильина)

15 декабря 1925

Дорогой Петр Бернгардович,

Как Вам вероятно известно, берлинский корреспондент Возрождения А.И. Бунге помимо своих обязанностей по отношению к редакции несет также целый ряд обязанностей по отношению к конторе, как то распространение газеты в Берлине, сбор выручки с контрагентств и книжных магазинов, выплата денег сотрудникам и т.д. О том какую массу времени, хлопот и беготни требует эта работа я лично могу судить по Л.И. Львову, который вначале делал эту работу в Берлине.

Между тем А.И. Бунге по-видимому от конторы никакого вознаграждения за свой труд не получает. Только вследствие своей бесконечной и преувеличенной скромности А.И. не возбуждал сам до сих пор этого вопроса. В то же время его материальное положение настолько плачевно, что самое скромное вознаграждение за этот тяжелый и неблагодарный труд явилось бы для него большим подспорьем.

Мы беседовали на днях на эту тему с Иваном Александровичем и решили обратиться к Вам коллективно с просьбой принять меры к тому, чтобы вопрос отношений А.И. с конторой был надлежащим образом урегулирован. Это вопрос отнюдь не благотворительности, а справедливости и, если хотите, правильного коммерческого расчета, ибо можно сказать, что А.И. Бунге воплощает в своем лице берлинское отделение Возрождения. Не подлежит сомнению, что никто другой не взялся бы за эту работу без всякого вознаграждения.

Иван Александрович собирался писать Вам и по другому вопросу — о том, что очень было бы хорошо, если бы Вы по дороге из Парижа или в Париж заехали бы в Берлин. Это не только желательно потому, что у Вас здесь есть друзья, которые хотели бы Вас повидать, но и крайне необходимо в интересах подготовки к съезду в Берлине. Поэтому я за глаза и обеими руками заранее подписываюсь под всем, что Вам Иван Александрович по сему поводу напишет.

Итак не теряю надежды на скорое свидание в Берлине.

Душевно Вам преданный
В. Гефдинг

[Рукою И.А. Ильина]

Дорогой Петр Бернгардович!

Владимир Феодорович прислал мне это письмо на прочтение и подпись. Всецело присоединяюсь ко всем его тезисам и соображениям.

Ваш И. Ильин.

1925.XII.16.

1925.XII.26.

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы задали мне очень трудную задачу и я очень прошу Вас не велеть меня казнить, а велеть мне слово вымолвить.

Ваше доверие и приглашение к подписи этого документа мне и приятно, и дорого. Вы знаете, каким доверием и отношением с моей стороны Вы давно уже располагаете.

Далее, я должен сказать, что программно разделяю все содержание обращения, и в целом, и в деталях; и с этой стороны для меня нет никаких затруднений к подписи.

Но тут начинаются некоторые затруднения, для устранения которых нам необходимо увидеться и подробно все оговорить. И потому я решаюсь самым убедительным образом просить Вас: отложите опубликование этого документа еще на немного, заезжайте к нам сюда на обратном пути и обсудим все сообща и всесторонне! Ваш заезд сюда необходим для всех дел. И председатель здешнего организ. Комитета говорит, что он не может вести дело вслепую и на ощупь, при наличии неясностей и враждебного настроения справа (Кир.)¹ и слева...

Теперь по существу дела.

1. Мне неясна необходимость и целесообразность такого союза в большом все-эмигрантском масштабе. Я не представляю себе многого: отношения союза к другим партийным и непартийным организациям; отношение его к армии и армии к нему; отношение его к гл. Ком.-ю и обратно и т.д.

2. Далее, я совсем не верю в корпоративное строительство его снизу (особенно пожив в Италии). Также не верю и в олигархическое ведение его наверху. Здесь необходима *одна*, единая, персональная воля, *единая* волевая фигура, которая посвятила бы себя этому всецело, стала бы *пленником* этого дела, ведая *только* его, но его-то уж всюю.

Приняв во внимание Вашу занятость, я должен сознаться, что штатских фигур подходящих я *не* вижу. С нештатскими начнется ряд особых затруднений, которые пугают меня и внушают тревогу.

3. С беспокойством озираюсь я на трения, происшедшие за последние годы между В.М.С и Гл. К. по поводу политики и армии.

4. Совсем не ясно мне, возможна ли работа *senza argento*. Но если невозможна, то не рискует ли дело малокровием; и не повредит ли малокровие этого начинания Делу в общем?

5. Я боюсь, как бы эта организация не стала бы «одною из многих», вместо того, чтобы сделаться *каτ ἑξοχῆν...**

6. Мне не ясна *точка* для приложения силы в том случае, если будет *сила* для приложения к точке. Организационный *не-активизм* кажется мне нежелательным.

7. Я понимаю мотивы, по которым Вы считаете это начинание желательным и даже локально необходимым. Но тревожит меня вопрос о нецелесообразности вызывать лейкоцитоз надежд...

Конечно на все это и на все другое Вы, может быть, скажете мне такое, что я сразу успокоюсь и подпишу. Но войдите же на миг в мою душу: там, где я могу примкнуть с радостью, в качестве «неответственного-ведомого», там я затрудняюсь стать «ответственным-ведущим», хотя бы и подголоском. Чтобы повести такое дело или хотя бы крепко подпереть его — необходим уверенный пафос все-взвесившего и учетшего человека. Подпись — моральный вексель; как дам я его, если мне самому здесь очень многое неясно и тревожно? Как буду я *отстаивать* эту идею, если я с нею еще не справился внутренне?

С тех пор, как Вы мне написали об этом впервые — я много и всесторонне думал над нею. И что меня часто больше всего затрудняло, это вопрос — не вызовет ли новая интеграция новых, непредвидимых, но крайне нежелательных дифференцирующих трещин? Мне многое *невидно* — в орлином объеме, в объеме нашего рассеяния; и решать, не увидав, — прямо скажу *страшно*.

* Главной, исключительной.

Вот почему я считал бы необычайно важным предварительную подготовку такого начинания *на местах*. Некий объезд архиереями епархии; некую систему закрытых поместных концилий; некие *личные* свидания между архиереями. Ибо если это вызовет разноречие, то дело погибнет в зародке и создаст лишь новое *in partes*, — окажется не вселенским, а приходским.

Вы конечно, можете быть, снимете эти мои неопределенности и сомнения. Но мне морально важно, чтобы Вы почувствовали естественность их в моей душе и, может быть, *правильность* этих осторожных рефлексий... Мне было бы существенно, чтобы Вы внутренне сказали *мне*: «да — все это необходимо взвесить и учесть»...

И в этой-то связи я и решаюсь еще раз всячески просить и уговаривать Вас: приезжайте к нам, примеряем все это еще семь раз, прежде, чем резать; с В.Ф. — *Tres faciunt collegium!**

Мне противоестественно *не идти с Вами* в этих вопросах и делах. И я пойду наверное, даже не подписавши; но пойду — ведомый и опекаемый; даже в том случае, если не буду верить в дело; в порядке *личного* доверия к лидеру. Но *позванный*, а не *зовущий*.

В виду всего этого я очень прошу Вас не считать меня *ни* подписавшим, *ни* не подписавшим; а просящим отсрочки, свидания и введения в лабораторию. Я глубоко убежден в том, что подготовка и обсуждение не могут повредить.

Обнимаю Вас и жду индальгирующего и обещающего ответа.

25

1925. XII. 27.

Дать ответ [Рукой П.Б. Струве — Н.С.]

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях я писал Вам в открытке, что не помещая моих статей, Возрождение кастрирует мое вдохновение.

* Трое составляют коллегию.

Теперь я написал Зайцеву¹ и Ольденбургу, прося их выслать мне обратно (за мой счет!) мои статьи «Новые люди» и «Революционеры ли мы»; мне думается, что они достаточно уже полежали в портфеле редакции и могут спокойно выйти в другой газете.

Вот Вам пример кастрации. Вы знаете, что я проделал целую работу по вопросу о фашизме: я овладел итальянским языком, я завел знакомства, я был допущен к библиотекам фашистов, я многое выписал, прочел и *художественно выносил*. Все это я лояльно и вернопреданно предоставил Возрождению. И прямо скажу, что я знаю о фашизме то, что немногим известно. О корресп. моих знают в Италии; о них говорят здесь *все* читатели Возрождения.

В последней корреспонденции я обещал биографию Муссолини — «осветить весь его жизненный путь». Редакция поторопилась сделать эту работу ненужной.

Сегодня в номере Возрождения нахожу заметку г. Нордова: развязные и приблизительные трактования о биографии и характере Муссолини на основании газетной сплетни, передающей случайный эпизод. И, как обычно, при писании издали, ворох ошибок: биографий Муссолини не множество, а всего *одна* и та стала библиографической редкостью и т.п.

Прочтя эту заметку, я откладываю перо и *прекращаю* мои корреспонденции о Муссолини и фашизме. Ибо — у меня *нет* уверенности, что написанное пойдет. А писать для корзины я *не могу* и не буду. Мне необходима *гарантия*.

Такая же гарантия мне необходима и для моих идеологических статей. В начале Возрождения Вы писали мне «пишите, что хотите и о чем хотите». И я понял, что Вы полагаетесь на мой такт и хотите, чтобы мои идейные подвалы, запертые много лет, и мое политическое видение — творчески отперлись для Возрождения... Если теперь что-нибудь изменилось в этом, то я усердно прошу Вас — скажите мне об этом *прямо*.

Мне абсолютно необходимо, чтобы редакция Возрождения чувствовала, что я *не могу* писать для корзины. Я *творчески мучаюсь* пища, я *горю* и трепещу; и мне не-

обходимы *гарантии*. Иначе я замкнусь и *никакая* сила, даже сила *голода* не заставит меня писать.

Если я не подходящ с моей идеологией для Возрождения, как мне намекал в августе Зайцев, то это надо сказать мне. Нельзя мою музу, да именно музу, дразнить и бросать в корзину. Когда я пишу, то у меня вся душа гудит колоколом, мое перо горит, воля напрягается как струна, тысяча цензур контролирует вспыхивающие слова и холод сбегает от затылка.

Если Возрождению не нужно то, что из этого выходит — то скажите, скажите прямо! Если редакция решила остановиться на фельетонах (Ябл., Тэффи, Ренн.² etc.) — то *не заставляйте меня рожать!* Я или смолкну совсем в газетном смысле или найду себе менее видную дверь.

Остановимся пока на этом.

В октябре Вы заказали мне статью о реставраторстве. Я проработал *четыре дня* с утра до вечера. Статья пошла в корзину. Статья «направо» есть продукт *недельного* труда. Писать кое-как я не могу. Вы знаете, конечно, что материальный эквивалент абсолютно не компенсирует такой работы. Так писать можно только от *любви* и *огня*. Но клянусь Вам, что моей любви и моему огню предначертаны лучшие судьбы, чем зайцевская корзина!

Верьте мне, что я не напишу ни о чем, ни строки — пока Вы не успокоите меня!..

Горячо Вас обнимаю и подаю в отставку.

Ваш И. Ильин.

26

1926.1.4.

Дорогой Петр Бернгардович!

Моя «отставка» была, конечно, не «тактической мерой», а психологическим эксцессом. Прошел классический *l'espace d'une nuit** и я говорю о том же спокойно.

* утро вечера мудреней.

И вот, что я говорю.

Всем моим естеством прошу Вас: не повергайте меня в состояние творческой «*frustrane Erregung*».* Это состояние нестерпимое. Оно совсем не проистекает из самолюбия и совсем не равносильно обиде. Оно подобно «петражицковской» «эмоции дразнения», но направлено не на периферию души и нервов, а на творческие котлы духа. Я не умею писать, не приведя их в состояние известного кипения при *открытой* крышке. Затяжка в печатании (а «Новые Люди» лежали 17 дней) вызывает эффект *захлопнувшейся* крышки при воде, раскипевшейся в открытую. Я молчу газетно с 1918 года («Утро России»). И мог бы еще долго молчать. Но вы сняли печать с запечатанной кастрюли и она поверила Вам. Я *не всегда* волен написать «заказанное». Обрывать же на 200-й и 300-й строке мне *всегда* трудно: телеграфный столб только разгудится — и ток больше не нужен. А если у меня появляется сомнение в том, что я может быть «кипел» и «обрывал» зря — и что «оборванные» «нити» должны засохнуть (или «пары» обречены на то, чтобы охладиться и куда-то уйти внутрь) — тогда я начинаю *задыхаться* — мне легче *совсем* замолчать — моя личность начинает давать трещину и в трещину течет «лава» «протеста» и «отставка».

Вот почему я трясусь цепями от времени до времени. Чтобы откачать внутренний напор, мне бы нужно было писать «фельетон» каждые три дня.

Вся эта «термодинамика» и «вулканистика» мною переживается остро и тягостно. Здесь нет ни «капризов», ни «дурного характера» или «неуживчивости».

К этому однако добавлю: я *мнителен* — не верю людям, жду от них обычно неискренности и враждебности. И это (несмотря на то, что это я за собой знаю и этим в общем владею) — есть уже нечто от *mauvais caractère*.

Я несколько раз говорил себе, что духовно гигиеничнее не писать для газет *совсем*, а писать «дневник» «для потомства». Так бы это и было, если бы не Ваше (треклятое) Возрождение и не потребность в активизме. То и другое вызывает необходимость паро-отвода...

* Ущербные эмоции.

На основании сих наших объяснений, и паки и паки прося Вас дружески учитывать эти мои особенности, беру свою эксцессную отставку обратно.

Теперь по другому делу.

1923 г. 8 сент[ября] за № 82 был издан приказ по армии, подписанный в Карловцах, категорически воспреещающий всем зарегистрированным чинам участие в каких бы то ни было политических организациях. Высший М[онархический] С[овет] дико ругал и поносил Главкомандующего¹ за это, но сделать ничего не мог и все военные не вышедшие из политических союзов и организаций — были сняты с учета и считаются порвавшими с Командованием и вышедшими из повиновения. Таких было *крайне мало*.

Для меня это главный камень преткновения. К этому могу только добавить, что П[етр] Н[иколаевич] в скором времени собирается на север, к своим.

Ждем Вас с нетерпением сюда. Предупредите В.Ф. о приезде дня за два. Это ему очень важно по своим домашним соображениям. Еще было бы лучше, если бы он знал о Вашем прибытии за неделю.

Ваш И[льин].

1.5.

Что касается моей статьи о «Возвращении Земель», то я писал ее без материалов, из памяти и строго взыскивал с себя, сомневаясь. С тех пор я успел ее прочесть компетентному экономисту,* приехавшему оттуда, спокойно обдумать ее и, перечитав, не вижу препятствий к тому, чтобы подписать ее полной фамилией моей; что Вас и прошу сделать при наборе.

26.1.6.

Еще раз вскрываю письмо, чтобы сделать две приписки. 1) У В.Ф. все устроилось и он ждет Вас в любой момент. 2) Организационный Комитет ждет с нетерпе-

* слушатель мой, много знающий и видевший, ее вполне одобрил. Надо ли говорить, что решающим моментом для меня является Ваше одобрение?

нием Вашего приезда. Они просят меня убедительно просить Вас о выступлении в случае приезда на предмет выяснения Зарубежного Съезда.

Они мечтают о публичном выступлении Вашем, для ради лейкоцитоза съездного. Я сомневаюсь в целесообразности публичного выступления, но выступление в Организационном Комитете считал бы *чрезвычайно важным*. А также свидание с «приятелями».

27

1926.1.9.

Дорогой Петр Бернгардович!

Я не могу подписать воззвание¹ при таких условиях. Вот мои мотивы:

1) Необходимость такого объединения видится мною *смутно и неуверенно*, сквозь чрезвычайные и несмутно видимые опасности осложнений;

2) Вопрос о приказе 82² я изучил внимательно. Главное К[омандование] *не может* взять его назад без *особых и чрезвычайных* условий (вроде *сверхприказа Верховного Главногокомандующего*). При таких условиях союз или объединит *одних штатских*, или *раздерет* воинское правосознание военно-зарегистрированных. Конечно черные поднимут вопль, двинут провокационные требования, чтобы Главное К[омандование] *запретило* Ваш союз; и Главному Командованию придется *или* скомпрометировать свою прежнюю и по существу правильную позицию (Даватц³ выпускает на этих днях *апологию* этой позиции и П.Н.⁴ пишет мне, что он текст книги *читал* и одобрил!!) — *или* запретить военным участие в Вашем союзе. Ведь создастся только *смута!*

Неподготовленность такого начинания я считаю *новым бедствием* (Зарубежный Съезд мы переживаем здесь, как *первое бедствие*); начнется разноречивой на радость врагам и на наше всеобщее смущение.

Я по совести говоря *не вижу, почему* это начинание до такой степени *неотложимо*?! Вопрос одного *месяца* и за этот месяц все могло бы быть улажено и подготовлено. Неужели же *предметные* основания, доведенные до очевидности, не могут побудить *молодежь* остановить *опубликование* этого дела?! На что же тогда самообладание? Какие стихии прорвались — я абсолютно не разумею!!

Но с такими сомнениями и предвидениями брать на себя *ответственность активного призыва* — я не могу; *морально и общественно* это было бы с моей стороны *малодушие*!

Меня до *последней степени* огорчает, почему *Вы считаете правильным мучить меня* в темную?! Почему Вы сговариваетесь *лично и основательно* в Париже и в Праге — и заглазно ставите меня (и нас здесь!) перед *fait accompli*?*

Я говорю «мучить» потому, что Ваши последние почти катастрофически стучающие меня и по существу «ультимативные» письма вызывают во мне самые тягостные колебания и тревоги! Мне *очень* тяжело *не поддерживать* Вас. Но никакое единомыслие и доверие не могут заставить меня *звать и вести* гетерономно и вслепую.

Реально мой отказ для Берлина мало что составит: здесь *пусто*, все наперечет, люди никуда не эволюционируют и всегда — по существу — будут содействовать при единомыслии, что есть силы (и не принадлежа пока к союзу).

Теперь браните меня, как хотите; *gebus sic stantibus* я не могу дать другого ответа. Но я убежден в том, что *на моем месте* Вы дали бы *такой же* ответ...

Надо ли говорить, что *во всем* остальном *без исключения* все наше единомыслие пребывает и актуализируется?

Обнимаю Вас.

Ваш в огорчении

И[льин].

* Совершившийся факт.

Дорогая и Глубокоуважаемая Нина Александровна!

Спасибо Вам за память и привет! Мы оба поздравляем Вас и Леву с Новым Годом и желаем Вам того же, чего и себе.

Жизнь в Берлине тихая и трудная. Жить дорого, деньги добываются всеми трудно (дефляция!); отсюда — малолюдие, озабоченность и во всех отношениях непредприимчивость. Предприимчив только Н. Марков. Его группа сравнительно больше и сплоченнее. Он имеет реальные планы: мажоризировать (всеми *неправдами*) Зарубежный] Съезд, и на съезде выкрикнуть диктатором всея Зарубежн[ые] и Внутренн[ие] России Вел[еликого] Князя;¹ с тем, чтобы В[еликий] К[нязь] облагал бы всех *налогами* и вел бы «переговоры с державами». Себя он мыслит при этом *фактическим* диктатором и о взглядах В[еликого] К[нязя] (мне лично) отзывается, как о несущественных и «обывательских» (sic). Наши группы считают все это грубым, глупым и вредным; с Марковым *никто* из здешних белых или беловатых, или вообще трезвых и честных людей идти *не хочет и не поймет*. Необходимо, чтобы В[еликий] К[нязь] не делал бы себе по этому вопросу заранее никаких иллюзий. Маркова все считают темным интриганом или даже прохвостом. Сейчас он уже год как через супругу работает над разрывом между Вождем и Главным] Ком[андующим]. Боюсь, что в ближайшие месяцы нам предстоят неприятные и острые минуты.

Ждем П.Б. сюда из Праги. Его заезд нам совершенно необходим; иначе может начаться разнобой в критические минуты поступков.

Научн[ый] Инст[итут] кое-как плетется. Мы с Н.Н. живем. Надеюсь, что Вы просматриваете мои вопли в Возрождении. Здоровье мое слава Богу *удовлетворительно*.

Напишите мне, пожалуйста, о здоровье Левы. Шлю привет Мерану. В Меране есть удовлетв[орительный]

кефир, но заказывать его надо прямо у молочника на пригорке (Trinkhalle дерет!).

Искренно Ваш
(такой-то)

Адрес: Friedenau. Stubenrauch Str. 3.
bei Schindler.

27 bis

Письмо Ив. А. Ильину

5.1.1926 г.

Дорогой Иван Александрович!

Исполняю свое намерение — дать заключение о статье «О возвращении земель». Статья, по-моему, должна быть оборвана на стр. 12. После ее, со стр. 13, идут вещи, политически не только ошибочные, но и прямо вредные. Нельзя, имея в виду широкий единый фронт Внутренней и Зарубежной России, говорить о том, что крестьяне должны быть «амнистированы». Нельзя *провозглашать* выкупа. Это, т.е. и то и другое, неудобно и *опасно политически* по отношению к Внутренней России и, к тому же, совершенно *бесполезно* во всех отношениях. Мне претит грабительство и всякое попрание права вообще, но я знаю, что просто время течет и уже протекло, а в вопросах права время имеет какое-то конститутивное значение. Преступники и потерпевшие живут и умирают во времени; некоторые права отмирают тоже во времени.

Если стр. 13–18 не нужно печатать вообще, даже под псевдонимом, то тем паче их не следует печатать за Вашей подписью. Страницы же 1–12 следует во всяком случае напечатать. Будет очень хорошо и крепко, если это будет подписано Вашим именем, но и подпись «Помещик» приемлема и даже выразительна.

Наконец третье: заглавие «О возвращении земель» соблазнительно — воспользуются враги. Всего лучше

озаглавить словами из Вашего же текста: *Смотреть вперед и созидать новое*.¹

Сейчас в молодом поколении, которое не знало вовсе отжившего быта, происходит упорная и глухая работа: возрождение духа старой России вне реальных условий ее прежнего быта. Все «ренессансы» подготовлялись и происходят именно так. Все «ренессансы» романтичны и реалистичны заодно.

Если Вы согласны со моими предложениями, верните сейчас же стр. 1–12, подписав их, как сочтете нужным и удобным. Еще раз повторяю: стр. 13–18 не следует и прямо вредно печатать вообще и сугубо вредно печатать за Вашей подписью.

Что известно Вам об исчезновении венского священника о. Диодора Колпинского?²

Ваш

П. Струве.

28

1926.1.17

Не треб. отв. [Рукой П.Б. Струве — В.Б.]

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам статью, обработанную согласно Вашему указанию. Переписывать «свое», не исправляя, мне трудно; и я невольно кое-что причесал и смягчил; измененное (против текста, бывшего у Вас) отмечено на полях черным карандашом. Но так как такую обработку *полнота* моего воззрения (по тактическим соображениям, указанным Вами) не передается, ибо «ухо десное» оказывается «урезанным» «у Малха», — то я останавливаюсь на первоначальном псевдониме.

Не могу не высказать Вам, что присыл этой статьи меня несколько встревожил, ибо тут повеяло Вашим незаездом в Берлин. А таковой незаезд Ваш лишит меня

возможности маршрутировать с Вами в ногу по *всем* вопросам делового строительства. Я чувствую себя во многом дезориентированным, благодаря долгому отсутствию сговора. По целому ряду вопросов я имею некие *предложения, замыслы, возможности крепко ударить* и возможности *воздержаться* (laisser faire). Не видя картину сверху и изнутри, я не знаю, что целесообразнее; а так как жизнь может поставить перед необходимостью решаться и решать, то мне придется решать и поступать *без* координаций. И я опасаясь, что может возникнуть не только разнбой, но и какие-нибудь непоправимые ненужности и помехи. (Например у меня есть замысел и *потребность* написать личное деловое письмо В[еликому] К[нязю]). Этого разнбойя необходимо избежать. А между тем полная и бесперспективная финансовая маломощность делает мой приезд в Париж исключенным.

Мне приходится сейчас строить, растить и направлять две организации в Берлине (в качестве председателя) — Орган[изационный] Комитет и Русское На[циональное] Объединение. А ведь я доселе не знаю даже Вашего учета Зар[убежного] Съезда!

Все это не говоря о Союзе Мол[одой] России,¹ о котором нам необходимо договориться до конца в личной беседе. Ведь я друг этой идеи и мне попрежнему противоестественно оставаться в числе «возражающих».

У меня, между прочим, есть даже колебание — не снять ли свою кандидатуру на Зар[убежном] Съезде от Берлина... Но всего и не расскажешь.

По всему этому — ради Бога, приезжайте! В случае же Вашего незаезда, ответственность за возможный разнбой и вред от него «я с себя слагаю».

Есть шаги, которые только и можно и необходимо решать сообща!

Обнимаю Вас и настойчиво жду сюда
Ваш И[льин].

Дорогой Петр Бернгардович!

Напишите мне пожалуйста, напечатаете ли Вы статью «Белое и Черное» — *идеологическую Auseinandersetzung без имен, без конкретных тычков в Съезд и т.п., но крепко и спокойно смотрящую в глаза этой меже.*

Мы здесь переживаем всё весьма остро и без существенных разногласий. Об этом напишу вам отдельно.

Привет всей редакции.

Ваш И. И.

При сем статья.

1926.V.10.

Еще при сем «прокламашка» господина Ксюнина.¹ Они послали мне ее на редакцию Возрождения. Вы переслали ее мне сюда. Ныне она едет к Вам обратно.

Очень прошу Вас: в ихнем журнальчике «Призыв» за Апрель № 1 прочтите внимательно пакостную статейку Пиленко об «антилегитимизме». Отвечать на нее не буду, дабы не обращать на нее излишнего внимания.

1926.VIII.29

Дорогой Петр Бернгардович!

Сегодня получил от Нины Александровны номер «Дней» (15 августа), где некий «Церковник» с упоением излагает статью Бердяева против моего «Сопrotивления злу силою».¹ Я еще не знаю, буду ли я отвечать ему *по существу*, но считаю, что тут *совершенно необходимо*, чтобы кто-нибудь *авторитетный, со стороны* (т.е. третий, не Бердяев и не я) отвел бы *решительно* цепно-собачий, грязно-марающий тон Бердяевской статьи и констатиро-

вал бы объективно, что сказанное мною извращено и несказанное мною мне приписано. И, главное, что *так нельзя!* Превращение меня в *реакционного чекиста* — и неверно, и неприлично, и просто *погло*. Подумайте: *пять лет* революции в Москве Бердяев преследовал меня своими возражениями на ту тему, что *свобода и личность нужны государству*, что государство (даже большевистское) держится «*священным гипнозом*» (sic! сказано 100 раз публично). А я защищал *свободу и личность* в строении религии и государства. И ныне, когда к *известному* моему тезису я провел *грань* воспитывающей государственности — он превращает меня в чекиста от реакции...

Статья его злобная и *личная*. Я *всю жизнь* считал его писания поверхностными, безответственными и вредными; он *догадывался* об этом, знал по сплетням — и *злился*. И наконец лопнул.

Еще одно: мне кажется, что тут должно быть наложено некое veto со стороны *редакции Возрождения* и *Вашей* лично. Ибо Вы не можете и не должны допускать «реакционного чекиста» соблазнительно пакостить на страницах Возрождения. Или он *врет*; тогда надо ему сказать; или он прав; тогда закройте для меня страницы Возрождения!!

За этой статьей стоит конечно натравливание Гиппиусихи² и католической жены;³ последняя только не рассчитала — и «досталось» мимоходом инквизиции.

Крепко Вас обнимаю и прошу заступы.

Ваш И. И.

Из очень компетентного источника мне пишут: «К сожалению попытки втянуть Армию в политику, при попустительстве свыше, не ослабевают».

31

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам яду, но это яд для Вас невредный: это всего только «яд предрассудков», да и то в стерилизованном виде. А Вам он и в чистом виде неопасен.

На днях снимаюсь отсюда. Буду во Флоренции, возьму там визу. И числу к 20-25 поднимусь назад в Берлин.

Очень надеюсь, что дела устроятся и дело не прервется. Противоположное было бы необычайно тяжелым ударом.

Я думаю, между прочим, что черные подняли так называемую «церковную распрю» не только в виде реванша за Зарубежный съезд. Это им еще и ширма для нового подготовляющегося удара. Если этот новый удар нельзя предотвратить, то его необходимо оттянуть. Я разумею — интригу против Главкома и вождеденное для них смещение его.* Думается, что [Пригорий] Ник[олаевич] должен был бы принять кое-какие контрмеры.

Обнимаю Вас.

Я.

P.S. Прилагаю еще прилагательное: «преодоление зависти».

32

1926.X.22.
Флоренция

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам:

1) Копии с четырех писем, полученных мною за этот год от Архиепископа Анастасия Иерусалимского.¹ Они не подлежат печатному опубликованию; он сам этого не хочет. Но среди наших друзей и единомышленников они не могут составлять «секрета». Мне бы лично хотелось, чтобы эти письма были прочтены Вами, Кириллом Иосифовичем, А.В. Карташевым и Вашим сыном Котей.² Скажите ему, что это по *моему* желанию; год тому назад я получил от него хорошее и тонкое письмо, на которое не ответил (ответить хотелось устно).

* Это означало бы полный конец всякому зарубежному единению.

2) Еще посылаю статью по поводу выступления Бердяева. Его статью я прочел только на этих днях (доселе знал только по перепечатке «Дней»). Я думаю, что мое опровержение исчерпывает вопрос о том, *что именно он сам думает по этому вопросу*. И тут, я думаю, авторитетнее всего был бы Ваш личный голос. Он все время делает вид, будто «признает» государственность и сопротивление силою; и тут же проговаривается: то «душа человеческая стоит больше, чем все царства мира» (стр. 108); то «отрицание свободы зла делает добро принудительным» (110) и «Бог допустил свободу зла» (110) и т.д. Арх. Анастасий совершенно прав в своем четвертом письме,³ говоря о «кумирах» интеллигенции и о ее «фанатизме»; и ранее, говоря о ее малодушии и недобросовестности.

Рад был нашему единомыслию о Столыпине. Главное, что он — целое течение в русской государственности, *методе* правления и действия.

К концу октября буду в Берлине. Адрес пока на Гефдинга.

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

Критиковать воззрения Бердяева по существу — я в Возрождении не буду. Если что-нибудь родится, то отошлю в Новое Время. Вообще полемика «лично озаглавленная» мне претит. Хочется иметь дело с *идеями* (хотя бы и ложной), а не с личной психикой ложно мыслящего...

Если почему-нибудь вопрос «бердяевский» настолько загружен у Вас материалами, что моя статья затруднит редакцию, то пожалуйста отошлите мне ее поскорее. Но я думаю, что *этой* моей статье место именно во Возрождении, а не индо!..

PS. Ополчился еще Зеньковский;⁴ надо ждать Франка⁵ и еще кого-нибудь. Горе мне, грешному! Ферфалленди ганце пиштройка! Гевалт!*

PPS. Книжку Новикова получил. Напишу.

* Провались вся пишущая тройка.

Дорогой Петр Бернгардович!

Письмо Ваше получил. Очень радуюсь возобновлению Р. М.¹ Постараюсь что-нибудь прислать «выдающее».

Только что вернулся из Мюнхена. Читал там две публичные лекции и имел закрытые беседы. Пресса была хорошая. Читал о возникновении мирового большевизма и о крушении его в России. Если подробности моих впечатлений Вас заинтересуют, то В. Федоров скоро сможет Вам рассказать кое-что. Этому предшествовало помещение некой статьи, которую посылаю.

История с исчезновением г. М.² производит здесь прямо непоправимое впечатление. С г. К.³ это уже *третий* случай. Очень сомневаюсь, чтобы при такой конstellации «подписные листы», разосланные нам, дали бы какой-нибудь результат. Во всяком случае настроения наши В. Федорову⁴ хорошо известны.

За «Возр.» продолжаем потревоживаться.

В лекциях моих публично ссылался на Вас и на В. Ф. Также и в беседах.

Адрес мой новый:

Berlin-Wilmersdorf. Südwestkorso. 18. Bei von Züdinghausen.

Ваш И. И.

1926. XII. 19.

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам пока только это для Возрождения. Боюсь, что для Русской Мысли выйдет страниц на 12; меньше никак нельзя, помилуйте, себе дороже стоит...

Обо всем существенном Вам изложит В. Ф. лично. Только спрашивайте, о чем Вам интересно.

На днях вышлю еще для Возрождения. Числа около 15 января собираюсь в Чехию на неделю.

Поздравляю Вас с несуществующим «жидовским» рождеством, а к наступающему Православному напишу отдельно.

Надеюсь, В. Ф. привезет от Вас разных сведений.
Ваш И.

1926.XII.25.

35

Дорогой Петр Бернгардович!

С В. Ф. послал Вам опус для Возрождения. Здесь еще два — один бьет по революции и радикалам; другой по евразийцам.

Из лестного Дн. Пол. № 108¹ с радостью усмотрел, что Вы одобрили мою акцию в М.; Вл. Ф. знает все детали. Туземная периферия отзывчива и ближе к верному пути; это отзывается и на кредитах, о которых меня иногда прямо запрашивают в беседах, обнаруживая колебания. Реальные же люди даже и не спрашивают. К сожалению периферия мало влиятельна.

Когда же мы увидимся?

Ваш И. И.

1926.XII.29.

С наступающими праздниками!
До Нового года еще напишу Вам.

36

Дорогой Петр Бернгардович!

Родилось «право на глупость», которое при сем и посылаю.

Очень жду известий от Вас. Мне кажется, что в начале июля я буду в Париже; ненадолго, проездом на юг Франции (Италия стала очень дорога...).

Ваш И. И.

1927.V.20.

37

Дорогой Петр Бернгардович!

Хочется еще сообщить следующее. Виделся с Марковым; говорили о задачах съезда. Вывод: ради Бога, сделайте все, чтобы побывать здесь проездом. Это непременно нужно!

Ваш, как всегда.

Без даты, без подписи.

38

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил Ваше письмо, немедленно написал Сергею Сергеевичу, а на следующий день получил письмо от него, разошедшееся с моим. Само собою разумеется, что я с Вами и что мое участие в Возр. связано с Вашим редакторством. Посылаю документ с моею подписью. Копируя вялый и бесцветный текст сего опуса, я, признаться, сделал над собою несколько усилий для того, чтобы не расцветить его выявлениями «эмоций», и не послать г. С. на легком катере. Но пусть будет дисциплина и бесцветное однообразие.

Предлагаю еще ход. Так как г. С. — констатированный масон (это подтвердили *здесь*) и по-видимому заправил под фартучек и самого деньгодателя (это считают вероятным и здешние), то я готов послать от себя лично гг. Давыдову, Федорову, Рыссу, Гучкову и Слиозбергу¹ нижеследующее письмо [все удостоверены! — написано рукой Ильина. — Н.С.]

М. Г. Имярек Имярекович! Осведомившись о положении дел в редакции Возрождения и о той роли, которую в этом играет г. имярек (имя, отчество и фамилия), я считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что если г. имяреку удастся довести его разрушительное

дело до конца, то я и мои друзья и единомышленники будем считать вынужденный выход из редакции П.Б. С. и распадение газеты открытым ударом, нанесенным русскому национально-патриотическому и белому делу со стороны русского Зарубежного мasonicства. Год, число, город. *Моя* подпись (единолично).

Ответьте пожалуйста согласием и я ударю.

Ваш И.

1927.V.29.

39

Дорогой Петр Бернгардович!

- 1) Ваше письмо от 7.VI. получил и усвоил.
- 2) Семенов окотился новым письмом, каковым дозвольте Вас угостить; отвечать ему не намереваюсь, пускай пасется до поры до времени.
- 3) У меня есть существенная и важная новость. Недавно ко мне явился хороший русский патриот, недавно выехавший оттуда и сохранивший здесь свое состояние, человек очень почтенный и привлекательный. Он читал разные мои вещи и явился с определенным предложением. После всестороннего обсуждения он предложил мне издавать ежемесячный идеологический журнал, который он намерен соответственно обеспечить. Предложение это я *принял*. Он хочет, чтобы я писался редактором-издателем и вел журнал лично и ответственно. Журнал должен выходить с 1 сентября, здесь, в размере пяти печатных листов.¹

Я думаю, что следует сделать этот журнал *волевым монолитом*, взять тон твердый, прямой и писать для русского патриота независимо от его прошлого и от его местонахождения; и тем некоторым образом заткать волевою тканью на желанных России и необходимых ей предметных основаниях. Мне кажется, что это направление должно было бы идейно объединить жесткие элементы белого фронта, а журнал должен крепить наши паруса.

Я рад, что скоро увижусь с Вами и что нам можно будет обсудить подробно составленные мною для основного ядра сотрудников (я думаю, что для начала их не должно быть много) программные соображения. Сегодня мне разрешена виза во Францию и я думаю ехать отсюда возле первого июля. По-прежнему, как всегда, я буду дорожить Вашими советами и указаниями; теперь — особенно.

Очень прошу Вас, не оглашайте этого дела пока, но оставьте его совсем между нами; секрет просуществует теперь уже недолго, но у меня есть забота, чтобы не было «обидившихся» без нужды. Здесь об этом знают только В. Ф. и А. А.² На днях надеюсь Вам выслать *совершенно доверительно и совершенно лично* записку с соображениями о том, что это будет.

Пока крепко Вас обнимаю и радуюсь предстоящему свиданию. Целую ручку Нины Александровны.

Ваш И. И.

Приложение: Эпистолярный эксцесс «редактора» или документ, удостоверяющий, что Семенов семенит, но не может обсемениться... по крайней мере в моем огороде. Из письма явствует, что он семь раз примерял у Гукасова,³ а я один раз отрезал.

1927.VI.18.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1.

- ¹ Письмо написано через две недели после высылки из Москвы.
- ² Философы Семен Людвигович Франк (1877-1951), Николай Александрович Бердяев (1874-1948), историк Александр Александрович Кизеветтер (1866-1933) были высланы из России одновременно с И.А. Ильиным.
- ³ Наталья Николаевна (р. Алексеева, сестра философа И.Н. Алексеева) — жена И.А. Ильина, автор исследования «Изгнание норманнов», Париж, 1955, в котором высказывается против норманнской теории.

- 4 Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955), внепартийный социал-демократ, экономист, министр во Временном правительстве, один из создателей в 1921 г. Всероссийского Комитета Помощи Голодающим, после разгона которого должен был покинуть Россию.
- 5 Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), историк.
- 6 Павел Николаевич Новгородцев (1866–1924), юрист, мыслитель, автор классического труда «Об общественном идеале».

Письмо 2.

- 1 Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) был выслан из Крыма 1-го января 1923 г., что заставляет думать, что дата письма ошибочна. В Вене он не задержался и до 1925 г. обосновался в Праге.
- 2 Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), Лев Платонович Карсавин (1882–1952), философы, были высланы из Петербурга осенью 1922 г.
- 3 Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1931), дипломат, в эмиграции церковный деятель и публицист.
- 4 Б.В. Яковенко (1884–1948), плодовитый философ–трансценденталист, точнее, историк философии.
- 5 Сергей Иосифович Гессен (1887–1950), философ–трансценденталист, жил в Польше, под конец жизни принял Православие.
- 6 Нина Александровна, рожд. Герд (1867–1943), жена П.Б. Струве.

Письмо 3.

- 1 Юлий Осипович Мартов (наст. фам. Цедербаум) (1873–1923), политический деятель, лидер меньшевиков, с 1920 в эмиграции.
- 2 Екатерина Дмитриевна Кускова (1870–1958), жена Прокоповича, политический и общественный деятель.
- 3 Гессен – вероятно Иосиф Владимирович (1865–1943), член ЦК кадетской партии, член II Думы, журналист, в эмиграции главный редактор берлинской газеты «Руль».
- 4 Николай Евгеньевич (1876–1943), т.н. Марков II, член Думы, крайне правых убеждений. В 1926 пытался завладеть «Зару-

бежным съездом», всячески способствовал разжиганию церковного раскола. См. о нем в следующем письме.

- 5 Александр Иосифович Изгоев (1872–1935), публицист, умеренный кадет.

Письмо 4

- 1 Глеб Петрович (1898–1986), литературовед. Сын П.Б., в те годы его близкий помощник по изданию «Русской Мысли» и «Возрождения».
- 2 Статья Ильина памяти Е.Н. Трубецкого появилась под названием «Духовная культура и ее национальные вожди» в I-II книжке «Русской Мысли» за 1923 г.

Письмо 5

- 1 Сергей Сергеевич Ольденбург (1888–1940), журналист, историк, автор двухтомного труда о царствовании Николая II.
- 2 Николай Димитриевич Тальберг (1886–1969), юрист по образованию, крайне правых убеждений, автор ряда очерков по истории Русской Церкви.
- 3 Николай Николаевич Чебышев (1865–1937), сенатор, в эмиграции близок к П.Б. Струве и генералу Врангелю, автор двухтомных воспоминаний *Близкая даль*.
- 4 Василий Васильевич Шульгин (1878–1976), член Гос. Думы, политический деятель, публицист. В 1944 арестован в Белграде и сослан в СССР, освобожден в 1956.
- 5 Александр Федорович Керенский (1881–1970), бывший премьер Временного правительства, в 20-х годах редактор газеты «Дни».
- 6 Павел Николаевич Милюков (1859–1943), историк, политический деятель, в эмиграции возглавил «Республиканское Демократическое Объединение», редактор «Последних Новостей».

Письмо 6

- 1 Лева — Лев Петрович Струве, сын П.Б., скончался в Давосе от туберкулеза в 1927 г. в возрасте 26 лет.

Письмо 7

- ¹ «Россия и латинство» — второй сборник, изданный евразийцами (Берлин, 1923, 219 стр.), со статьями П. Бицилли, Г. Вернадского, В. Ильина, П. Савицкого, П. Сувчинского, Н. Трубецкого, Г. Флоровского). Несмотря на свое отрицательное отношение к евразийству, И. Ильин дал в рецензии («Русская Мысль», 3-4, 1923) такую положительную оценку сборнику, что П. Струве счел нужным, как редактор, оговориться в примечании: «некоторые уклоны мысли, обнаруживающиеся в разбираемом сборнике, представляются мне уродливыми и опасными одинаково с религиозно-церковной и с государственной точки зрения».

Письмо 8

- ¹ И.А. Ильин дал в том же номере «Русской Мысли» уничтожающую критику книги Л. Карсавина *Диалоги*: она «издевательство прежде всего над предметом» и «выражение большого уклона русского духа».
- ² В первом выпуске журнала-сборника «София» (под редакцией Н.А. Бердяева, при ближайшем участии Л.П. Карсавина и С.Л. Франка) И. Ильин поместил статью «Философия и жизнь». Журнал прекратил свое существование на первом номере.

Письмо 9 bis

- ¹ Произнесенная в Берлине 19 ноября 1923, речь была напечатана в IX-XII кн. «Русской Мысли» (1923-24) под заглавием «Государственный смысл белой армии».

Письмо 13

- ¹ Проф. В.И. Ясинский возглавлял Русский научный институт в Берлине.

Письмо 14

- ¹ Лоллий Иванович Львов (1888-196?), поэт, журналист, неизменный сотрудник всех изданий П.Б. Струве в эмиграции.

Письмо 15

- ¹ П.Б. Струве принял было предложение Софийского университета занять кафедру социологии, однако впоследствии от этого

предложения отказался, чтобы стать во главе «Возрождения» и отдаться политической деятельности.

- ² Александр Львович Погодин (1872-1947), историк.
- ³ Илья Григорьевич Савченко (1889-19?), мемуарист.
- ⁴ Яков Дмитриевич Садовский, экономист.
- ⁵ Николай Николаевич Львов (1867-1944), известный земский и политический деятель.

Письмо 16

- ¹ Александр Иванович Гучков (1862-1936), известный политический деятель.

Письмо 17

Письмо датируется приблизительно. Первый номер газеты «Возрождение» вышел в Париже 3 июня 1925. В связи с этим событием И.А. Ильин приезжал в Париж и выступил 5 июня с публичной лекцией на тему «О сопротивлении злу», первый зародыш впоследствии нашедшей его книги.

Письмо 18

- ¹ С мая по октябрь 1925 Ильин написал Струве 15 писем (см. публикацию Н. Полторацкого).
- ² Владимир Федорович Гефдинг (1887-1959), лит. псевдоним В. Федоров, ученик Струве по Политехническому институту, экономист, в эмиграции сотрудник всех изданий Струве, затем стал корреспондентом «Нойе Цюрихер Цайтунг». Жил в Берлине до 1945, когда был арестован. В 1948 бежал из тюрьмы в Потсдаме и перебрался в США.
- ³ Фельетон «Зачем нам идеология», напечатанный 3 ноября 1925 в «Возрождении», содержал призыв «работать над самосознанием белого дела».
- ⁴ Этот фельетон, как и следующий, вызвавшие возражения П.Б. Струве, были напечатаны позже в измененном виде. По поводу статьи о черносотенстве Ильин отвечал на возражения Струве 12 октября 1925: «Удар направо считаю абсолютно необходимым, и мне очень жаль, что вы его не приняли... Самый термин «черносотен-

ство» — много раз был мною обсужден с Марковым и Тальбергом, относимый туда же и, шире, к неопределенной возможности классово-мнительной правизны. Они соглашались. Но отказаться от термина нельзя. Необходимо жгучее и жгущее слово, ляписом прожигающее известные уклоны. «Дурная правизна» — неопределенно. Кроме того я считаю, что реставрацией этого термина мы а) отрезаем благодушное, симпатичное злоупотребление им (я, мол, черносотенец), б) вырываем зуб с ядом у левых — чтобы они не смели нас отодвигать к черносотенцам... Удар направо должен быть жестким...».

Речь идет о «Союзе Молодой России», созданном П.Б. Струве. Струве внял совету Ильина. Написанное им воззвание гласило: «пора русским патриотам соединиться не в партию, а в дружный союз».

Крупенский Павел Николаевич (1863–1937?), депутат II, III и IV Думы от фракции националистов, затем центра, один из организаторов монархического съезда в Рейхенгалле в 1921, идеолог правых кругов эмиграции.

Письмо 21

¹ Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), известный впоследствии ученый-лингвист, в 20-х годах один из главных идеологов евразийства.

Письмо 22

¹ Аркадий Альфредович Борман, сын Ариадны Тырковой-Вильямс, сотрудник П.Б. Струве.

Письмо 23

¹ Всего в 1925–26 было напечатано в «Возрождении» 9 корреспонденций Ильина о фашизме.

² Российский Зарубежный Съезд был задуман летом 1925 как попытка объединить национально-мыслящую эмиграцию. Во главе центрального организационного комитета стал П.Б. Струве. И.А. Ильин активно включился в работу берлинского отделения. Еще до открытия съезда все левые от участия в нем отказались, а крайне-правые попытались им завладеть. Открывшийся 4 апреля 1926, съезд привел к фактическому разрыву между крайне-правыми и умеренными, и положил конец всем попыткам объединить эмиграцию.

Письмо 24

- ¹ Кирилл Владимирович, Великий Князь (1876–1938), внук Александра II, объявил себя в эмиграции императором Кириллом, что привело к разделению между монархистами.
- ² Высший Монархический Совет. Главнокомандующий, т.е. ген. Врангель.

Письмо 25

- ¹ Кирилл Осипович Зайцев (1887–1975), главный помощник, фактически соредатор П.Б. Струве в издании «Возрождения», а затем «России» и «России и Славянства». После прекращения этих изданий стал профессором Юридического факультета в Харбине. В 1945 принял монашество с именем Константин и стал в США одним из идеологов «Карловацкой Зарубежной Церкви».
- ² Сергей Викторович Яблоновский (1870–1953), журналист, Надежда Александровна Тэффи (1872–1952), писательница-юмористка, Андрей Митрофанович Ренников (наст. фам. Селитренников) (1882–1957), журналист...

Письмо 26

- ¹ Врангель Петр Николаевич (1878–1928), генерал, последний правитель Юга России, в эмиграции всячески пытался уберечь армию от политиканства крайне правых кругов.

Письмо 27

- ¹ Дело идет о воззвании П.Б. Струве, призывающем вступить в «Союз молодой России».
- ² Приказ № 82, изданный в 1924, запрещал военным участвовать в политических организациях. Великий Князь Николай Николаевич определил «Союз» как организацию политическую. Великий Князь Николай Николаевич (1856–1929), внук императора Николая I, в эмиграции принял в 1924 командование военными зарубежными организациями, но держался «непредрешенческих позиций», т.е. оставлял право русскому народу выбрать форму будущего правления.
- ³ В.Х. Даватц жил в Белграде, журналист. Автор брошюры «Правда о П.Б. Струве», Белград, 1937.

П.Н. Врангель.

Письмо 27 bis

- ¹ Под этим заглавием и под подписью *Помещик* статья была помещена в «Возрождении» от 25 июля 1925. В ней Ильин выступал против «аграрного реставраторства», о котором мечтали крайне-правые в эмиграции.
- ² Судя по воспоминаниям митр. Евлогия, о. Диодор, перешедший из католичества, через некоторое время после назначения в Венский приход «заболел нервным недомоганием, опять вернулся в католичество и скоро умер» (*Путь моей жизни*, УМСА-Press, 1947, стр. 395).

Письмо 28

- ¹ Союз Молодой России — политическое объединение, созданное П.Б. Струве в предвидении Зарубежного Съезда. Основные лозунги Союза были: сильное государство, сильная власть, единство зарубежной и внутренней России. В Париже Союзом руководить было поручено К.И. Зайцеву, в Германии И.А. Ильину, в Праге И.Д. Гримму.

Письмо 29

- ¹ Алексей Иванович Ксюнин (1880–1938), журналист, сотрудник «Нового Времени», бывший масон, в эмиграции жил в Белграде, покончил жизнь самоубийством.

Письмо 30

- ¹ Книга И.А. Ильина *О сопротивлении злу силою* вышла в Берлине 27 июня 1926 и вызвала широкую полемику на страницах как советской, так и зарубежной печати. (См. работу Н.П. Полторацкого «И.Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой», напечатанную в виде приложения к второму изданию книги Ильина. Лондон-Канада, 1975, стр. 223–279).
Резче всех выступил Н.А. Бердяев в статье «Кошмар злого добра» (*Путь*, 4, 1926), назвав взгляды Ильина «совершенно не христианскими и антихристианскими». «Чека во имя Божье, — писал он, — более отвратительно, чем Чека во имя дьявола».

² З.Н. Гиппиус первая выступила против книги Ильина, назвав его деятельность «военно-полевым богословием» и «палачеством» (статья «Предостережение» в «Последних Новостях» от 25 февраля 1926).

³ Лидия Юдифовна Рапп, жена Бердяева.

Письмо 31

- ¹ Трубецкой.

Письмо 32

- ¹ Анастасий Грибановский (1873–1965), после смерти митр. Антония Храповицкого возглавлял с 1936 Карловацкую юрисдикцию. Письма приведены полностью в публикациях Н.П. Полторацкого.
- ² Кирилл Иосифович Зайцев. Антонов Владимирович Карташев (1875–1961), богослов и церковно-общественный деятель. Котя — Константин Петрович Струве (1903–1948), в те годы студент Богословского Института, затем монах (архимандрит) в Прикарпатской Руси.
- ³ В нем архиеп. Анастасий писал: «Наши интеллигенты неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с таким же фанатизмом, с каким невежественная чернь гнала некогда Сократа».
- ⁴ Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962), философ, богослов, написал статью против книги Ильина в «Современных Записках» (книга XXIX, стр. 284–307).
- ⁵ Семен Людвигович Франк как будто в газетную полемику не вступил, однако написал о книге Ильина архиеп. Анастасию «довольно пространное письмо... в духе Бердяева». (См. письма архиеп. Анастасия в публикации Н.П. Полторацкого).

Письмо 33

- ¹ Возобновление журнала «Русская Мысль» ограничилось одним номером.
- ² Вероятно речь идет об исчезновении (переходе на советскую сторону) генерала Монцкевича.

³ Речь идет о генерале Кутепове и промахах его «боевой организации».

⁴ В. Федоров — псевдоним В.Ф. Гефдинга.

Письмо 35

¹ Под общим наименованием «Дневник политика» П.Б. Струве писал свои политические статьи на злобу дня. Им было написано в эмиграции свыше 500 таких статей.

Письмо 38

¹ В начале 1927 г. началось постепенное выживание П.Б. Струве из редактируемой им газеты «Возрождение», вероятно, в отместку за неудачу Зарубежного Съезда.

² Юлий Федорович Семенов (1873–1947), журналист, масон, заменил П.Б. Струве на посту главного редактора «Возрождения».

³ Александр Васильевич Давыдов (1881–1955), потомок декабриста, администратор газеты «Возрождение», масон. Михаил Михайлович Федоров (1855–1948), член Гос. Думы, был масоном до 1917. Петр Яковлевич Рысс (1870–1947), журналист, правый кадет, член Великой Ложи. Александр Иванович Гучков после 1920 был навсегда исключен из масонских списков. Генрих Борисович Слиозберг (1863–1937), известный адвокат, масон.

Письмо 39

¹ «Колокол. Журнал волевой идеи», первый номер которого вышел в сентябре 1927 года. Просуществовал до 1930 г. П.Б. Струве в нем не сотрудничал.

² Владимир Федорович Гефдинг и Аркадий Альфредович Борман.

³ Абрам Осипович Гукасов (1872–1969), нефтепромышленник, меценат, был владельцем газеты, затем журнала, а также издательства «Возрождение».

Примечания Н.А. Струве

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Владимир ЛАЗАРЕВ*

ПОРТРЕТ КОРЕННОГО ЖИТЕЛЯ, ПЕРЕЖИВШЕГО
ГОНЕНИЯ. XX век.

Константину Сергеевичу Родионову

Возникает в глазах и в душе поселяется сразу.
Я смотрю на него, мысль живая мелькает тотчас:
Так, состарясь, явиться Алеша бы мог Карамазов.
Века нашего старше и все же моложе всех нас.

Да, и в старости — отрок! — все отрок он, определенно,
В этой курточке светлой, потмице белых одежд,
А заглазно о нем говорят: «Костик свет-Родионов».
Дышит чистый родник непокинувших землю надежд.

Веет в стенах жнивьем, давней песней немеркнувшей
грустной.

И нечаянной радости свет ощущая, молчу.
В нем живет Богочувствие вместе с Поэзией русской.
Как сияет свеча! — от нее зажигают свечу.

В глубине этих комнат есть чудного света икона:
Спас написан страдальцей — явно такого письма! —
И созвучно иконе читает стихи Родионов,
Как никто — никогда... В окнах русская вьется зима.

Августа 4, 1991 г.

* Владимир Яковлевич Лазарев — поэт, публицист, исследователь и историк русской культуры. Автор ряда книг, среди которых «Брат милосердия» (Книга лирики), Москва, 1982 г.; «Уроки Василия Жуковского» (историко-литературные очерки), Москва, 1984 г.; «Всем миром» (повести и рассказы), Москва, 1987 г. и др.

Член редколлегий «Альманаха библиофила» и журнала «Наше наследие», в котором работает со дня его основания.

НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ

Нет, не молодцы эти, не эти заскоки лихие,
Не кривые их песни, не эти плевки и мазки,
Нет, совсем не они — Неизвестная вот где Россия:
Крест несущие ввысь, засиявшие нам старики.

Августа 1, 1991 г.

ЛОСЕВСКИЕ БЕСЕДЫ

Я знал его. За пиршеством беседы
Меняло время форму
И свободно
В иное русло направляло бег.
Пространство начинало вдруг светиться
И наполняться зреньем.

Лик белел.

Зрачки его не видели округу,
Лишь видя очертания вещей,
Неосязаемых:
Каменоломни, амфоры, амфитеатры, свитки,
Колонны, подпирающие небо.
О, эта ионическая нежность животрепещет
Завершеньем
Колонн, парящих в сновиденьях моря.
И линии небесные он видел Афин и Рима,
Наслаждаясь ими.

Но как-то, подходя к его жилищу,
Я увидал его: старик стоял,
протягивая руки к дереву ночи:
Гигантский тополь, расщепленный вихрем
Иль старостью, терялся, растворялся в бездне звезд.
Так бесконечно одинок и бесконечно слитен
С могучим струящимся течением ночи,
Он стоял, в прогулке неподвижной.

Я понял: он погружен в созерцанье
Идей вселенских.
Меня не видя, он потрогал ветер.
Зашелестело древо.
Он шевелил губами. Что он шептал,
Молитву?
Внимал ли Богу? Кого он ждал?
Кто должен был притти,
Блаженный Августин?
Франциск Ассизский?
Или любимые его святые —
Кирилл с Мефодием?
Таким навек запомнился мне Лосев.

1991 год

* * *

Монахине Елене.

Родилось живое слово,
С солнцем связано и Богом,
Золотое наслажденье
И глубокая печаль,
Светоутреннее счастье,
Что связало вешним током
Это бьющееся сердце,
Эту высь и эту даль.

Апреля 23, 1991 г.

БЕГСТВО БАТЮШКОВА

Куда несли безумца ноги?
Какие страсти сердце жгли?
Нашли его вблизи дороги.
Он спал от тяжких пут вдали.

Он жил, он спал... Струились дали.
Какие образы витали
В омытой ветром голове?
В Москве ли, в Дерпте он? В Италии?
Что в призрачной звучит молве?

Он спал. Подрагивало веко
В потустороннем чистом сне.
И пил небесное он млеко
В глубокой звездной тишине.

Там за какими берегами
Смешался шум волны с травой?
И Путь его не под ногами,
А высоко над головой.

Коней за ним вдогонку гонят.
Жуковский скачет... И вдали —
Остановились в поле кони, —
Находят... Но находят ли?

В пыли колеблются виденья.
Освобожденья жаждет он —
Разрушены его строенья:
А он небесный звук... И — сон...

1991–1992 год.

* * *

Скрипный в колодцах звучит голосок.
Похолодало, поголодало.
Этот осенний, облезлый лесок.
Этот оставленный в поле возок.
Инеем травы уже обметало...

1990–1991 г.

* * *

Слово потаенное...
Слово — на свету...
Сердце обновленное,
Затеpli свечу.

Тайное с рождения
В нас живет зерно,
Что освобождение —
Слову суждено,
Что с ума в греховности
Мир наш не сойдет...
Отстранясь от пропасти,
К свету и духовности
Все же повернет.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ И ПАВЕЛ МЕДВЕДЕВ

Чашу с кровью — всемирным причастьем —
Нам испить до конца суждено.

Н. Клюев

В пределе словотворчество и житнетворчество
сливаются и растворяются друг в друге.

П. Медведев

«Родимому Павлу Николаевичу Медведеву, целуя и благодаря...» — надписывает Клюев свой «Песнослов».¹

Среди «литературных» дружб 20-х годов обращает на себя внимание эта, — удивительная по доверительности, насыщенности общения (эпистолярного, в том числе), совместной работе, — многолетняя дружба поэта Н.А. Клюева (1887–1937) с литературоведом и критиком П.Н. Медведевым (1892–1938).

Современникам памятны их общие литературные вечера, где Медведев делал доклады о творчестве Клюева, а поэт читал свои стихи, участие обоих в собраниях бахтинского содружества, пользовавшаяся популярностью их совместная книга,² посвященная памяти Сергея Есенина, вышедшая в начале 1927 года, наперекор начавшейся посмертной борьбе против Есенина и «есенинщины».

К сожалению, проследить историю этой дружбы в ее последовательном течении и подробностях пока не представляется возможным, поскольку архивы обоих расстрелянных писателей были конфискованы НКВД и, по-видимому, утрачены. Тем ценнее то немногое, что удалось сберечь из рукописей П.Н. Медведева — здесь, в частности, фрагменты его записей о поэте и неопубликованные клюевские стихи.

Все пишущие о Клюеве обычно цитируют записанную Медведевым со слов поэта краткую «Автобиографическую справку».³ Ее существенно дополняет другая запись, сделанная Медведевым примерно в то же время, но не публиковавшаяся:

«Свела нас З.Д. Бухарова,⁴ седое дитя... на одном из посвященных Блоку заседаний Вольно-Философской Ассоциации. Портрет, приложенный к “Песнослову” Госиздата, неверен — Кл[юев] совсем другой. “Семейный” портретик у меня (на крыльце)⁵ — вот где он настоящий. Именно таким я его увидел: невысокого роста, довольно крупная голова, широкий овал лица, умный, крутой лоб, “медвежье солнце в зрачках” — солнце и скорбь, волосы — русые, жидкие, в скобку, богомольные руки, здороваются — ладонь ковшиком, ситцевая русская рубашка — синяя с горошком, штаны в голенище, смазные сапоги без скрипа, поверх — зипун и широкополая поповская шляпа. Общий вид — благообразный, благолепный, тихий, скромный, прислушивающийся; в голове — мягком, приятном, тенорового тембра заметный местный акцент.

Понравился. Говорит изнутри. Внутренним слухом силен. Умен, но, кажется, и хитер. Есть что-то от начетчиков.

В этот приезд его из Вытегры много и часто встречались — у З.Д. Бухаровой, у В.В. Шимановского,⁶ и в “Полярной Звезде”⁷ (22.VIII, у меня) 24.VIII — до самого отъезда 27 августа.⁸

Дважды читал Кл[юев] “Мать-Субботу”. Читает очень своеобразно, совершенно неповторимо и для стиля его музыки — прекрасно. Читая, порою, плачет. У него вообще “слезный дар”. Только слушая Кл[юева], чувствуешь всю органичность его поэзии, глубину ее. В интимной беседе говорит много, умно, ярко, откровенно.

Припоминаю кой-что:

— Весь в религиозных настроениях. Поразительный рассказ о раскаявшемся матросе. “И так все — до дня, до срока”.

— Свою поэзию определяет: “Песенный Спас”. Училась ей у Петра Леонтьева, который в “черной тюрьме” в Соловках 18 лет просидел за церковь Михаила Архангела; 3½ года Кл[юев] у него спасался. Любит слова — “мягкие, росные, внутренним сцеплением взятые, внутренним громом рожденные”... Нужно быть “верным Рублевскому письму”...

— Песенная наследственность: дед — всю жизнь медведя водил и песни пел; мать — знала 30 000 “гнезд” нар[одных] песен.

— Основные думы-боли: Россия, религия, революция. “Медного кита” больше не напишу”. Очень интересовался Живой Церковью. Говорил о ней...

— О современ[ных] поэтах: Клычкова хвалит и Тихонова, Пастернак — “с ватерпасом в брюхе”, Васька Князев — дурак. Все вспоминает о Есенине — заноза его. “Много слез за Сережу выплакал... Изменил он дому”...

— Привозил продавать — “на хлеб” кой-что из своего собрания старинных вещей (сервиз с беломорским жемчугом, кресты серебряные — Иосифовские, до Никона) — “от дедов, святое — от великого горя взято”.

— Очень просил написать книгу о нем: “Только Вы это и понимаете и нужные слова найдете...” Пресмешно рассказывал, как читал в Царском у Иванова-Разумника свою поэму: «все змии собрались»...

— Порою кажется, что Кл[юев] имитирует Христа. Неприятно. Это у него от хлыстовства, хоть теперь он с ним совершенно не связан.

— По смеху видно, что Кл[юев] хитрый...».

В конце этой записи следует медведевская ремарка: «см. письма», но клюевские письма, к несчастью, не сохранились.

С 1922 года общение Медведева с Клюевым становится постоянным, эта нить отношений пунктирно просматривается в книге Константина Азадовского, написавшего первую творческую биографию поэта.⁹

В 1923 году Медведев публикует стихи Клюева в журнале «Записки Передвижного театра»,¹⁰ хлопочет об изданиях клюевских произведений.

Следы этих хлопот — в ответе Медведеву Константина Федина на бланке московского издательства «Круг» 31 августа 1923 года:

«Уважаемый Павел Николаевич, сообщите, пожалуйста, Н. Клюеву, что при “Круге”, в начале наступающего литературн[ого] сезона, организуется автономная секция писателей, которые будут

именоваться, вероятно, “крестьянскими”. Секцию организует Сергей Есенин, который имеет в виду пригласить Клюева войти членом в эту организацию. Я прошу со своей стороны Клюева войти в непосредственные или через “Круг” сношения с Есениным касательно издания у нас клюевского дополненного “Львиного хлеба”.

Это и будет мой обещанный Вам ответ по делу о Клюеве, предложение которого “Кругу” было очень приятно.

Привет. Конст. Федин.»¹¹

Особой главой клюевской биографии является его многолетняя связь с Передвижным театром П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской, ускользнувшая от зарубежных исследователей и лишь попутно отмеченная К. Азадовским: «Новый 1919 год Клюев встречал в мастерской Передвижного театра П.П. Гайдебурова; он был дружен с несколькими актерами этого театра, прежде всего с В.В. Шимановским».¹² Это отмечено верно, хотя притяжение Клюева к театру, вероятно, нельзя объяснить лишь его дружескими связями с отдельными людьми.

Чтобы понять причину этого взаимного влечения, стоит вспомнить, чем был для современников Передвижной театр. «Этот театр представлял собой столь оригинальное (почти уникальное) явление в истории русской культуры, что я нахожу нужным рассказать о нем подробнее, — пишет Анатолий Краснов-Левитин. — ...Как в нескольких словах определить этот театр? Пожалуй, наиболее точное определение будет “романтически-богоскательский”. Он возник в 1906 году, в эпоху светлых надежд, великих начинаний, возникавшего религиозного возрождения. У его колыбели стояли люди с очень необычной судьбой...»¹³ Основательницей театра была Надежда Федоровна Скарская, сестра Веры Федоровны Комиссаржевской. Вместе с супругом, Павлом Павловичем Гайдебуровым, они организовали «театр, состоящий из интеллигентных актеров, энтузиастов, который должен был быть храмом — никаких аплодисментов, никаких вызовов актеров, никаких выходов под занавес. Театр должен был ездить по всей стране, заглядывать в самые

глухие уголки и всюду нести чистое, высокое искусство». ¹⁴

Одним из главных спектаклей театра был «Свыше нашей силы» по пьесе норвежца Бьёрнсона, не сходивший со сцены почти 20 лет, вплоть до закрытия театра, и ставший как бы его символом. Спектакль утверждал, что «христианство есть непрерывное, непрекращающееся чудо». ¹⁵ «Такие “спектакли” — им больше приличествует название мистерий — могли бы творить подлинные чудеса. И я верю, что из этих, только из этих родников пробьется та величайшая сила, о которой сказано:

— Скажи горе — иди, и она пойдет...» — писал П. Медведев. ¹⁶

Из откликов на спектакль, изданных отдельным сборником, возникли «Записки Передвижного театра», ставшие со временем регулярным периодическим изданием, которое с 1922 года до закрытия «Записок» Политпросветом в 1924 году редактировал П.Н. Медведев. ¹⁷

Увлечение «передвижников» поэтом нашло отражение на страницах «Записок»: здесь можно встретить оповещение о состоянии здоровья заболевшего в Вытегре Клюева, сообщение о выходе его книг, стремительный отклик П. Медведева на клюевский сборник «Ленин». ¹⁸

Среди воспоминаний Медведева сохранилось неизвестное стихотворение Клюева, записанное со слов поэта 19 февраля 1924 года. Рукой Медведева приписка: «Никому не показывать».

Чем вызвана такая осторожность? Вероятно, политическая травля поэта уже началась. Может быть, сам Клюев просил не афишировать стихотворение. Может быть, оно создавалось по следам смерти Ленина и в тот момент звучало особенно крамольно.

Во всяком случае, это замечательное стихотворение контрастировало с вышедшим клюевским сборником «Ленин» и, вероятно, выражало более глубокие переживания и настроения поэта. В нем отчетливо звучит главная тема позднего Клюева, оно как бы прелюдия к «Деревне» и «Погорельщине».

Не ласкай своего Ильюшу
Под рябиновый листопад —
Не закликать зяблика-душу
В сырой обглоданный сад.

И в худых бескровных ладошках,
Что выпил голодный год,
Не стукнет ставней сторожка
На папин милый приход.

Овдоеет диван семейный
Без стихов, без гостя в углу,
И ресницею златовойной
Не разбудит лампадка мглу.

Черный ангел станет у двери
С рогатым тяжким ковшом,
Чтоб того, кто любви не верил,
Напоить смердящим вином,

Чтоб того, кто в ржанных просонках
Не прозрел Господних чудес,
Укачал в кровавых пеленках
С головою ослиной бес.

Баю-бай, найденыш любимый,
Не за твой ли стыд и кураж
Ворота Четвертого Рима
Затворил белокрылый страж...

Не ласкай же цветик-Ильюшу
С сукровицею на руках.
Захворала лампа-кукляша
На наших святых вечерах.

И ширяют тени вороны
Над сраженным богатырем,
Но повиты мои иконы
Повиликой и коноплем.

Как будто гречневый златом
Полны пригоршни гумна
И почила над полем сжатым
Рябиновая тишина.

1924 г.

Интересны заметки Медведева о характере клюевско-го стиха. Сохранился лишь один лист с записями, оборванными на полуслове. Может быть, это был конспект доклада, или тезисы статьи, или даже книги о поэте, которую просил написать Клюев. Вот эти наблюдения:

Стих Клюева.

1. Классич[еский] 4-стопный ямб. Поэзия времен года. «Русские георгики». Кл[юев] и Фет. I т. «Песнослава».

2. Длинный своеобразный стих. Религиозные поэмы. Связь с «духовным стихом». Части II т. «Песнослава».

3. Былинно-народный стих.

4. Трехстопный дольник. «Львиный хлеб». Антиклас-сичность этой манеры: неточный словарь, приблизи-тельность мысли, слова — символы. Не стихи, а гимны. Стих[отворение] держится на силе потока слов, на энер-гии словесного движения. Все это — не недостаток, а особый метод. «Словесн[ый] пляс».

Основная тема — религ. вражда.

Свершилась роковая кража.

Развенчана Мать — Красота.

Религия Кл[юева] — не христианство, а своеобразный мистический культ плоти мира, Материнства.

Изба — «подобие вселенной», микрокосм.

Тело, как исходный пункт осмысления всего мира.

Таинство семьи и домашнего обихода.

Шактизм — «способность рождать тело».

У Кл[юева] — «Индия в красном углу».

...Метафоричность стиля Н. Кл[юева]. Особый характер ее: метафо[ра] у Н.К. не самозаконна и подчинена зако-нам не только эстетического соответствия; она вытекает из особого строя мышления поэта, она — мифологема, образ становится мифом...

Миф, как особый путь не объяснения, а непосредст-венного восприятия действительности по принципу «избирательного сродства»...

Мифологическая образность у Клюева не только в стихах, она органическая черта его мышления, она про-низывает и дарственную надпись, сделанную на книге «Песнослава» для П.Н. Медведева и публикуемую нами впервые:

«Струфокавил — птица, яйцо его велико и зело и гладко, его же есть обычай церковником вешати во церк-ви под паникадиллом поучения ради, а не красоты. Учат бо нас тем, да внегда мысленныя очи наши еже есть ум наш имеем простерт к преблагому Богу, понеже сия пти-ца яйца свои полагает против себя и зрит на них, аще же око свое отведет, то яйца гниют и цыпляты не зачина-ются, такожде и книга сия глаголемая Песнослов...»

В двадцатые годы, особенно в первую их половину, писатели много и интенсивно общались: был живой интерес друг к другу, поиск своего места в современ-ности, острая озабоченность судьбами культуры. Кроме общественных мест, встречались «домами». Были приня-ты званые «вторники», «среды», «четверги». Медведева можно было встретить у Федора Сологуба и Михаила Кузмина, у царскоселов В. Анненского-Кривича, сына Иннокентия Анненского, вспоминает писатель Леонид Борисов:

«Приходили и сидели до глубокой ночи, а иногда и до утра Мандельштам, начинающий прозаик Борис Ла-вренев, критик и литературовед П.Н. Медведев, живший неподалеку от Кривича В.Я. Шишков, из Павловска при-езжал серьезный, подающий надежды прозаик Н.В. Бар-шев. Не редкость было видеть в этой компании А.Л. Во-лынского, Н. Клюева. На старинный манер — с самоваром и домашними пирогами — сооружалось чаепитие, кто-нибудь исчезал на полчаса и возвращался со своей долей в общий котел; большинство свою долю привозили из города».¹⁹

Но «век-волкодав» все неотвратимее вторгался в жизнь художественной интеллигенции, все сильнее ее теснил.

Из неопубликованной записи П.Н. Медведева: «Конец октября 1924 года. Кл[юев] в [бывшей] Максимилианов-ской лечебнице — операция ноги.

Несколько раз у него.

Разговор о разброде, об отсутствии общих принци-пов, «всяк молодец на свой образец», Вавилонское стол-потворение.

— Так скажи же, кого слушать? Кто судья?

— Совесть.

— Да, совесть и тот серафим в душе, который точно знает меру и вес доброго».

В конце декабря 1925 года в Ленинград неожиданно приехал Есенин. Приехал, как говорил, работать, а оказалось — умереть.

Медведева, как вспоминает очевидец,²⁰ телефонный звонок с вестью о гибели Есенина застал в Доме книги, в помещении Госиздата. Оттуда они с Рождественским, потрясенные известием, ринулись в «Англетер». Вероятно, они оказались первыми прибывшими писателями, потому что им пришлось расписаться в милицейском протоколе, удостоверявшем смерть.

«Я был в номере около 2 часов дня 28-го (гостиница Angleterre, № 5)», — зафиксировано в записках Медведева.

«Как сейчас вижу это судорожно вытянувшееся тело. Волосы, уже не льняные, не золотистые, а матовые, пепельно-серые, стоят дыбом. На лице нечеловеческая скорбь и ужас. Прожженный лоб делает его каким-то зловецим. Правая рука, та, на которой Есенин пытался вскрыть вены, поднята и неестественно изогнута. Голова свернута набок и вздернута. Как будто Есенин застыл, приготовляясь к мрачному, трагическому танцу. Вспоминалось — “Спляши, цыганка, жизнь мою...”»

Так случилось, что весть о гибели Есенина Ключеву принес Медведев:

«От Сергея Есенина я пошел к Ключеву. Сказал ему. Выслушал спокойно (наружно): “Этого и нужно было ждать”. Замолкли.

Ключев поднялся, вынул из комода свечу, зажег у божницы и начал вслух молиться за упокой души.

Сел. Не выдержал — заплакал. — Я говорил Сереженьке и писал к нему: брось эту жизнь. Собакой у порога твоего лягу. Ветру не дам на тебя дохнуть. Рабом твоим буду. Не поверил — зависть, мол, к литературной славе. Обещал 10 лет не брать пера в руки. Не поверил — обманываю. А слава вот к чему приводит».

Книга «Сергей Есенин» появилась в начале 1927 года. Она состояла из ключевского «Плача о Сергее Есенине» и

исследования П. Медведева «Пути и перепутья Сергея Есенина», достойно контрастировавшего с вышедшими почти одновременно «Злыми заметками» Бухарина, в которых был «дан залп» по Есенину и «есенинщине».

«Плач о Сергее Есенине» Медведев охарактеризовал так:

«Это — не поэма. Это — и не похоронная заплачка, дающая выход только чувству личной потери и скорби.

Это — именно плач, подобный плачам Иеремии, Даниила Заточника, Ярославны, князя Василька.

В нем личное переплетается с общественным, глубоко интимное с обще-историческим, скорбь с размышлением, нежная любовь к Есенину со спокойной оценкой его жизненного дела, одним словом — лирика с эпосом, создавая сложную симфонию образов, эмоций и ритмов. ...

На “Плаче” лежит печать огромного своеобразия и глубокой самобытности...»²¹

Принято считать, что в книгу, в отличие от газетной публикации, вошел полный текст «Плача». Этот текст и воспроизводится во всех дальнейших переизданиях, в том числе и в наиболее полном собрании сочинений Н.А. Ключева, вышедшем в 1969 году под общей редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова.

Однако это не так.

В рукописи «Плача», — сообщает П.Н. Медведев, — имеются следующие строфы, не вошедшие в печатный текст, выброшенные цензурой строфы:

Для того ли, золотой мой братец,
Мы забыли старые поверья, —
Что в плену у жаб и каракатиц
Сердце-лебедь растеряет перья,

Что тебе из черной конопели
Ночь безглазая совет веревку,
Мне же беломорские метели
Выткнут саван — горькую обновку.

Мы свое отбояли до срока,
Журавли, застигнутые вьюгой,
Нам в отлет на родине далекой
Снежный бор звенит своей кольчугой.

Последняя строфа, — пишет Медведев, — заняла место эпитафии.

В начале января 1927 года, еще до выхода книги, в Ленинградском Союзе поэтов на одной из «пятниц» П. Медведевым был прочитан доклад о творчестве Есенина и Клюева, а сам Клюев читал «Плач о Есенине» и «Деревню».

О вечере, посвященном Есенину, на квартире Т.Л. Щепкиной-Куперник, где доклады делали Медведев и Пумпянский, а свои стихи читали Клюев и Рождественский, известно из свидетельства М.М. Бахтина.²²

Читалась друзьям и «Погорельщина», законченная Клюевым в октябре 1928 года. «В последней, — писал о «Погорельщине» П. Медведев, — Клюев воссоздает «плач о земле русской», крестьянское «Слово о полку Игореве»: вся страна охвачена новым потопом и только на вершинах гор остаются старые русские города — Новгород, Китеж, Углич, которые перекликаются между собой скорбными голосами утрат, гибели, смерти».²³

В марте 1928 года вышел последний прижизненный сборник стихов Клюева «Земля и поле». В дарственной надписи П.Н. Медведеву есть такие исповедальные строки: «Изба и Поле как по духу, так и по наружной раскраске имеет много схожести с иконописью — целомудрие и чистота красок рождает в моем смирении такое сопоставление. (...) Изба и Поле — щит, выкованный ангелами из драгоценной руды молитвы за тварь стелющую. Им обороняется моя душа от беса-мещанина, царящего в воздухе. Блаженна страна, поля которой доселе прорастают цветами веры и сердца милующего».²⁴

Эти слова могли бы стать эпитафией ко всему позднему творчеству поэта — от «Плача о Есенине» до «Погорельщины» и «Песни о Великой Матери», ставших последним словом Клюева.

Долг публикатора обязывает меня упомянуть, что в записях Павла Николаевича Медведева есть страничка, озаглавленная: «Тайна Клюева». Это чистая тетрадная страница со следами клея по краям. На страницу когда-то был легко наклеен другой текст, вероятно, стихи, как

наклеены на аналогичную тетрадную страницу выброшенные строфы из «Плача о Есенине». Но ко мне эта страничка дошла уже чистой, и о какой «тайне» шла речь — можно только гадать...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГПБ, фонд 474, ед. хр. 17, л. 1. Публикуется впервые. Другая часть надписи приводится ниже.
- ² *Николай Клюев и П.Н. Медведев*. Сергей Есенин. Л., «Прибой», 1927.
- ³ Автобиографическая справка: «Мне тридцать пять лет...» Записана со слов поэта в 1922 г. П.Н. Медведевым и опубликована в книгах: *Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях*, с портретами, составил П.Я. Заволокин. Изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1925; *Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней*. Составили И.С. Ежов и Е.И. Шамурин. Изд. «Новая Москва», М., 1925.
Перепечатана: *Николай Клюев. Сочинения*. Под общей редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Том первый, стр. 211.
- ⁴ З.Д. Бухарова — поэтесса, автор статей о стихах Н. Клюева.
- ⁵ Этот портрет не сохранился.
- ⁶ В.В. Шимановский — актер «Передвижного театра», друг Н. Клюева.
- ⁷ «Полярная звезда» — петербургское книжное издательство, где в 1922–23 годах вышло два издания книги П. Медведева «Памяти Блока» и в 1923 г. «Мать-Суббота» Н. Клюева.
- ⁸ Перечисленные здесь встречи имели место в 1922 году.
- ⁹ К. Азадовский. *Николай Клюев. Путь поэта*. Л., «Советский писатель», 1990.
- ¹⁰ В № 37 «Записок Передвижного театра» за 1922 г. напечатано стихотворение «Стариком, в лохмотья одетым...», в № 47 за 1923 г. — «Карельские зори раскосы и рябы...»

- ¹¹ ГПБ, ф. 474. Альбом П.Н. Медведева, № 2, л. 30-31. Полностью письмо публикуется впервые. В сокращении — в книге К. Азадовского, стр. 249.
- ¹² К. Азадовский. Указ. соч., стр. 219.
- ¹³ А. Краснов-Левитин. *Лихие годы. 1925-1941*. Воспоминания. ИМКА-Пресс, Париж; 1977, стр. 43.
- ¹⁴ Там же, стр. 44.
- ¹⁵ Там же, стр. 45.
- ¹⁶ П. Медведев. Точки над і. — «Записки Передвижного театра», № 44, 1922 г., стр. 2.
- ¹⁷ В день выхода 50-го номера «Записок Передвижного театра», П.П. Гайдебуров писал: «Мастерская рука П.Н. Медведева, как редактора, является для нас ручательством, что эти страницы не послужат кабинетно-отвлеченным теоретизированиям об истине и таким поискам истины, где новизна исканий становится дороже самой истины, но будут содействовать пробуждению в жизни и искусстве здорового, чуткого духовно-просветленного, нового человеческого сознания». («Записки Передвижного театра», № 50, 1923 г., стр. 2).
- ¹⁸ «Записки Передвижного театра», № 66, 1923 г., стр. 8.
- ¹⁹ Леонид Борисов. *Родители, наставники, поэты... Книга в моей жизни*. М., «Книга», 1967, стр. 85.
- ²⁰ С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Том второй. М., «Художественная литература», 1986, стр. 125.
- ²¹ Николай Клюев и П.Н. Медведев. *Сергей Есенин*. Л., «Прибой», 1927, стр. 86.
- ²² Сведения почерпнуты из показаний М.М. Бахтина, данных после ареста 28 декабря 1928 года, написанных им собственноручно. Архив УКГБ по Ленинградской области, д. 14284, т. 3, л. 7.
- ²³ Запись П.Н. Медведева (семейный архив Медведевых). Публикуется впервые.
- ²⁴ Экземпляр книги с надписью Н. Клюева П. Медведеву хранится в собрании К.М. Азадовского (см. его книгу, стр. 285).

Владимир ЮДИН (Тверь)

ФУКЬЕ-ТЕНВИЛЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Существенное место в творчестве выдающегося писателя Русского Зарубежья первой волны эмиграции Романа Гуля (1896-1986) занимают историко-художественные биографии кормчих Октябрьской революции и гражданской войны, деятелей, как выразился писатель, «с выкрашенной в один цвет душой», «попов революции» — по слову Штирнера.

Повесть «Дзержинский» впервые увидела свет в Париже в 1935 году, в России ее опубликовал журнал «Москва» (1991 г., № 5).

Долгое время «железный Феликс», как, впрочем, и другие лидеры большевистской партии, по известным причинам, рисовался в нашей литературе в ореоле революционной святости, кристально честным и благородным рыцарем без страха и упрека (к примеру, широко популяризируемый советской пропартийной критикой роман Ю. Семенова «Горение»). В романе Р. Гуля это совершенно другой человек, даже недочеловек, точнее, античеловек, крайне ожесточенный, властолюбивый, нетерпимый, по-людоедски кровожадный, жаждущий расстрелами в затылок создавать немедленный коммунизм. Насколько прав автор в своей концепции? Давайте поразмышляем вместе.

Роман Гуль оценивает трагедию 1917 года в России мрачно, в соответствии со своими резко антикоммунистическими взглядами. Повествование, написанное по горячим следам бурных социальных потрясений, впоследствии подтвержденное целым рядом научных исследований, хроникально по сюжетостроению, создает впечатление ярких, живых свидетельских показаний очевидца, на глазах которого разыгралась невиданная в истории кровавая драма. Его «жестокий», «беспощадный» стиль напоминает повествовательную манеру «Красного террора» Мельгунова, «Щепки» Зазубрина,

«Солнца мертвых» Шмелева, «ГУЛАГа» Солженицына, «Окаянных дней» Бунина... Строгий документализм повести подчеркивается частыми указаниями автора на точное место, время реальных событий и действий, конкретные имена их участников, обильным цитированием дневника Дзержинского, извлечениями из воспоминаний его коллег по ВЧК и т.д.

«19 декабря 1917 года в Смольном в комнате номер 75 короткими шажками бегал вождь Октября. Ленин волновался, слушая доклад управляющего делами Совнаркома Владимира Бонч-Бруевича. Управляющий докладывал о царящей панике среди головки партии, о поднимающемся недовольстве народа против большевиков, о возможности заговоров и покушений» (с. 22).

Фигура Дзержинского нарисована откровенно неприязненно, но документально обоснованно, живописно, психологически ярко, выразительно и убедительно. «Высокий, похожий на скелет, одетый в солдатское платье, висевшее на нем, как на вешалке, 20 декабря в Смольном на расширенном заседании Совнаркома появился Феликс Дзержинский. Под охраной матросских маузеров, в куреве, в плевках, в шуме, в неразберихе событий, среди «страшных» и «веселых чудовищ» большевизма, кого в минуту откровенности сам Ленин определял: «у нас на 100 порядочных 90 мерзавцев», — после многих речей, «пламенея гневом», выступил и октябрьский Фукье-Тенвиль. Феликс Дзержинский говорил о терроре, о путях спасения заговорщической революции. В его изможденном лице, лихорадочно блестящих глазах, заостренных чертах чувствовался фанатик. Он говорил трудно, неправильным русским языком, с сильным польским акцентом и неверными ударениями. Говорил волнуясь, торопясь, словно не сумеет, не успеет сказать всего, что надо.

— Революции всегда сопровождалась смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью, не на жизнь, а на смерть, — чья возьмет?! И я требую одного — организации рево-

люционной расправы! — криком заканчивал свою речь изможденный, насквозь больной человек, похожий на переодетого в солдатское платье монаха» (с. 23).

Образ председателя всемогущей ВЧК дан не в статической законченности, а в ощутимых эволюционных переменах: Дзержинский не уродился жестоким вампиром, «юношеские портреты будущего председателя ВЧК чрезвычайно схожи с портретом юного Рафаэля: Дзержинский был хрупок, женственен и строен, «как тополь киевских высот». Но уже с детства этот нежный малокровный дворянский ребенок отличался необузданной вспыльчивостью, капризами воли и бурным темпераментом. Живой, как ртуть, он был баловнем матери и дома назывался не иначе, как «феникс семьи» (с. 24).

Поражает воображение следующий парадокс: экзальтированный щеголеватый шляхтич из родовитой дворянской семьи, в высшей степени повелительный, нетерпимый к инакомыслию, невероятно честолюбивый, остро и болезненно впечатлительный, нервный, с младых лет обуреваемый религиозно-католической одержимостью, вдруг кардинально меняет взгляды и становится столь же одержимым богоборцем, проповедником крайней революционности, человеконенавистником, главой коммунистического террора... «Что-то надломленное чувствовалось уже в этом отроке, чуждом неподдельной жизнерадостности. Из светло-зеленых глаз нежного юноши глядел узкий фанатик. И не фанатик-созерцатель, а фанатик действия, фанатик насилия. Мать и духовник-ксендз отговорили будущего главу коммунистического террора от пути католического священнослужителя. Но сущность, разумеется, была не в пути, а во всем душевном строе, в страстях неистового Феликса. У «рафаэлевски» красивого юноши Дзержинского в том же году внезапно произошел душевный переворот. Он писал сам: «Я вдруг понял, что Бога нет!». Многие знают, какую иногда драму несет с собой этот юношеский перелом. Со всей присущей ему страстностью воспринял его Дзержинский. Но бурность Феликса иная. Дзержинский — не углубленно жившая в себе натура. Нет. Как у всякого фанатика, душевный строй Дзержинского был

необычайно узок, и воля его направлялась не вглубь, а на окружающее.

Роман Гуль выявляет генеалогию предательства, предательства самого себя, своей веры, светлых юношеских идеалов, украшающих человека романтических мечтаний. Нет, жизнь Дзержинского и ему подобных — это не трагедия заблуждения, и «железный Феликс» — не трагическая личность, а крайний индивидуалист, с болезненно расщепленным сознанием, жертва собственных разрушительных инстинктов, нашедших выход наружу в условиях всеобщего социального хаоса и нравственного разложения. Здесь не может быть трагедии веры, ибо вера безболезненно, даже с каким-то дьявольским самолюбопытством менялась. Трагическое и морально уродливое, как известно, несовместимы, взаимоисключают друг друга. Подлинно трагическому чуждо безобразное, антигуманное, бурлескно-низменное. Между тем, «как всякий фанатик, в своем агитаторстве Дзержинский, не замечая того, подчас доходил до комизма. Так, приехав в гости к своему дяде в имение «Мейшгалы», щеголеватый шляхтич с лицом Рафаэля занялся исключительно тем, что агитировал дядину челядь, пытаясь, хотя и безуспешно, увести конюхов и кучеров к «богу Эрфуртской программы» (с. 25).

И вот когда большевистская революция разлилась по стране нещадной огне-кровавой лавой, сорокалетний Дзержинский, человек больной телесно и духом, этот «вдохновитель всероссийского убийства», «октябрьский Фукье-Тенвиль», «эпилептически-нервный фанатик с металлической душой и стеклянными безучастными глазами», «кровавая кукла октябрьского паноптикума, палач русского народа, воплощение бредовой идеи террористическо-полицейского коммунизма» и прочая и прочая пришел к пределу политического изуверства — к посту коммунистического Торквемады. Он был вполне согласен с фразой Ленина — «пусть 90 процентов русского народа погибнут, лишь бы 10 процентов дожили до мировой революции» (с. 25).

Если бы в объяснении причин крайнего эгоцентризма и политического экстремизма Дзержинского писатель

ограничился только разгадкой неких таинственных природных инстинктов, «закодированных» в его генах, этот образ потерял бы столь обобщающую силу, типологическое родство с теми ура-революционерами, что вознамерились, ничтоже сумняшеся, порешить Россию и весь мир пресловутой перманентной революцией, помешавшимися на терроре как принципе «обновления» общества, как системе «преобразования» бытия. Писатель анализирует этот характер-тип в контексте породившей его эпохи, в совокупности социально-политических и нравственно-психологических отношений, во взаимодействии общего и индивидуального: тут и культивирование в семье Дзержинских пафоса национальной польской борьбы против «поработительницы Польши — России» («как множество детей интеллигентных семей, и Феликс Дзержинский пил ядовитый напиток воспоминаний о зверствах Муравьева-Вешателя, о подавлении польских восстаний. Злопамятное ожесточение накопилось в нем» — с. 76), и зоологическая ненависть через предел: с русского правительства — на Россию и русских («в 1922 году, когда Дзержинский был уже главой Всероссийского чека, он написал жуткие слова об этих своих юношеских чувствах к русским. «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей» — с. 26), и болезненная мания величия рефлектирующего юноши-католика — а вскоре максималиста-революционера, уверовавшего в свое «высшее» предназначение на земле...

Аскетизм и холодная жестокость — главные черты в облике профессионального революционера, замыслившего перевернуть весь мир. Однако поведенческая линия Дзержинского ими отнюдь не исчерпывается. Это, по своему, весьма богатая натура. На многочисленных фактах его жизни и деятельности Р. Гуль иллюстрирует, как в зависимости от конъюнктуры он мог быть и ухищренным комедиантом, и непревзойденным Хлестаковым, и «оскорбленным баринном»... Больше того, «заключенному частному учителю Феликсу Дзержинскому, оказывается, был доступен самый сердцевинный толстовский ужас перед фактом насильственной смерти

человека, ужас, когда после этого «ничто не меняется»: те же светлые солнечные дни. Но когда в лубяньских подвалах была пущена машина массового террора, над подвалами в рабочем кабинете сидел председатель ВЧК Дзержинский, автор приказов об этих казнях и автор же лирического дневника» (с. 39).

«Железный Феликс» олицетворяет тот исторически распространенный тип профессионального революционера, которому чужды земные радости, это человек-машина, лишенный тепла души и сердца, рахметовщина в самом неистовом, безумно-фанатичном ее проявлении. Таким характеризуют его и друзья-коммунисты: «В его усталом лице, вдохновенных глазах, острых красивых чертах лица чувствовался какой-то аскетизм. Для революционера он не признавал никакой личной жизни, ни любви к природе, ни к красоте, принося себя всецело на службу партии».

Абсолютно точно, думается, Р. Гуль определил социально-психологическую природу данного типа политических бесов: «Любовь Дзержинского к революции, как и у Марата, была порождена ненавистью. Этой ненавистью Дзержинский и был одержим. В ребенке она жила в желании, надев «шапку-невидимку», перебить всех москалей, в юноше — в тюремной клятве «мстить», в председателе ВЧК — в жуткой беспощадности расправы. Охваченный ненавистью ко всему миру, Марат был живым кровавым бредом революции. В нем, как и в Дзержинском, революционный энтузиазм дошел до конвульсий. И они оба, Дзержинский и Марат, олицетворяли в себе смутные кровавые инстинкты человеческой черни. Это не философские размышления Робеспьера. Это — нож, револьвер, пулемет.

...Арифметически председателя ВЧК Дзержинского можно определить так: это был на одну треть Робеспьер (без его ума) и на две трети Марат (без его дарования). Для исторической фигуры смесь не особенно увлекательная. Впрочем, принадлежность людей к истории не часто измеряется их талантами» (с. 48-49).

Безоговорочно отвергая беспощадный революционно-кровавый террор кутонов, маратов, сен-жюстов образца

1917 года против собственного народа, Р. Гуль произвел следующее заключение, и оно не лишено оснований: «Фигуры этих вошедших в революцию «дворян», воплощений бредовой идеи террористическо-полицейского коммунизма, были различны во многом. Нетерпеливый, горячий, заносчивый, нервный поляк Дзержинский — и спокойный монголообразный циник с хитрой сметкой Ленин. Общим у них было одно — у обоих совершенно «не поворачивалась шея»: кроме всероссийской социальной революции оба не видели ничего. Малообразованного, недалекого, не питавшегося ничем, кроме брошюрок, Дзержинского Ленин, конечно, превосходил и умом, и образованностью на две головы. Но Дзержинский и не претендовал на роль коренника объединенной партии. Зато Ленин сразу понял, что этот фанатичный поляк — замечательная пристяжная в той тройке, в которую Ленин впрягся коренником и которая разомчит всю Россию. И Ленин «обласкал», приблизил к себе этого «инфернального молодого человека», понимая, что именно такие нужны для его ленинского дела» (с. 36).

С этим выводом читатель вправе не согласиться в силу его очевидной жестокости и категоричности, но не принять его в расчет, если хочешь всерьез, всесторонне и объективно расследовать трагическую историю России, — нельзя.

Особого внимания заслуживает благородный гуманистический пафос писателя, аргументированно доказавшего, что даже самая праведная цель становится несправедливой, если достигается несправедливыми средствами. Разумеется, в революцию шли не только фанатики, люмпены, прирожденные отщепенцы и преступники, но, увы, и порядочные, высоконравственные люди, сознательно ставя перед собой высокие цели. Но, попав под окровавленный пресс беспощадной социальной бойни, быстро утрачивали запас духовной прочности, превращались зачастую в античеловеков.

Мысль эта многожды доказана ходом самой истории, но, видимо, не потеряла своей жгучей актуальности, поскольку человечество еще не научилось усваивать сполна трагический опыт пращуров, с упорством, достойным

лучшего применения, продолжает повторять их ошибки. «Такова уж неумолимая диалектика всех революций, что начинают их всегда граф Мирабо и князь Кропоткин, а кончают д'Эрбуа и Эйдук» (с. 39). В этом же духе высказался как-то Бисмарк: революции замышляют гении, осуществляют фанатики, а их плодами пользуются подонки...

Наш читатель наконец-то прочитал одно из замечательных произведений Р. Гуля, которому уже более полувека. Но оно нисколько не устарело, не потеряло своей социально-нравственной значимости и актуальности, напротив, звучит очень современно, будто создано специально о наших днях. Не секрет — многие нынешние неореволюционеры, взхлеб разглагольствующие о свободе, гласности, демократии и прочих завоеваниях перестроечно-плюралистического времени, втайне лелеют мечту о самой жестокой диктатуре. Безусловно, они узнают себя в героях исторического повествования Р. Гуля.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

(Публикация Е.И. Лубянниковой и Л.А. Мнухина)

Внимание читателей предлагаются пять неизданных писем М.И. Цветаевой, три из них служат дополнением к известной переписке поэта с В.В. Рудневым (см.: Новый журнал 1978, № 133; 1990, № 178) и Богенгардтами (см.: Вестник РХД 1992, № 165), а два других знакомят нас с новыми именами из числа ее адресатов — И.Г. Церетели и Л.Ф. Зуровым. Все письма сохранились в подлинниках. Тексты печатаются по ксерокопиям, любезно предоставленным в распоряжение публикаторов проф. Н.А. Струве (Париж) и проф. Ж. Шероном (Пасадена, США).

И.Г. ЦЕРЕТЕЛИ

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
[Апрель 1930]

Многоуважаемый Ираклий Георгиевич,

Посылаю Вам два билета на Вечер Романтики,¹ — собственно мой вечер,² но я сочла милее для своих участников дать его под этим названием.

Цена билета 50 франков.³ Я бы с радостью пригласила Вас просто, но вечер — на лечение мужа,⁴ который очень болен (туберкулез), и моя единственная надежда. Честным трудом (т[о] е[сть] стихами) не заработаешь никогда.

Билеты Вам шлю по совету М.Н. Лебедевой.⁵

Простите за неприятное письмо, но мне достаточно неприятно его писать. Кроме того, вечер действительно интересный: от Кн[язя] С. Волконского (Санкт-Петербург) до Поплавского (Монмартр), а по середке мы с Тэффи, к[отор]ая будет читать не-смешное.

Кроме того — трое петербуржцев-гумилевцев — Адамович, Г. Иванов, Оцуп (предреволюционная эстетика)

и, наконец, Вадим Андреев, сын Леонида. Услышите целую эпоху.

До свидания, надеюсь 26-го (суббота на Пасхальной неделе).

Всего доброго. На вечере увидите ту Алю, детские писания которой Вам так нравились,⁶ — 16 лет,⁷ выше меня.

МЦветаева

Оригинал письма находится в архиве Гуверовского института (Стэнфорд, США).

Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959) — русский и грузинский политический деятель, один из лидеров меньшевизма, депутат II Государственной думы, министр Временного правительства. В 1921 г. эмигрировал во Францию, где в 1932 г. в возрасте 50 лет окончил в Париже университет. С 1940 г. жил в США. Автор большого труда о Февральской революции. Сын писателя Г.Е. Церетели.

Знакомство Цветаевой с адресатом письма вероятнее всего отнести к начальному периоду ее пребывания в Париже, когда в 1925–1926 гг. она с семьей жила на квартире О.Е. Колбасиной-Черновой, бывшей жены В.М. Чернова; а последнего и Церетели, как известно, связывала большая личная дружба.

¹ «Вечер Романтики» состоялся 26 апреля 1930 г. в зале Société de Géographie (184, bd Saint-Germain). Участников вечера Цветаева перечисляет ниже.

² То есть чистый сбор от вечера поступал в пользу Цветаевой. Ср. ее письмо к С.Н. Гальперн от 6 апреля 1930 г.: «Вечер мой, все это мои бескорыстные участники» (копия из архива публикаторов).

³ Билеты распространялись по цене 50 и 25 франков.

⁴ Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) с конца декабря 1929 г. находился на санаторном лечении в русском пансионе Château d'Arcine (St. Pierre-de-Rumilly, Haute Savoie), который принадлежал семье полковника М.Н. Штрайге. В марте 1930 г. Цветаевой удалось выхлопотать от Красного Креста стипендию для мужа, но она лишь частично покрывала расходы, связанные с его содержанием в пансионе.

⁵ Маргарита Николаевна Лебедева (урожд. баронесса Спенсер, 1880–1958) — врач, жена видного деятеля партии с.-р., много-

летнего редактора пражского журнала «Воля России», В.И. Лебедева; близкий друг Цветасвой.

⁶ Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975) — дочь Цветаевой. Стихи семилетней дочери Цветаева включила в свой сборник «Психея» (Берлин, 1923), а из дневниковых записей Ариадны 1917–1919 гг. намеревалась составить второй том книги прозы «Земные приметы», однако из-за отсутствия издателей на книгу этот замысел не был осуществлен.

⁷ В действительности А. Эфрон было 17 лет.

В.В. РУДНЕВУ

1

[17 апреля 1934] ¹

Милый Вадим Викторович,

Вчера, уже на полдороге от Daviel'a,² мне вдруг показалось (м[ожет] б[ыть] воздействие надвигающейся грозы!), что в наборе пропущено:

(после последнего письма Белого,³ где он просит комнату, и извещения в «Руле»: отбыл в Сов[етскую] Россию писатель Андрей Белый).⁴

Такое-то ноября было таким-то ноября его вопля ко мне. То есть уехал он именно в тот день, когда писал ко мне то письмо в Прагу. Может быть, в вечер того же дня.⁵

Умоляю проверить, и, если не поздно, вписать. (А м[ожет] б[ыть] только жара и авторские страхи!)

До свидания! Спасибо за перевязочный материал, — уже пошел в дело!⁶

МЦ

Вторник

Милый [Вадим] [Викторович],

Не диффамация [Любови] [Дмитриевны], а прославление Блока (оплакивать чужого, как своего)¹ — на этом буду строить свою «защиту», если понадобится.

Упомянула же — со слов Андрея Белого («от него я впервые узнала: что тот “Митька“, которого оплакивал Блок, не блоковский и не беловский, а ее»... в этом роде, перечтите)² — и с утверждения в Берлине 1922 г. издателя *Альконоста*,³ при Эренбурге и еще ком-то (не помню, ах, да — *А.Г. Вишняке*)⁴ что у Блока *никогда не было детей*. Я, в полной невинности, думала, что это *давно известно*. (Знали, конечно, все, но не знаю — писали ли.)⁵

Вам ([Современным] [Запискам]) мой Блок⁶ не подойдет, ибо там много о втором его мнимом сыне,⁷ в [которого] я так поверила, что посвятила ему целый цикл стихов («Стихи к Блоку», Берлин [19] 22 г.)⁸ и рассорилась из-за него с «Альконостом» — тогда же.

Безумно спешу, ибо последний срок сценарию.⁹ Посоветуюсь еще с [Ходасевичем],¹⁰ он знает *все* вышедшее о Блоке и, [может] [быть], выручит и документом.

До свидания до 18-го, 20-го (письма)¹¹

МЦ

5-го июля 1934 г.

— Не бойтесь! «Защищаясь» — и вас выручу, [то] [есть] все свалю на себя, мне все равно, у меня совесть чиста.

Ее гнев — М Е Л О К !

Оригиналы писем находятся в архиве Иллинойского университета (Урбана, США).

Вадим Викторович Руднев (1879-1940) — видный член партии с.-р., один из основателей и редакторов парижского журнала «Современные записки» (1920-1940).

Оба письма имеют отношение к опубликованию Цветаевой в «Современных записках» (1934, № 55) лирической прозы об Андрее Белом «Пленный дух». В первом письме речь идет об авторской корректуре, которую Цветаева держала в середине

апреля. Во втором — об улаживании конфликтной ситуации, сложившейся несколько позднее вокруг уже напечатанного материала. Как видно из последующих объяснений Цветаевой Рудневу (см. письмо от 24 июля 1934 г.), ситуация эта была нагнетена недостоверным слухом о намерении Л.Д. Блок подать в суд на «Современные записки» и автора «Пленного духа» за предание ими широкой огласке сугубо-личного факта ее биографии (в «Пленном духе» Цветаева упомянула о рано умершем сыне Л.Д. Блок). Эта история, насколько нам известно, продолжения не имела.

1

¹ Письмо датируется в контексте переписки Цветаевой апреля-мая 1934 г. Ср. датировку ее письма к С.Н. Гальперн, соответствующую следующему дню: «Среда, кажется] 18 апреля 1934» (копия из архива публикаторов).

² В те годы редакция и контора «Современных записок» находилась по адресу: 6, rue Daviel, в 13 округе Парижа.

³ Имеется в виду письмо Белого к Цветаевой, посланное из Берлина в Прагу; в кратком изложении оно приведено в «Пленном духе».

⁴ «Руль» — ежедневная русская газета, издававшаяся в Берлине (1920-1931).

Белый выехал из Берлина 23 октября 1923 г. Об отъезде Белого в Россию сообщили берлинские газеты «Дни» (1923, № 302, 28 окт.) и «Накануне» (1923, № 478, 4 ноября).

⁵ В журнальной публикации этот текст присутствует.

⁶ 28 апреля 1934 г. Цветаева писала о своей болезни В.Н. Буниной: «...грязнули нарывы [вследствие истощения. — Публ.], целая нарывная напасть, вот уже второй месяц вся перевязанная, замазанная и заклеенная» (Цветаева М. Неизданные письма. Paris, YMCA-Press, 1972, с. 465). Процесс этот не затихал еще долгое время (см. письмо Цветаевой к Ю.П. Иваску от 4 июня 1934 г.).

2

⁷ Сын Л.Д. Блок — Дмитрий, проживший всего восемь дней (со 2 по 10 февраля 1909 г.), оплакан поэтом в стихотворении «На смерть младенца» (1909).

- ² Здесь отсылка к «Пленному духу».
- ³ Имеется в виду Самуил Миронович Алянский (1891–1974) — владелец и редактор петроградского издательства «Алконост» (1918–1923), в котором вышли почти все послереволюционные произведения Блока, друг последнего, автор книги «Встречи с Александром Блоком» (Москва, 1969; 1972). На издательской марке первой книги значилось «Альконост», в дальнейшем, по указанию Вяч. Иванова, ошибка в написании была устранена.
- ⁴ Абрам Григорьевич Вишняк (1895–1943) — владелец русского издательства «Геликон» в Берлине (1921–1923), где Цветаева при посредничестве Эренбурга напечатала книги стихов «Разлука» (1922) и «Ремесло» (1923).
- ⁵ Так, в известных Цветаевой воспоминаниях «Мой лунный друг» (1923) З.Н. Гиппиус пишет о Митьке как о блоковском сыне, а по признанию одного из рецензентов, упоминание в «Пленном духе» о сыне Блока стало «нежданной новостью» (см.: Трубников П. [Пильский П.] Неотзвучавшие вздохи // Сегодня. 1934. № 148. 30 мая. С. 2).
- ⁶ В «Пленном духе» Цветаева обмолвилась о своем замысле написать о Блоке. 2 февраля 1935 г. она выступила с докладом «Моя встреча с Блоком» на литературном вечере группы «Перекресток» в зале Sociétés Savantes (8, rue Danton); текст доклада не сохранился.
- ⁷ Имеется в виду сын Н.А. Нолле-Коган и П.С. Когана — Александр (Александр Петрович Нолле), родившийся в июне 1921 г.; впоследствии прозаик, псевдоним — А. Кулешов. В декабре 1920 — январе 1921 г. Нолле-Коган писала Блоку: «...я жду ребенка и отец его мой муж» (Литературное наследство. Москва, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 349); тогда же она просила Блока быть крестным отцом будущего ребенка. Наряду с официальной версией существовала и другая, согласно которой отцом мальчика считался Блок. Цветаева была связана с Нолле-Коган близкой дружбой в 1921–1922 гг. и с тех пор оставалась страстной приверженкой идеи «блоковского сына» (см. след. прим., а также письма Цветаевой к Б.Л. Пастернаку от 9 марта 1923 г. и Р.Б. Гулю от 30 марта и 11 апреля 1924 г.); непонятно, чем вызвана данная метаморфоза. Отметим, что в письме к Рудневу от 24 июля 1934 г. она высказывается по поводу «блоковского сына» уже не столь категорично: «...кажется такого же не-его, как “Митька”» (Новый журнал. 1978. № 183. С. 203).

- ⁸ Речь идет о пяти стихотворениях раздела «Подруга», обращенных к Нолле-Коган, где она воспета как последняя подруга поэта и мать его сына.
- ⁹ Неясно, что именно подразумевает Цветаева; возможно — рукопись «Китайца», которую она сдала 15 июля в газету «Последние новости» (см. ее письмо к В.Н. Буниной от 20 октября 1934 г.).
- ¹⁰ Отношения Цветаевой и Ходасевича после многолетнего перерыва возобновились летом 1933 г. Немалую роль в сближении двух поэтов сыграла смерть А. Белого в январе 1934 г., случайно свои воспоминания о нем Цветаева посвятила Ходасевичу.
- ¹¹ Очевидно, к указанному сроку намечался переезд Цветаевой из Кламара в соседнее парижское предместье Ванв. Первое ее письмо к Рудневу после переезда датировано 24 июля 1934 г.

Л.Ф. ЗУРОВУ

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
12-го февраля 1936 г.

Милый Зуров,
Простите за задержку — невольную: Вы написали 55 вместо 65, и письмо добрело только вчера, 11-го.
Выступить согласна.¹
Надеюсь — завтра будет оповещение, где и что — я ведь ничего не знаю.²
До свидания — в субботу.
Сердечный привет В[ере] Н[иколаевне], И[вану] А[лексеевичу]³ и Вам

МЦветаева

Оригинал письма находится в личном архиве А.И. Солженицына.
Леонид Федорович Зуров (1902–1971) — эмигрантский писатель младшего поколения, автор нескольких романов, ученик И.А. Бунина. В 1920-е годы жил в Прибалтике, затем во Франции.

БОГЕНГАРДТАМ

7-го июня 1939 г. — письмо получите гораздо позже¹ —

Дорогие Богенгардты!

Прощайте!

Проститься не могла — потому что только в последнюю минуту доглядывая последнюю записную книжку — нашла ваш адрес. (Дважды писала Вам по старому и никогда не получила ответа).

Спасибо за всё!

Даст Бог — встретимся.

Оставляю Всеволоду свои монеты² — и музейный знак моего отца:³ не потеряйте адреса:

Маргарита Николаевна Лебедева⁴

18bis, Rue Denfert-Rochereau

Paris, 5me

— только пусть Всеволод сначала запросит — когда придти, или сообщит — когда придет.

2-ой этаж], направо.

Страшно жаль расставаться.

Непременно расскажу Сереже],⁵ какими вы нам были верными друзьями.

Обнимаю всех вместе — и каждого порознь — желаю здоровья и счастья в детях и чтобы всем нам встретиться.

М.

Мур⁶ горячо приветствует. Он — колосс, растут усы, а за дорогу, пожалуй, отрастет и борода!

Если смогу — напишу. Помнить буду — *всегда*.

Оригинал письма находится в Houghton Library Гарвардского университета (Гарвард, США).

Это прощальное письмо, написанное за несколько дней до отъезда Цветаевой из Франции, адресовано Всеволоду Александровичу Богенгардту (1892–1961) и его семье. Богенгардт был давним товарищем С.Я. Эфрона. Они познакомились в 1915 г., когда студентами Московского университета поступили в санитарный отряд Земского Союза. Затем служили в одном полку в годы Гражданской войны (там, на фронте, Богенгардт встретил свою будущую жену — Ольгу Николаевну, урожд. Стенбок-Фермор). Связь боевых друзей не прерывалась

Речь идет об участии Цветаевой в «Вечере поэтов» 15 февраля 1936 г. в зале Sociétés Savantes (8, rue Danton). Организатором мероприятия было парижское объединение писателей и поэтов. Принять участие в вечере также дали согласие: Г. Адамович, Н. Берберова, Р. Блох, А. Браславский, И. Бунин, Л. Ганский, А. Гингер, З. Гиппиус, М. Горлин, В. Дряхлов, Г. Евангулов, Б. Закович, В. Злобин, Г. Иванов, Л. Кельберин, И. Кнорринг, Д. Кнут, А. Ладинский, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, Д. Мережковский, И. Одоевцева, А. Присманова, С. Прегель, Г. Раевский, В. Сирин, В. Смоленский, Ю. Софиев, П. Ставров, Ю. Терапиано, В. Ходасевич, Л. Червинская, Т. Штильман.

В день выступления Цветаева писала А.А. Тесковой: «Положение двусмысленное. Нынче, напр[имер], читаю на большом вечере эмигрантских поэтов (все парижские, вплоть до развалины-Мережковского, когда-то тоже писавшего стихи). А завтра (не знаю — когда) по просьбе своих — на каком-то возвращенческом вечере (NB! те же стихи [переводы немецких и русских песен на французский язык. — Публ.] — в обоих случаях — безвозмездно) — и может выглядеть некрасивым» (Цветаева М. Письма к А. Тесковой. Прага, Academia, 1969, с. 135). Отношение к вечеру определялось и другим признанием той же корреспондентке: «меня здешние писатели не любят, не считают своей» (там же, с. 134).

Спустя полгода, резко отзываясь о парижской богеме в письме к А.С. Штейгеру, Цветаева вспомнила о том удручающем впечатлении, которое произвел на нее февральский вечер: «Этой зимой я их (вас!) слышала — слушала целый вечер в Salle Trocadéro [ошибка Цветаевой. — Публ.] — «смотри поэтов». И самой выразительной строкой было:

И человек идет домой

С пустою головой...

Честное слово, этим человеком я себя почувствовала — после этого вечера» (Новый мир. Москва, 1969, № 4, с. 210).

Четверговый анонс о вечере был помещен в газете «Возрождение» (1936, № 3907, 13 февр.). «Последние новости» дали два объявления (1936, № 5437, 11 февр.; № 5441, 15 февр.).

То есть В.Н. и И.А. Бунины, в доме которых с осени 1929 г. жил Зуров.

ДВА ДОКУМЕНТА О ЖИЗНИ Р.В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

(к выходу в свет полного текста его книги
«Тюрьмы и ссылки»).

(Публикация и примечания А.К. Клементьева)

В 1994 году петербургский журнал «Мэра» приступил к печатанию (в №№ 1, 2 и 4) полного текста воспоминаний Разумника Васильевича Иванова «Тюрьмы и ссылки», впервые вышедших в 1953 году в Нью-Йорке, в издательстве имени Чехова, с небольшими редакторскими купюрами. Материал подготовлен В. Белоусом, автором нескольких статей о Р.В. Иванове-Разумнике.

Публикации о судьбе и творчестве Р.В. Иванова немногочисленны, прежде всего из-за сложности доступа к материалам его личного архива, частью погибшего в военные годы в Царском Селе, а частью рассеявшегося после смерти Разумника Васильевича в 1946 году, в Германии. Поэтому каждое новое свидетельство о его жизни заслуживает внимания исследователей...

* * *

Сразу после переезда в Германию, в 1942 году, Разумник Васильевич начал восстанавливать отношения с многими друзьями и знакомыми прежних лет, оказавшимися в эмиграции в разных странах Европы.

В парижском архиве Бориса Константиновича Зайцева сохранилось одно письмо, отправленное Р.В. Ивановым из лагеря для лиц немецкого происхождения в городе Konitz, в Пруссии, куда он попал после эвакуации из Царского Села.

Из текста письма явствует, что Борис Константинович первым обратился к Иванову-Разумнику, узнав его адрес или из берлинской газеты «Новое слово», или от кого-то из общих парижских знакомых, которым Разумник Васильевич успел написать ранее. Интерес к Иванову-Разумнику, с которым Зайцев действительно «никогда в

ни в Константинополе, где Богенгардты приютили Эфрона после Галлиполи до его отправления в Прагу, ни в Чехословакии, где подружились их семьи. В середине 1920-х годов оба семейства обосновались во Франции. Одно время они потеряли друг друга из виду, но судьба подарила им новую встречу в конце 1930-х годов.

- ¹ Цветаева выехала из Парижа 12 июня 1939 г. Сохранился конверт, надписанный ее рукой:

M. et Mme Bogenhardt

7, Rue Jullot

Le Perreux

Seine

со следующими почтовыми штемпелями:

15VI39 16H Av. Observatoire Paris-52

6 Juil39 7H15 Le Perreux s/Marne Seine

и пометой Богенгардтов на обратной стороне: «6 июля 1939 г. от Марины».

- ² По-видимому, речь идет о дореволюционных (царских) российских монетах, вывезенных Цветаевой на память за границу. См., например, стихотворение «Страна» (1931): «Той, где на монетах - // Молодость моя - // Той России - нету. // Как и той меня» (Цветаева М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 2. М.: Эллис-Лак, 1994, с. 291).
- ³ Имеется в виду нагрудный памятный знак, учрежденный для членов Комитета по созданию Музея изящных искусств в Москве, основателем и первым директором которого был Иван Владимирович Цветаев (1847-1913). Существовало два типа этого нагрудного знака. Один из них хранится в собрании Л.А. Мнухина. Вот его описание: Нагрудный памятный знак. Бронза, эмаль. «1898 года Императорский Московский Университет. Музей Изыщных Искусств». Российский герб. Монограмма «Александр III». Учрежден ко дню закладки будущего музея (17 авг. 1898 г.) (Цветаева М. Каталог юбилейной выставки: 1892-1992. Собрание Л.А. Мнухина. Москва: Дом Марины Цветаевой, 1992, с. 155).
- ⁴ См. прим. 5 к письму Церетели. Цветаева оставила М.Н. Лебедевой и ее дочери Ирине часть своего архива, который, после их отъезда в США, погиб в подвале дома при наводнении.
- ⁵ То есть С.Я. Эфрону.
- ⁶ Георгий Сергеевич Эфрон (1925-1944) — сын Цветаевой.

России [...] не был близок», объясняется, на наш взгляд, прежде всего стремлением услышать человека, только что «вырвавшегося» из советской России, письменные контакты с которой были практически полностью утрачены не только самим Зайцевым, но и большинством эмигрантов его круга. Известно, что Борис Константинович с радостью принимал у себя многих русских, перебравшихся на Запад во время Второй мировой войны или после ее завершения, и стремился по мере сил помогать им.

В первом письме Зайцев задает Разумнику Васильевичу много вопросов о тех, с кем довелось общаться как в России, так и в годы жизни в эмиграции, — интересуются судьбами М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, Н.Г. Чулковой, И.А. Новикова.*

Второй документ — отрывок из письма А.И. Занкевича Б.И. Николаевскому.

Рассказ А.И. Занкевича, занимавшего видное положение в Комитете Освобождения народов России, — новое свидетельство не только об одобрении Разумником Васильевичем самой идеи создания «третьей силы» в противостоянии Германии и России, но и о высказывавшейся им готовности лично участвовать во Власовском движении, о «восторженном» отношении к задачам и целям, декларированным в «Манифесте» А.А. Власова.

Письмо, фрагмент которого печатается ниже, находится в «Hoover Institution on war, revolution and peace» в Стэнфорде, Калифорния, среди других писем А.И. Занкевича, в архиве Б.И. Николаевского, ед. хр. № 509.

12.10.1994: Париж.

* Настоящая публикация — часть предпринимаемой нами в течение последних лет работы по изданию документов из архива Б.К. Зайцева.

Письмо Р.В. Иванова–Разумника Б.К. Зайцеву

Адрес:
Barackenlager
Baracke "Essen", Zimmer N° 8.
Konitz (Westpreußen)¹

27 мая 1942

In russischer Sprache²

Дорогой Борис Константинович, — не удивляйтесь такому неожиданному обращению: Ваше письмо, дошедшее до меня на Троицу и Духов день, так порадовало, что не могу и не хочу начинать письма шаблонным «многоуважаемым». Вы правы: никогда в России мы не были близки, но теперь — мы немногие уцелевшие обломки разных пластов одной и той же геологической формации (простите за кудреватое выражение, так уж написалось) — отходящей в прошлое незабываемой полосы русской культуры. Очень одиноко чувствую теперь себя я, выброшенный волною войны в тихую заводь Barackenlager'a — и сердечное письмо Ваше особенно порадовало возможностью в будущем избавиться от этого одиночества. За письмо — большое Вам спасибо.

С середины февраля пребываю в лагере города Конница, эвакуированный в числе Volksdeutsch'eй³ из Царского Села и прочих пригородов Петербурга; в Volksdeutsch'и я попал по жене («geboren Ottenberg»).⁴ Здесь нас за проволочным ограждением живет до 3.000 человек, «в карантине»; ждем прибытия «Комиссии» из Берлина, которая должна решить нашу судьбу. Улита едет вот уже три месяца.

За это время списался с несколькими друзьями из Праги⁵ и получил от них ряд посылок с книгами, — жадно читаю их и «ликвидирую безграмотность», накопившуюся за минувшие 20 лет. Среди других книг получил и Ваш «Золотой узор»,⁶ и тома L-LIV «Современных Записок», где с удовольствием читаю «Дом в Пасси». ⁷ Получил целую пачку «евразийской» литературы, ряд отдельных

№№ разных журналов; но вижу, что еще долго придется быть на положении полуграмотного.

Получил два письма от А.М. Ремизова, — и сегодня отвечаю ему;⁸ писала мне и Н.Н. Берберова, но на мой ответ (еще 11/V) отклика не имею и не знаю — дошло ли мое письмо?⁹ — Все, что Вы сообщаете о судьбе русских писателей за границей, было для меня полно захватывающего интереса и новизны. (Ведь мы там, в России, давно уже похоронили Вяч. Иванова, — а он, оказывается, жив, чему я очень порадовался; многое бы мог рассказать ему о последних годах жизни Андрея Белого, о Серее Соловьеве и др.). А на Ваши вопросы могу ответить лишь кратко, чтобы письмо не обратилось в целую брошюру: 1) Марина Цветаева покончила с собой как раз в то время, когда я был «изъят из списка живых» (сидел в Бутырках), а потому никаких подробностей не знаю. 2) Ахматова в 1940-м году выпустила сборник старых и новых стихов, «Шестикнижие», вскоре однако изъятый из обращения. 3) Над. Гр. Чулкова жила в Москве до войны. 4) Ив. Ал. Новиков — тоже до войны — благоденствовал в Москве; «орденоносец»; прошумел романом «Пушкин в селе Михайловском»; входит в Правление Союза Писателей, и вообще — «у власти».

Не хочу переходить на 2-ой лист и круто обрываю письмо — с тем, чтоб (если оно дойдет) написать Вам вдвое больше и не так разбросанно, как это первое послание, вышедшее «комом». Еще раз искреннее спасибо за Ваше хорошее письмо. Не забывайте и впредь.

Ваш Р. Иванов

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Адрес:
Барачный лагерь
Барак «Эссен», комната № 8.
Конитц (Западная Пруссия). (нем.).
- ² На русском языке (нем.).
- ³ Этнических немцев (нем.).

- ⁴ Урожденная Оттенберг (нем.) — Варвара Николаевна, жена Р.В. Иванова-Разумника. Умерла 18 марта 1946 года.
- ⁵ Сохранилось несколько писем Иванова-Разумника корреспондентам в Праге; материалы эти пока остаются неопубликованными.
- ⁶ Роман Б.К. Зайцева «Золотой узор» вышел в 1926 году в пражском издательстве «Пламя».
- ⁷ Роман Б.К. Зайцева «Дом в Пасси» печатался в парижском журнале «Современные записки» в 1933 году, в томах 51–54.
- ⁸ Эти письма А.М. Ремизова сохранились в части архива Иванова-Разумника, принадлежащей проф. О. Раевской-Хьюз, и будут опубликованы ею. Два письма Разумника Васильевича Ремизову напечатаны — Russian Literature Triquarterly, № 8, 1974, с. 495–499.
- ⁹ Письма к Берберовой напечатаны Ж. Шереном — Literature, culture and Society in modern age. Stanford Slavic Studies, vol. 4 part 2, 1992, с. 399–403.

II

Фрагмент письма А.И. Занкевича Б.И. Николаевскому

7/X-49

Многоуважаемый Борис Иванович!

Не имея возможности часто отлучаться с места работы, лишен возможности повидаться лично, а потому вынужден писать.

I. Думаю, для Вас будет не безынтересно узнать, что Р.В. Иванов-Разумник был ярый власовец. В конце 44 г., замещая одно время нач[альника] отд[еления] кадров Гражд[анского] Управл[ения] КОНР'а, я лично имел в руках его собственноручное письмо и просьбу включить его в работу. Кроме восторженного отзыва о манифесте

была приложена и статья: «от левого эсера до власовца». Я ее направил Жиленкову, но, насколько мне известно, нигде она напечатана не была.*

[...]

[А.И. Занкевич]

* Нам неизвестно, сохранились ли текст посланной статьи и письмо Разумника Васильевича Г.Н. Жиленкову с отзывом о «Манифесте» А.А. Власова.

Отметим, что Р.В. Иванов-Разумник регулярно печатался в русской газете «Новое слово», выходившей с июля 1933 года в Берлине, под редакцией В.М. Деспотули, и допущенной германскими властями к распространению среди русских эмигрантов и на оккупированных территориях в России.

СУДЬБЫ РОССИИ

Из архивов КГБ

ДЕЛО РСХД В ЭСТОНИИ

Профессор Тартуского университета Сергей Геннадиевич Исаков, составляющий «Биографический словарь русских общественных и культурных деятелей Эстонии (20–30-е годы)», прочел в архиве КГБ более 700 страниц вопросов по делу Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Эстонии. Читая их, профессор Исаков делал нужные выписки и снял ксерокопии с 85 листов наиболее значительных вопросов.

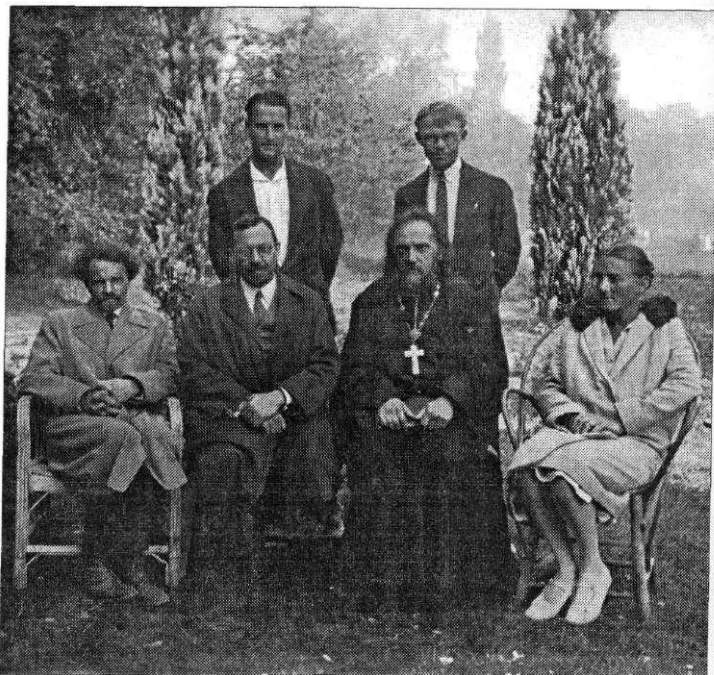
Благодаря этому мы теперь знаем о чистоте, стойкости и благородстве трех активных деятелей движения в Эстонии — Иване Аркадьевиче Лаговском, Татьяне Евгениевне Дезен и Николае Николаевиче Пенькине. Все трое на вопросах говорили правду, ни к чему не приспособиваясь, не стараясь смягчить свою участь.

На вопрос следователя об антисоветском характере деятельности РСХД за рубежом И.А. Лаговским был дан твердый ответ: «Движение ставило своей задачей борьбу с современным материализмом и атеизмом, привлечение к церкви молодежи и содействие выработке религиозного мировоззрения. Оно строилось на основах, противоположных коммунизму. Считаю необходимым подчеркнуть, что вопрос шел именно относительно основ мировоззрения».

По-видимому, одного идеологического расхождения с советским мировоззрением показалось мало, и в середине следствия добавили еще обвинение в активной, чуть ли не вооруженной борьбе с советской властью, несмотря на то, что деятели РСХД категорически отрицали террор как способ

борьбы за свои убеждения. Это привело к тому, что в начале апреля 1941 года на закрытом заседании военного трибунала было вынесено постановление — расстрелять. Через несколько дней приговор был приведен в исполнение.

Тамара Милютина

Стоят (слева направо): Н.М. Зернов, И.А. Лаговский.
Сидят: о. Лев Липеровский, В.В. Зеньковский, о. С. Четвериков и С.М. Зернова.

ПЕРВЫЙ ДОПРОС И.А. ЛАГОВСКОГО

(Дело № 11666, Том N 1)

Следственное дело №132176 - 1940 год, по которому проходили Иван Аркадьевич Лаговский, Татьяна Евгеньевна Дезен и Николай Николаевич Пенькин.

И. Лаговский был арестован еще органами политической полиции 5 августа 1940 года, поскольку «деятельность его опасна для государственного строя и охраны» (л. 3). В августе же И. Лаговский был переправлен в Ленинград, где следствие по делу стал вести мл. лейтенант ГБ следователь УНКВД Л.О. Мусатов. Обвинение теперь формулируется иначе: «Лаговский Иван Аркадьевич, будучи участником Русского студенческого христианского движения в Эстонии, проводил антикоммунистическую деятельность и враждебную Советскому Союзу работу (л. 6), что является достаточным основанием для обвинения в преступлении по статье 58, параграф 4» (л. 7).

Из показаний на первом допросе 9 августа 1940 года.

«Родился в 1889, в семье священника, в городе Костроме (л. 17). Отец был переведен в Кинешму в 1896–97 году. До 1903 года я жил при родителях, учился в духовном училище в городе Кинешме, в 1903 году поступил в Костромскую духовную семинарию, где проучился до 1908 года. После этого уехал в Киев, где поступил в Киевскую духовную академию, которую и окончил в 1913 году. По окончании академии жил в городе Екатеринославле, работал учителем гимназии и духовного училища и одновременно учился в университете. Отец умер в 1902 году. Киевскую духовную академию закончил с званием кандидата богословия и с правом преподавать русский язык в духовном училище. В 1917 году в Екатеринославле поступил в университет на филологический факультет и одновременно преподавал в гимназии. В Екатеринославле был до июля–августа 1919 года, затем отправился на юг, прибыл в Симферополь, оттуда в Севастополь, где в начале 20 года нанялся матросом на корабль «Рион», использовавшийся для эвакуации войск Врангеля. Таким образом в марте я оказался в Константинополе. Затем транспортное судно, зафрахтованное

французской компанией отправилось в Бразилию, но доехало только до Аяччо на Корсике. Интернирован французскими властями, получил право жительства во Франции и стал работать на Корсике чернорабочим на одном заводе, затем некоторое время работал в Бастии, там же на Корсике, в качестве помощника каменщика. В 1923 подал прошение в Русский педагогический институт в г. Праге и был принят, учился до 1926 года на средства института. Закончил институт в 1926 году, получил предложение занять место ассистента в богословском институте в Париже. В Париже был до 1931 года. В 1931 году был уволен из института в связи с тем, что остался в подчинении митрополита Сергия Московского. В 1933 году приехал в Эстонию к матери моей жены. Постоянно проживал в Тарту. С 1933 года занимался печатаньем статей. В 1939 году печатал статьи в местном немецком журнале. С конца 1939 года принимал заказы на продовольственные посылки в Советскую Россию для конторы «Траффик». Состоял в Русском студенческом христианском движении в Эстонии, в Русском благотворительном обществе в Тарту, в Обществе помощи бедным и беженцам, был членом Исидоровского братства при церкви в Тарту».

21 августа 1940 г. И.А. Лаговским были даны собственноручные показания, которые с большой точностью передают историю РСХД с краткими характеристиками его деятелей. Приводим здесь полный текст этих показаний. Означая политические взгляды тех или иных деятелей Движения как «левые», И.А. Лаговский имел в виду лишь то, что они не были крайне правыми и монархическими. — Ред. «Вестника РХД».

ВТОРОЙ ДОПРОС

Показания обвиняемого Ивана Аркадьевича Лаговского 21 августа 1940 г.

«Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом» возникло в 1923 году. Отдельные студенческие христианские кружки возникли еще до этого времени, главным образом, в Праге. Кто был их первыми

организаторами, точно сказать не могу. Я стал членом РСХ Движения в 1925 году. Знаю только, что они возникали по инициативе отдельных членов местных национальных студенческих Движений. В 1923 году в городе Пшерове состоялся, устроенный по инициативе Всемирной Студенческой Христианской Федерации (объединение международных студенческих христианских национальных /по странам/ Движений — центр в Женеве, Rue Calvin 13), съезд представителей русских студенческих христианских кружков Чехии. Были представители кружков и из Белграда. Участниками первых кружков были отчасти студенты, бывшие участниками белых армий, отчасти студенты из семейств гражданской эмиграции. Средства на съезд и организацию съезда были даны Всемирной Студенческой Христианской Федерацией. Из лиц, принимавших участие в первом, организационном, съезде могу назвать Василия Васильевича Зеньковского, до эмиграции профессора по кафедре психологии Киевского Университета, по политическим убеждениям примыкавшего к так назыв. «левым профессорам» (точнее его политические убеждений определить не могу). Когда и как он оказался в эмиграции, не знаю. В момент созыва съезда он был профессором Белградского Университета, но уже получил предложение занять кафедру профессора общей психологии и детской психологии в Праге, в открывавшемся в Праге Высшем Педагогическом Институте.

2. Профессора Сергея Николаевича Булгакова, в прошлом профессора по кафедре политической экономии сначала в Киеве, а потом в Москве; по политическим убеждениям проф. Булгаков принадлежал к левым, перешел от марксизма к христианству, но нового типа, интеллигентско-церковного. После революции стал священником. В эмиграции оказался, будучи выслан из СССР вместе с группой профессоров. В момент созыва съезда занимал кафедру богословия на русском юридическом факультете в Праге.

3. Профессора Николая Онуфриевича Лосского, тоже принадлежавшего к группе высланных профессоров; убеждений его не знаю.

4. Александра Ивановича Никитина, состоявшего Секретарем Федерации (проживавшего в Софии. А. Ив. Никитин был членом студенческого христиан. Движения еще в бытность свою студентом Политехнического института в тогд. Петербурге. Как оказался в эмиграции, был ли участником белого движения — не знаю, равно как не знаю и его политических убеждений.

5. Доктор Лев Николаевич Липеровский, оказавшийся в эмиграции через Сибирь вместе с госпиталем Союза городов, которым он заведовал. Политических убеждений определенных не имел, но считался левым, антимонархистом. В прошлом Л.Н. Липеровский тоже был членом студенческого христианского кружка в Москве. В момент созыва съезда был Секретарем Федерации.

6. Проф. Лев Александрович Зандер, бывший проф. университета в Харбине, без определенных политических убеждений.

7. Николай Александрович Бердяев, русский «свободный мыслитель».

8. Студент Николай Михайлович Зернов, без определенных убеждений политических, сын известного врача М.С. Зернова, оказавшийся в эмиграции вместе со всей семьей.

9. Его сестра, студентка Белградского Университета София Михайловна Зернова.

10. Владимир Филимонович Марцинковский, деятель студенч. христианских кружков, еще в России (до революции). Как оказался в эмиграции — не знаю. Впоследствии был тесно связан с евангельскими христианами.

Других участников съезда не знаю. Общее количество участников доходило до 50 человек. Съезд решил создать объединение существовавших студенческих русских христианских кружков под названием «Русское Студенческое Христианское Движение».

Выбрано было первое временное правление, в которое вошли В.В. Зеньковский (председатель), Л.Н. Липеровский, А. Ив. Никитин, Н.М. Зернов. Центром была намечена Прага, где оказалось большинство профессоров.

Впоследствии состав центрального органа был расширен путем представительства от кружков, примыкав-

ших к Движению; центральный орган получил наименование «Бюро Движения», пленум собирался раз в год.

Впоследствии, с 1925 года, центр Движения перенесен был во Францию, в Париж и действовал в составе председателя проф. В.В. Зеньковского (Rue de Crimée 93, Paris), д-ра Л.Н. Липеровского, Ник. Мих. Зернова, С. Мих. Зерновой. Помещение для работы центра в Париже было предоставлено Американским Союзом Христианских Молодых Людей (YMCA) и находилось Boulv. Montparnasse 10.

Липеровский, Н.М. Зернов, С.М. Зернова были платными секретарями, предоставленными Всемирной Студ. Христианской Федерацией в распоряжение Рус. Студ. Христианского Движения. В 1926 году в состав так назыв. «Центрального Секретариата Движения» был избран сначала временно, а потом и постоянно я, Иван Аркадьевич Лаговский, в то время преподаватель Парижского Богословского Института — ассистент по кафедре Психологии и Педагогики. Был привлечен для педагогической работы и одновременно был привлечен для соредктирования журнала РСХ Движения «Вестник РСХ Движения Зарубежом». В то время журнал выходил в количестве 1000 (тысяча) экземпляров в месяц.

В 1928 году в состав Центрального Секретариата, по назначению митр. Евлогия, вошел протоиерей Сергей Четвериков, кончивший Московскую Духовную Академию. До того времени он был священником в г. Братиславе, в Чехии. Насколько знаю, в России был законоучителем в Полтаве. Относительно политических взглядов о. С. Четверикова определенного ничего сказать не могу: он никогда в этом отношении не высказывался. В означенном составе Центральный Секретариат действовал до 1933 года.

В то время (1926–28 годы) кружки и объединения кружков существовали в Чехословакии, Германии, Югославии, Болгарии. В Чехии кружки существовали в Праге, и в Брно. Руководителями кружков в Праге были Александр Иванович Кубарев, студент Пражского техникума; в прошлом офицер, но в какой части он был не знаю. Политические убеждения неопределенно-левого

направления; Екатерина Николаевна Кист, студентка Пражского Политехнического Института, архитектурного отделения, происходившая из левой интеллигентской семьи; отец ее проживал в Праге. Николай Леонидович Лупадин, студент Пражского Политехнического Института, быв. офицер, какой части — не знаю. По политическим симпатиям примыкал к кругам так называемой «левой интеллигенции».

В Брно руководителем кружка был студент Медицинского Факультета Александр Григорьевич Виссарионов. Биографии его не знаю. По убеждениям — «левый»; и слушатель технических курсов — Степанов, в прошлом — гардемарин, участвовавший в войсках Колчака. По политическим убеждениям тяготел к правым. Все означенные лица впоследствии проживали в Чехии.

В Югославии — руководителем кружка и объединения был Петр Сергеевич Лопухин, в прошлом, если не ошибаюсь, вице-губернатор, человек монархических убеждений. В 1926 году югославский кружок (объединение) отделился от Движения.

В Софии (Болгария) руководителем кружка был уже упомянутый Александр Иванович Никитин.

В Берлине, в Германии, руководителем кружка был профессор Семен Людвигович Франк, в прошлом профессор, если не ошибаюсь, Петербургского Университета, убеждений левых; прибыл в эмиграцию в группе профессоров, высланных из СССР, и Владимир Федорович Федоровский, сотрудник Берлинского Научного Института; убеждений — левых; был ли он когда-либо офицером — не знаю.

Впоследствии (с 1928 г.) руководителем кружка в Берлине стал Владимир Сергеевич Слепян, офицер царской армии, попавший в плен и оставшийся в Германии, без определенных политических взглядов.

В Лондоне (Англия) руководительницей кружка была Ксения Михайловна Брайкевич, дочь политического эмигранта Брайкевича, по убеждениям — левая. Состояла служащей в бюро Английского Студенческого Христианского Движения.

В Париже руководителями кружков были профес. Лев Александрович Зандер, упомянутый выше, Николай Михайлович Зернов, д-р Лев Липеровский (упомянут); в 1925 году доктор Липеровский стал диаконом; и Георгий Бобровский, студент Парижского Богословского Института, бывший доброволец-рядовой (в то время несовершеннолетний еще) армии Деникина, сирота. Убеждений республиканских.

Каждое объединение по странам представляло из себя автономную группу; связь с центральным Секретариатом была слабо выражена.

ТРЕТИЙ ДОПРОС

Показания обвиняемого Ивана Аркадьевича Лаговского 24 августа 1940 г.

В означенном составе Движение существовало до 1928 года, когда прекратили работу кружки в Чехии и Лондоне. Югославское объединение отпало еще раньше.

В 1929 году возникли объединения студенческих русских христианских кружков в Латвии (Рига и Двинск) и в Эстонии (Таллин, Тарту, Нарва и Печеры). «Русское Студенческое Христианское Движение» Латвии и такое же Эстонии состояли из местных граждан, национальных меньшинств. Их характер и пути были отличными от «РСХ Движения Зарубежом». В административной зависимости от последнего они не состояли. Поэтому, о деятельности и составе руководящих лиц скажу позднее.

2) Антисоветский характер РСХ Движения Зарубежом. Движение ставило своей задачей борьбу с современным материализмом и атеизмом, привлечение к церкви молодежи и содействие выработке религиозного мировоззрения. Оно строилось на основах противоположных коммунизму. Считаю необходимым отметить, что вопрос шел именно относительно основ мировоззрения. Впоследствии Движение в качестве широкой общей программы-направления своей работы поставило выработку основ православной культуры, и считало себя продолжателем идей и дела русской религиозной философии XIX столетия — славянофилов и неославянофилов и русских

религиозно-общественных исканий начала XX века. Атеистический коммунизм воспринимался Движением, как духовный недуг русского народа, от которого народ в ходе исторического развития освободится и излечится. Движение видело в атеистическом коммунизме хотя и тяжелый, но органический результат предшествовавшей культурно-социальной и политической неправды капиталистического строя. В соответствии с своим пониманием атеистического коммунизма, руководящие (профессорские) слои Движения развивали идею создания православной культуры и раскрытия односторонности атеистического и материалистического мировоззрения.

В соответствии с этим в печатных и устных выступлениях руководителей Движения выдвигался вопрос о том, как может и должна быть построена православная культура, давалось освещение национального вопроса с точки зрения православия, вопрос о построении государственно-социального строя на началах так называемой «соборности». Затрагивались вопросы православной эстетики и педагогики. Ряду этих тем посвящено большинство статей журнала «Вестник». Эти же темы ставились и обсуждались на общих собраниях и съездах Движения.

В целях противодействия атеизму и критики материалистического мировоззрения, при участии части профессорского состава Движения в качестве авторов — американским издательством “YMCA-Press” (Paris, Bd Montparnasse) была выпущена серия небольших брошюр под общим заглавием «Христианство и атеизм». В состав этой серии вошли: В.В. Зеньковский «Возможно ли чудо», Б.П. Вышеславцев «Атеизм и христианство», Г.В. Флоровский «Существовал ли Христос», С.Н. Булгаков «Карл Маркс, как религиозный тип» и другие.

В журнале «Вестник» мною, И.А. Лаговским, был помещен ряд статей, обрисовывавших работу антирелигиозников в СССР, приводились сообщения относительно ссылок тех или других религиозников, иногда печатались поступающие из России письма отдельных лиц. Постоянных связей с Россией у Движения не было. Материалы поступали чрез случайных лиц. Так напр. могу назвать покойного князя Григория Николаевича

Трубецкого; от лиц, оказывавшихся в эмиграции — напр. Мих. Мих. Артемьев, появившийся в Париже в 1928–29; подлинной фамилии точно не припомню, кажется Бернотерберг.

Большое внимание было уделено вопросам выработки православной религиозно-педагогической системы, вопросам работы с молодежью и основ, на которых должна быть построена православная школа. При несомненном и подлинном интересе к педагогическому творчеству, совершавшемуся в это время в Сов. Союзе и при признании в нем огромной педагогической ценности, в ряде статей и отдельных выступлений давалась и критика основ сов. педагогики, указывались промахи и провалы.

Эта работа, относящаяся к критике совет. педагогических исканий, не была непосредственно связана с Движением, как таковым. Она была связана с работой так наз. «Религиозно-Педагогического Кабинета» в составе проф. В.В. Зеньковского, меня и отчасти проф. Зандера. Религиоз.-Педагогич. Кабинету удалось — при поддержке Синода Болгарской и Румынской православной Церкви наладить издание небольшого (500 экземпляров) журнала под названием «Бюллетень Религиозно-Педагогической работы». Выходил не регулярно; от двух до четырех выпусков в год, под редакцией проф. В. Зеньковского. Журнал (каждый выпуск от 48 до 56 стр.) давал руководящие статьи по вопросам принципов православной педагогики и обзор работы с молодежью в разных странах, в том числе и в СССР.

Непосредственной, так называемой «активной», борьбы с Совет. Властью Движение не вело. Движение признавало революцию, понимало ее органические корни и в утверждении сов. Власти не видело «захвата власти кучкой насильников». Террористическая борьба беспредельна и бесполезна. Таков был господствующий и руководящий взгляд руководителей Движения. Когда проф. Иван Александрович Ильин выступил с теорией «святого меча» и призвал к террору, руководители Движения в ряде статей (см. журнал «Путь») дали резко-отрицательную оценку призывам И.А. Ильина. Впоследствии, уже при моем отсутствии, в парижской группе Движения

имело место возникновение группы (кружка) членов Движения из вновь вступивших в Движение, которая настаивала на необходимости для Движения встать на путь «активной борьбы» с советской Властью. Эта группа изучала вопросы «православной государственности» и находилась под руководством Алекс. Ивановича Никитина, с 1933 года ставшего секретарем общим именно парижской группы, и Георгия Евгениевича Романова, человека правых убеждений, очень энергичного, бывшего шофера; был ли Г.Е. Романов когда-либо офицером и где он служил — не знаю. Он появился в Движении и приобрел известное влияние среди части парижского Движения уже после моего отъезда из Парижа. Кружок «православной государственности» находился под сильным влиянием Романова. Центр. Секретариат, как могу судить по последовавшим из Парижа письмам, противодействовал направлению, представленному группой Романова и Никитина.

Романов некоторое время был членом так назыв. «Совета Движения (малого)». Временный орган, заменявший (без полных полномочий) настоящий Совет Движения, не мог быть созван из-за отсутствия средств. Усилиями «антиполитической» части парижского Движения, Романов был устранен из Совета, а Никитин — лишен Секретариата. Состав личного кружка не знаю; как отмечал, он возник в мое отсутствие.

Посылки людей в Сов. Союз со стороны Движения, насколько я знаю работу Движения, не было и связей с Россией Движение не имело. Вести агитацию против Сов. Союза внутри Союза Движение считало бесполезной задачей. Движение твердо было убеждено и в невозможности такой работы и вредности ее.

Движение в своей работе не имело связи ни с политическими партиями, ни с иностр. разведками.

Движение в своей работе было связано с международными христианскими организациями — Международной Студенч. Федерацией (Женева, Rue Calvin). Связь осуществлялась чрез проф. В.В. Зеньковского, позднее и чрез проф. Л.А. Зандера. Связь, насколько о ней осведомлен я, имела с одной стороны идейный характер и вызы-

валась общей задачей борьбы за сохранение веры среди молодежи, с другой и материальной — так как Федерация давала средства на содержание секретаря, так назыв. «генерального» (сначала с 1933 — таковым был А.И. Никитин, а с 1937 — Лев Александрович Зандер).

В совещаниях с руководящими органами Федерации я лично никогда не участвовал. Насколько могу судить по сообщениям В.В. Зеньковского и Л.А. Зандера, совещания касались вопросов участия Рус. Студ. Христ. Движения в обще-христианской работе — участие в организуемых Федерацией международных христианских съездах, в издании подготовительной к этим съездам литературы. Так перед съездом международным христианской молодежи в Амстердаме была издана книга, посвященная вопросам современных государственных строев с точки зрения христианства. До 1929 года в работе Центр. Секретариата Движения принимал участие представитель Федерации Густав Густавович Кульман, швейцарский гражданин, но после 1929 года представителя Федерации в Секретариате Движения не было.

2) В своей работе Движение сотрудничало в ряде начинаний с Американским Христианским союзом молодых людей (УМСА). В частности, благодаря помощи УМСА, удалось организовать упоминавшийся выше Религиоз.-Педаг. Кабинет; поддержку работы Рел.-Пед. Кабинета (оплата помещения, выписка журналов) УМСА прекратила в 1934 году.

Представителями УМСА в работе Движения в Париже были Эдгар Иванович Мак-Нотен, американский гражданин; умер в 1932 году; после него был Павел Францевич Андерсон, стремившийся создать объединение русских людей для организации «Русского УМСА». Но из этих попыток ничего не вышло.

УМСА давала возможность издавать книги религиозного и апологетического, противоматериалистического характера. Об апологетических изданиях я уже упоминал.

УМСА предоставляла в распоряжение Движения оплачиваемых УМСА работников — таковыми были секретарь (до 1933 года) Парижского Движения Федор Тимофеевич Пьянов, сын крестьянина Владимирской губернии,

по политическим убеждениям левый, приверженец воззрений Н.А. Бердяева, и Николай Федорович Федоров, по его словам, бывший студент Петербургского Политехнического Института, участник белого движения, одно время работавший в YMCA Эстонии (русский отдел), а с 1926 года переехавший по приглашению и при поддержке секретаря Америк. YMCA — Эдг. Ив. Мак-Нотена, в Париж. Н.Ф. Федоров был организатором и начальником организации «Витязи РСХ Движения Зарубежом».

Представители Движения принимали участие в созывавшихся YMCA международных совещаниях, посвященных вопросам объединения усилий христианского мира в защите христианской веры против течений, его отрицающих (имеется в виду не только коммунизм и материализм, но и антихристианский характер течений, связанных с фашизмом и национал-социализмом), в частности — для преодоления недоверия большинства руководящих представителей православ. Церкви к YMCA. Другой тип съездов — это международные совещания по вопросам практической работы среди молодежи в целях воспитания ее в христианском духе. (Съезд в Дюссельдорфе). В этих совещаниях я лично, по незнанию языков, участия не принимал. Постоянным участником всех таких встреч с представителями YMCA был проф. В.В. Зеньковский, Ф.Т. Пьянов и в последнее время проф. Л.А. Зандер.

Организация «Витязи РСХ Движения Зарубежом».

Организация «Витязи РСХ Движения» возникла в 1927 году. Организатором и начальником Дружины «Витязей» был Николай Федорович Федоров. Организация строилась на началах беспрекословного подчинения начальнику и личной преданности ему. Основной формой работы был кружок, находившийся под руководством лица, назначенного руководителем приказом «начальника Дружины».

Задача работы состояла с одной стороны в сохранении русской молодежи от быстро прогрессирующей денационализации, с другой — в воспитании «Витязей Славной России», которые «идут за Русь, за веру» и готовы хранить «верность национальным (противо-коммунистическим) заветам и бороться за них», по примеру

старо-рус. витязей. «Витязи» имели свое знамя — голубого цвета, с изображением Александра Невского и Значка Дружины — белого креста на темно-синем поле (квадратном) с красным окаймлением. Форма — голубая рубашка скаутского типа, с обычными скаутскими деталями одежды — шнуры, галстуки, свистки и т.д.

Практиковались строй (при официальных встречах), отдавание чести (рука к козырьку и ободку «лодочки» — головного убора, принятого у «Витязей»).

Жизнью административной Дружины ведал «Штаб Дружины» — в составе начальника Друж., начальника штаба, священника Дружины, казначея, адъютантов и начальников Дружин («младшей», «средней» и «старшей»).

Культурно-педагогической работой — в кружках ведал «Совет Руководителей». Совет руководителей не был постоянно действующим органом, его по мере надобности созывал штаб. Состав «штаба» 1) Николай Федорович Федоров, он же и начальник и организатор Дружины. 2) Священник Дружины, который по замыслу организатора должен был вести религиозным воспитанием Дружины, был Георгий Шумкин, в прошлом офицер сначала царской, а потом, если не ошибаюсь, так называемой «Северо-Западной армии», сначала учившийся в Праге на юридическом факультете, потом, не кончивши, ставший студентом Парижского Богословского института, кончивший его и ставший священником.

3) Помощник начальника Дружины, он же и начальник «старшего отдела» Дружины Алексей Васильевич Сулацкий, студент Страсбургского технического специального института (керосиновое дело), сын казачьего офицера, без определенных политических убеждений, но проникнутый «офицерскими традициями». Сулацкий по окончании института натурализовался во Франции, служил во Французской армии рядовым.

4) Владимир Владимирович Волков, студент Парижского Университета, сын белого офицера, человек правых убеждений, он тоже натурализовался во Франции.

5) Андрей Владимирович Волков — брат Влад. Владимировича — человек левых взглядов, студент того же

Парижского Университета. Владимир Владимирович был начальником среднего отделения Дружины.

6) Владимир Федорович Зелинский, студент одной из технических французских школ — происхождения его не знаю, без определенных политических убеждений, начальник младшего отделения Дружины. Зелинский был и казначеем.

7) Хан-Макинский — имени-отчества не помню, сын офицера царской армии, без определенных убеждений — адъютант Дружины. Штаб собирался еженедельно. Текущей жизнью Дружины ведал начальник Дружины и его помощник.

Кружки — каждый имел свое название и особый значок-флажок. В Дружине существовали «звания» — «дозорный», «разведчик», «младший Витязь», «старший Витязь». Для получения каждого из «Званий» необходима была сдача специального испытания пред комиссией, назначаемой начальником Дружин. Испытания велись по программе, изданной Дружиной и отпечатанной на ротаторе. В состав испытаний входили сведения (система концентрических кругов) по Закону Божию, по русской литературе, по русской истории, глав. образом, знание «витязей» русского прошлого (Димитрий Донской, князь Пожарский, Петр I, Суворов и другие). Кроме того, знание элементов строя, азбуки Морзе, умения делать простейшие топографические съемки).

Сдавший испытание получал право носить особую звездочку.

После известного срока пребывания в Дружине участник «Витязей» допускался — по усмотрению начальника и священника «Витязей» к даче «торжественного обещания». Обещание давалось перед знаменем Дружины в присутствии священника и после молебна. Текста обещания (точно дословно) воспроизвести не могу. Приблизительный — «Я, юный Витязь России, обещаю хранить веру православную, хранить верность России, хранить честь Дружины и следовать Заветам Витязей в мыслях, делах и поступках».

Давший обещание становился «действительным витязем» и получал право носить на правом рукаве формен-

ной рубашки «Знак Дружины» — треугольник темно-синего цвета, окаймленный по верхним ребрам ленточкой «национальных» цветов (красный, синий, белый); в середине треугольника — вышитый белый крест на синем поле с красным ободком; внизу — девиз дружины «Витязей» «За Русь, за веру».

«Заветов Витязей» сейчас не могу точно припомнить. Содержание их говорило о хранении верности православной Церкви, о преданности России и о необходимости подражать в «мыслях, словах и делах «Витязям русским».

Определенной политической установки у «Витязей» вначале не было. Самое понятие «Юный Витязь России» носило неопределенно-романтический характер, включая в себя во всяком случае момент противоположения «национальной» «исторической» России — новой «советской». Первоначально «Витязи» мыслились организацией внеполитической и от руководителей требовался отказ от принадлежности к той или иной политической организации, если он в ней состоял.

Работа в кружках велась по программе, намечаемой руководителем, но утверждаемой штабом. В программу работ входило преимущественно изучение русской истории, занятия строем, игры. Надо отметить, что программа частью вообще очень хромала. Дружина «Витязей» имела от 120 до 130 «действительных Витязей».

В работе «Витязей» большое место занимали летние лагеря, куда могли поступить не только члены организации. Лагеря обыкновенно собирали от 80 до 100 человек. Руководителями лагерей были обычно те же лица, которые состояли в штабе Дружины и зимой. Иногда привлекались для проведения специальных бесед по вопросам русской культуры и отдельные профессора и писатели. Из участников таких бесед припоминаю проф. Зеньковского, проф. Л.А. Зандера, писателя Бориса Зайцева, Скобцову (мон. Марию) — в прошлом участницу соц.-революционеров, бывшую замужем сначала за Кузьминым-Караваевым, а в период гражданской войны вышедшей замуж за члена Кубанской Рады — Скобцова; в эмиграции же — разведшейся с мужем и ставшей мона-

хиней. Начальником лагеря неизменно был Ник. Федорович Федоров.

По образцу «Витязей» возникла и «Девичья Дружина». Дружинницы имели форму — белую кофточку, при синей юбке и общей с «Витязями» знак. Обещания не было. «Заветы Дружины девичьей» были сформулированы иначе, чем у «Витязей», гл. образом в смысле большего внимания к культурному моменту: познание истории и русской культуры. Начальницей Дружины сначала была Анна Федоровна Шумкина, жена священника Шумкина, женщина левых взглядов. Работа девичьей Дружины не имела определенной программы и сводилась главным образом с одной стороны к приобретению практических навыков (курсы кройки, шитья и т.д.), а с другой — к беседам на самые разнообразные темы, как исторического, так и прикладного характера.

После ухода А.Ф. Шумкиной — начальницей Дружины была Екатерина Сергеевна Меньшикова, дочь сибирского купца, доктор медицины Парижского Университета, а затем — Екатерина Павловна Толстая, в девичестве Шувалова (графиня), по убеждениям — примыкавшая к лево-демократическим взглядам.

Попытки со стороны Дружины «Витязей» связать работы «Витязей» и «Девичьей Дружины» в одно целое ни к чему не привели.

«Девичья Дружина» не вышла за пределы Парижа и не имела отделений.

Дружина же «Витязей» имела отделения в Праге, в Брно, в Софии.

Дружина «Витязей» в указанных городах имела такую же структуру, как и в Париже — во главе Дружины стоял «начальник», назначаемый Начальником Дружины «Витязей» (Н.Ф. Федоровым), он назначал руководителей и создавал «штаб» местной Дружины. Особенностью работы дружины в Праге, Брно и Софии было то, что в состав их входили и девичьи кружки. Форма была иная — вместо голубой рубашки «витязей» в Париже, всюду была принята форма обычного скаутского (защитного) цвета. Знак Дружины, текст обещания и нарукавный знак были общие.

Начальник Дружины в Праге был сначала Георгий Бобровский — о нем я упоминал выше, а затем — студент-медик Пражского Университета Николай Сергеевич Сергеев, сначала без определенных политических убеждений, бывший офицер, а потом — примкнувший к «Национальному Союзу молодого поколения». Начальником Дружины в Брно все время был уже упомянутый выше руководитель Движения в Брно — доктор Александр Григорьевич Виссарионов.

В Софии — начальником Дружины был студент-химик Ефим Моисеевич Наумов, сын офицера белой армии, без определенных политических убеждений.

В Берлине, еще до возникновения дружины «Витязей», существовал скаутский кружок, основанный руководителем Движения в Берлине Вл. Сер. Слепьяном, старым скаутмастером и руководившийся в своей работе общескаутской программой. Кружок впоследствии принял девиз Витязей и признал своим начальником Н.Ф. Федорова, но никогда не сливался с организацией окончательно, тяготел к скаутам.

«Витязи» с самого начала встали в полунезависимое положение по отношению к Движению. Руководитель организации «Витязей» получал содержание непосредственно от Американского YMCA и тяготился своей зависимостью — номинальной — от Движения. Между руководящими органами Парижского Движения, которому формально был подчинен Н.Ф. Федоров, шла постоянная борьба, так как секретарь Парижского Движения и профес. круги Движения были против «увлечения военщиной». Дело кончилось тем, что организация «Витязей» в 1933 году стала самостоятельной, усвоив себе наименование «НОВ» (Национальная Организация Витязей). После откола «Витязи» (НОВ) примкнули к организации Галлиполийцев и представителей правых организаций. В Праге, в Брно, в Софии последовавшие призыву начальника организации Федорова «Витязи» тоже отделились от Движения и в новой форме самостоятельного существования оказались под сильным воздействием «Национального Союза молодого поколения».

Моя личная антисоветская деятельность выражалась в участии в работе РСХ Движения в качестве одного из его активных работников, в печатании статей, посвященных описанию положения Православной Церкви в Совет. Союзе и в описании «гонений» на веру, в устных докладах на эти темы, как во Франции, так и вне Франции, во время моего пребывания в Эстонии, в участии в выработке педагогических программ, связанных с идеями религиозного воспитания, противостоящего антирелигиозному коммунистическому воспитанию.

Ни в какой «разведке» никогда не состоял и ни с одной разведкой никогда не был связан. Был ли кто-либо из членов РСХ Движения связан с разведками, ничего не могу показать — ни об одном члене Движения. Мне в этом отношении ничего не известно.

«Русское Студенческое Христианское Движение Эстонии» возникло в 1929 году, когда был зарегистрирован его устав, как культурно-просветительной организации.

Движение РСХ Эстонии возникло под влиянием «РСХ Движения Зарубежом». В организации первых кружков принимали участие С.М. Зернова и д-р Л. Липеровский. В 1929 году состоялся съезд Движения в Печерском монастыре. В съезде принимали участие проф. Зеньковский, д-р Липеровский, проф. Зандер, я. Проф. Зандер был руководителем Движения в 1929–30 году. Начиная с 1932 года правительство Эстонии перестало давать разрешения вообще на приезд лекторов и докладчиков из-за границы и только раз или два удалось получить разрешение на устройство публич. докладов — одного проф. Вышеславцева (1933 год) и другого проф. Бердяева (35 год). Административно Движение Эстонии было совершенно автономно; управлялось своими выборными органами и каждый город (Таллин, Печеры, Тарту, Нарва) жил своей жизнью. Движение носило другой характер чем «РСХ Движение Зарубежом». В состав Движения Эстонии вошли представители местного русского меньшинства. Основная задача Движения была в сохранении себя как русских и в противодействии эстонизации молодежи.

Работниками-активистами Движения в Эстонии были я, Ив. Ар. Лаговский, Николай Николаевич Пенькин, учитель, сын крестьянина, уроженец г. Печер, Татьяна Евгениевна Дезен, дочь мирового судьи Е.Р. Дезен. О всех могу сказать, люди левых взглядов.

Во главе работы Движения в городах были деловые выборные Комитеты, переизбираемые каждый год. Единства в смысле руководства работой не было. Основной формой работы была педагогическая работа на христианских началах и съезды. На съездах основными вопросами были вопросы культурного характера. Съезды происходили — по общему правилу, с предварительного разрешения полиции и в присутствии представителей полиции — носили открытый характер.

Антисоветский характер работы Движения в Эстонии состоял в его стремлении привить молодежи православные взгляды и отвлечь ее от материализма.

Работа с молодежью в христианском направлении не развернулась — эстонское правительство не признало за Движением права работать с молодежью.

Большое внимание уделено было миссионерской работе среди деревенского населения, но миссионерство (подъем христианского сознания и борьба против безбожия) было делом не столько Движения, сколько церковной власти, привлекавшей к участию глав. образом меня.

«Активной» борьбы против Сов. Союза Движение не вело и было против нее. Это вытекало из общей установки Движения и связано с преобладающим составом членов Движения, женским и преимущественно пожилым.

Показания написаны собственноручно двадцать первого (21) и двадцать четвертого (24) августа 1940 года.

П о д п и с ь [И. Лаговский]

Показания записаны 21 и 24 августа, собственноручно.

Следователь УНКВД 10 Мусатов.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДОПРОС

от 4 сентября 1940 г.

Русское студенческое христианское движение, как я и показывал, не ставило своей непосредственной задачей антисоветскую деятельность, но так как РСХД вело религиозную мировоззрительную работу, деятельность его оказывалась антисоветской.

Практически антисоветская деятельность РСХ Движения выражалась в следующем:

- а) в воспитании молодежи в антиматериалистическом и антикоммунистическом духе;
- б) в устной и печатной пропаганде идей, противоположных идеям коммунистического мировоззрения, — идей «целостного религиозного мировоззрения»;
- в) в разработке программ и методов работы с молодежью в антиматериалистическом и антикоммунистическом (поскольку коммунизм связан с безбожием) духе и распространении этих программ и методов;
- г) в создании организаций молодежи («Витязи», «Скауты» РСХ Движения) для практического осуществления идеи молодежных организаций, построенных на принципе и полного охвата молодежи религиозно-национальным мировоззрением;
- д) в организации съездов, как для более молодых возрастов, так и для более старших, посвященных вопросам религиозного мировоззрения в его противопоставленности материалистическому и безбожно-коммунистическому мировоззрению. Съезды имели место как во Франции, так (первое время) и в Чехословакии, в Германии, в Болгарии (2 съезда) и в Прибалтике;
- е) в организации летних лагерей и колоний для молодежи, в целях углубления в ней религиозно-национальной настроенности и привлечения новой молодежи;
- ж) в проведении на съездах и в лагерях специальных бесед и семинаров по вопросам противодействия антирелигиозной пропаганде и создания среди молодежи группы людей, способных обосновать и защитить религиозное мировоззрение;

з) издание (при участии профессоров — членов движения и по указаниям Движения) ряда брошюр, посвященных разбору и опровержению положений антирелигиозной пропаганды;

и) издание органа («Вестника РСХД»), посвященного пропаганде религиозного мировоззрения с попутной критикой основ материалистически-безбожного мировоззрения;

к) помещение в этом органе статей, преимущественно по вопросу о положении православной церкви в СССР, написанных в антисоветском духе;

л) участие руководителей «РСХ Движения Зарубежом» в съездах международных христианских организаций («Всемирная Студ. Христ. Федерация», «Американский христианский союз молодых людей» (УМСА) с целью установления единого антиматериалистического и антибезбожного фронта. Подробной характеристики этих съездов дать не могу, так как не принимал в них участия. Отчеты о них были помещены отчасти в журнале «Вестник», отчасти в журнале не связанном с Движением «Путь» (Париж).

С Советской Россией, насколько я знал работу Движения, Движение связей не имело и никого в Советскую Россию не посылало. Поставленная Движением цель — «Борьбы с современным материализмом и атеизмом», в условиях жизни в практически безбожных странах (Чехословакия, Франция) с их антирелигиозной школьной программой и при духовном одичании среди части эмиграции, полностью поглощала силы Движения на месте. Ко всякой посылке эмиссаров в Советскую Россию руководящие круги Движения относились отрицательно.

«Движение РСХ Зарубежом» по характеру и практическим формам своей работы (кружки, воскресные школы, организации молодежи) было связано преимущественно с приходами и отчасти с церковным управлением митроп. Евлогия (Париж).

С другими общественными и партийными группировками РСХ Движение, как организация, связи не имело и было изолировано. Контакт по антисоветской работе в отношении приходов выражался в том, что Движение

снабжало, при желании со стороны руководителей приходов — программами работы в религиозном духе с молодежью и давало методические указания; по приглашению приходов отдельные представители Движения выступали с докладами, отрицательно обрисовывавшими положение православной церкви в СССР, снабжало приходские библиотеки изданиями, направленными против материалистического мировоззрения и антирелигиозной пропаганды, помогало приходам устраивать свои съезды в целях противодействия распространению безбожия и материалистических взглядов.

Моя практическая антисоветская деятельность связана главным образом с Парижем и отчасти — за последние годы моей работы — с Эстонией.

В Праге, где я стал участником Движения, моя работа выражалась в чтении одного доклада в кружке и одного доклада на съезде — оба доклада на чисто религиозные темы; в подготовке и проведении в июне месяце 1926 года летнего съезда РСХ Движения в Чехословакии. Съезд был в лагере чешского христианского Союза молодых людей на реке Сазаве. Темы съезда — религиозного характера. Вопрос о Советской России совершенно не затрагивался.

В Париже моя антисоветская деятельность выразилась:

а) в писании и печатании в журнале РСХ Движения «Вестник» статей, сводок, выдержек из советских газет, отрицательно рисовавших положение православной церкви в Советской России с критикой, иногда резкой, мероприятий и начинаний Советского Союза в этом направлении.

Две или три статьи такого рода («Там, где с Богом борются» и «Коллективизация и религия») были помещены мною в журнале «Путь» (Париж).

б) В участии в разработке программ и методов так называемого «целостного религиозного воспитания» (антиматериалистического и антикоммунистического) и пропаганде, преимущественно устной (путем семинаров на съездах, в которых пришлось принимать участие) идей целостного религиозного воспитания.

в) В печатной и устной критике педагогической системы и отдельных педагогических мероприятий Советского Союза. Педагогической, большею частью отрицательной, критике мероприятий Советского Союза посвящено несколько моих статей и заметок в так назыв. «Бюллетене Религиозно-Педагогической работы» (Париж, издание Религиозно-Педагогич. Кабинета. Boulev. Montparnasse 10) за 1928–1932 гг.

г) В докладах, устных, посвященных изображению духовного состояния, преимущественно религиозного в Советской России. С докладами на эти темы выступал как во Франции (на съездах Движения), так и в других странах, где была работа Движения и где оно устраивало свои съезды.

Во Франции выступал с докладами о религиозном положении в СССР на съездах Движения, начиная с 1927 года и до 1932 включительно. Содержание докладов дано в журнале «Вестник» в отчетах о съездах.

В Чехословакии — выступал с докладом о положении православной Церкви и духов. состоянии молодежи в Советской России на съезде 1928 г. в селе Худобин.

В Болгарии выступал с докладом на съезде РСХ Движения (немногочисленном) в 1936 году. Доклад касался вопроса о том, как организована антирелигиозная пропаганда, и того, как верующие в Советской России распространяют свое влияние и на молодежь. Кстати отмечу, что доклад был принят участниками съезда недоброжелательно, как слишком мало «антисоветский».

В 1929 году в Прибалтике (на съезде РСХ Движения в Печерском монастыре) также был мой доклад, посвященный описанию процессов борьбы между верой и неверием с одной стороны и усилиями воинствующего безбожия по насаждению неверия с другой стороны. Отчет в журнале «Вестник».

д) В участии, в качестве докладчика на темы, связанные с вопросами педагогическими и исторически-культурными, в организации молодежи «Витязи РСХ Движения» до их отделения от Движения.

е) В посещении с целью педагогического инструктирования и лекторской помощи отдельным странам, где существовала работа Движения.

В частности — в 1928 году Чехословакия, с участием в съезде в Худобине (доклад о религиозной жизни в СССР; в 1929 г. посещение Эстонии — съезд в Печерском монастыре — доклад о положении религиозной жизни в Советской России и педагогический семинар, посвященный пропаганде идей религиозно-педагогической системы; в 1930 году — январь, посещение в Латвии гор. Режица и участие в религиозно-педагогическом съезде, организованном И.П. Тутышкиным, б. директором педагогиума в Режице. В том же 1930 году, участие в съезде, устроенном РСХ Движением Эстонии в Пюхтицком монастыре и — педагогический семинар, посвященный вопросам религиозной работы с молодежью.

В 1936 году, как уже отмечал, посещение Болгарии, участие в съезде, устроенном кружком РСХ Движения, с докладом о положении православной Церкви в Советской России и в педагогических беседах относительно улучшения работы с «Витязями», начавшей разваливаться.

ж) В 1938 г. участие, по приглашению епископа гор. Мукачево (тогда — Подкарпатская Русь) в августе месяце в съезде православной подкарпат.-русской молодежи; на съезде мною был сделан доклад об общем положении религиозной жизни в Советской России с указанием на то, как приспособились верующие к требованиям, касающимся отправления культа (женщины как «служители культа» и т.д.). Кроме меня на съезд епископом (Сербской церкви) г. Мукачево были приглашены проф. В.В. Зеньковский, проф. Л.А. Зандер. Общее количество участников съезда около 60 чел.

з) Участие в публичных собраниях, устраивавшихся т. назыв. «Религиозно-Философской Академией» в Париже по вопросам, связанным с критикой советского мировоззрения и, в частности, с критикой исторического материализма.

и) Участие в подготовке и проведении так назыв. «Религиозно-педагогических совещаний» в Париже. Та-

кие совещания имели место в 1928, 29, 30, 33 году. Они ставили своей задачей добиться организационного единства всей религиозно-педагогической работы, существовавшей в то время, как в Движении, так и в отдельных парижских приходах, и улучшения методов воспитания. Руководителем совещаний был проф. В.В. Зеньковский. Участниками — как руководители кружков РСХ Движения и кружков «Витязей» и «Дружины», так и руководители работы по отдельным приходам. Отчеты об этих собраниях были опубликованы в «Бюллетенях Религиозно-Педагогической работы».

Список руководителей перечисленных съездов

На съездах во Франции — профессора В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, Вышеславцев, Владимир Николаевич Ильин — оказался в эмиграции, насколько могу судить по беседам с ним, еще до войны 1914-17 г. Человек [пропуск в рукописи] политических убеждений, начавший с «левых» евразийцев и впоследствии считавший себя «правым евразийцем». Константин Васильевич Мочульский — как оказался в эмиграции — не знаю, принадлежал впоследствии к группе, организованной монахиней Марией (Елизавета Юрьевна Скобцова), «Православное дело», С.Н. Булгаков, митрополит Евлогий, до революции — принадлежавший к группе правых, в эмиграции — отказавшийся от связей с политическими правыми группировками, в связи с вопросом о подчинении митр. Московскому Сергию, но не выдержавший этого до конца; проф. Антон Владимирович Карташев — бывший член так назыв. «Временного правительства», оказавшийся в эмиграции, насколько могу припомнить, через Финляндию, человек по политическим убеждениям примыкавший к так назыв. «Национальному Центру»; (Карташев принимал участие только в первых съездах Движения во Франции (1927-1928 гг.). Впоследствии отошел от участия в жизни и работе Движения, считая Движение недостаточно политически активным и национально настроенным.

Д-р Л. Липеровский, проф. Л.А. Зандер.

Из иностранцев — от Федерации — в первых съездах (до 1929 года) большое участие принимал Густав Густавович Кульман, швейцарский гражданин, много помогавший в смысле организационного завершения Движения, человек левых христианских взглядов, представитель так называемого «социального христианства». Впоследствии, по личным обстоятельствам (развод и вторичная женитьба) порвавший с Федерацией, с участием в работе Движения и ушедший на работу в студенческих организациях Швейцарии.

От «Американского Христианского Союза молодых людей» (YMCA) Парижская группа — Павел Францевич Андерсон; секретарь YMCA и представитель ее для всех европейских «Христианских Союзов молодых людей» (Национальных YMCA). Американский гражданин; по воззрениям — левый, с социалистическим уклоном христианин, с большим вниманием и сочувствием относившийся «к социальному опыту в СССР», следивший за жизнью СССР по советским газетам и журналам. Впоследствии разочаровался в Движении, как неспособном «к широкому общественному объединению» и слишком нетерпимо церковному, и сблизился отчасти с группой «Православное дело», отчасти в порядке личных связей — с младороссами. П.Ф. Андерсон ведал и финансовой помощью, оказываемой YMCA Парижскому Единению Движения.

Эдгар Иванович Мак-Нотен, американский гражданин, второй секретарь Американского Христианского Союза молодых людей. В свое время принимал участие в работе «АРА» (американск. помощи во время голодных 1921–22 гг.) и бывавший в Советской России. Последнее посещение СССР у него было в 1927 году. Особенно интересовался работой с молодежью и, в частности, поддерживал Н.Ф. Федорова («Витязи») и в 1932 году умер.

Съезды в Чехии. Съезд 1926 года (на Сазове).

Руководители: И.А. Лаговский, А.И. Кубарев (упоминался ранее), Иван Павлович Георгиевский, сын профессора Павла Ивановича Георгиевского (Пражского Уни-

верситета, прежде — проф. Петербургского Университета по кафедре, если не ошибаюсь, римского права). Ив. Пав. Георгиевский — человек неопределенно-левых взглядов, стоящий вне активной политической жизни; все время жил в Праге; в последнее время, как человек владеющий европейскими языками, был секретарем так назыв. «Нансеновского оффиса» (международного), при быв. Лиге Наций (учреждение для обслуживания нужд всех так назыв. «беженцев», как русских, так и армянских и других).

Съезд 1928 года в с. Худобин (на Мораве).

Руководители: Г. Бобровский (упоминался), И.П. Георгиевский (упоминался), Н.Л. Лупандин (упоминался). Кроме того, в съезде принял участие (один доклад) профессор Александр Александрович Кизеветтер, ныне покойный, быв. профессор Московского Университета, принадлежавший к левым профессорским кругам.

Съезд в Худобине был последним съездом Движения в Чехии. После этого съездов в Чехии не устраивалось.

Съезд 1929 года в Печерском монастыре в Эстонии. Руководителем съезда был проф. Л.А. Зандер. В съезде принимали, в качестве лекторов и руководителей семинаров, участие проф. В.В. Зеньковский, д-р Л.Н. Липеровский, протоиерей Сергей Четвериков, И.А. Лаговский (все означенные лица уже были охарактеризованы раньше).

Религиозно-педагогическое совещание в начале января 1930 года в г. Режице — руководители проф. Л.А. Зандер и ныне покойный Иван Петрович Тутышкин, известный педагог, представитель так называемой «эмоциональной психологии», человек левых взглядов, бывший в то время директором Педагогического института и гимназии (русских) в Режице.

Съезд 1930 года в Пюхтицком монастыре — руководители — проф. Л.А. Зандер, проф. В.В. Зеньковский, протоиерей Сергей Четвериков и И.А. Лаговский (педагогический семинар).

Съезд 1930 года был предпоследним из съездов в Эстонии с участием лекторов и докладчиков из-за границы. Последний — состоялся в том же монастыре в 1932 году, но в нем я участия не принимал.

Съезд в Болгарии (апрель 1936 года). Руководителем и организатором съезда был студ. химик Ефим Моисеевич Наумов (упоминался). В качестве докладчиков выступали профессор Пашев — болгарин, получивший высшее образование в России, профессор этики в Софийском Университете, и я. Съезд, как я упоминал, был малочисленным — студенчество (русское) Софии почти не отозвалось на приглашение принять участие в съезде.

Дополнение. В 1930 г. — в Эстонии — после съезда в Пюхтицах — были по почину так назыв. Епархиального Нарвского Управления (русская часть эстонской православной церкви) — были организованы два съезда православного духовенства эстонской церкви: один — для духовенства Принаровья и Таллина в Пюхтицком монастыре (тотчас по окончании съезда Движения). В качестве докладчиков выступали проф. В. Зеньковский (Внимание к православию среди всего христианского мира), я (Основы религиозной работы с молодежью) и о. С. Четвериков (Пастырская работа); другой съезд — для духовенства Печерского края был проведен 2-5 августа в Печерском монастыре. Темы и докладчики были те же.

а) Моя организационная работа в Прибалтике.

Моя организационная работа в Прибалтике ограничилась, главным образом, пределами Эстонии. В Латвии мне пришлось пробыть около двух недель и выступить с докладами в Двинске, Режице и в Риге только в 1934 году весной. У меня в то время был эмигрантский (Нансеновский) паспорт. Доступ в Латвию с такими паспортами был ограничен до крайности. Позднее — в конце того же 1934 года латвийское правительство, признав РСХ Движение «организацией вредной для интересов латвийской государственности» (обвинение в «русификации» и в стремлении вовлекать в Движение и лиц латышской национальности) — закрыло студенческое христианское единение Латвии; отдельных членов подвергло преследованию (арест) и связи с латвийскими участниками Движения, а тем более поездки туда стали невозможными. За время с 1934 по 1938 год я бывал в Латвии только проездом, без остановок. В Литве вообще

работы Движения не было. Был единственный представитель РСХ Движения студент Университета, Евгений Иванович Соколовский, сын, кажется, учителя, без определенных политических убеждений, но он с 1934 года увлекся толстовством и связь его с Движением совершенно порвалась.

В Финляндии — был два раза — в 1935 г. и в 1937 г. во время поездки в Валаамский монастырь. В Финляндии Движение не имело организованной формы, состояло исключительно из женщин и то — в очень небольшом количестве. Мои выступления там ограничились прочтением докладов о Пушкине и «Основные моменты русского культурного пути» (в Выборге, в помещении так назыв. «Русского лицея») и в Гельсингфорсе — в «Русском клубе».

Переписка с Антониной Михайловной Жаворонковой — финской гражданкой, — Выборг, — человеком, жившим исключительно религиозными интересами, и Еленой Алексеевной Армфельдт (финская гражданка, служащая конторы, ограничивалась почти исключительно письмами к «праздникам»).

Что касается Эстонии, то моя организационная работа здесь выразилась:

а) в поездках по городам, с пребыванием от 10 до 14 дней, где существовали Единения Движения (Таллин, Нарва, Печеры), с целью помочь кружкам в их работе (составление для них программ, чтение в некоторых случаях докладов по просьбе того или иного кружка, преимущественно на темы специально религиозно-церковные или на темы религиозно-культурного характера, главным образом, из цикла «Пути русской культуры», в противоположность материалистическому ее пониманию) и оживить внимание русского общества к Движению. С этой целью устраивались открытые собрания с моими докладами, преимущественно на религиозно-культурные темы. Было несколько докладов (4-5 за все время), посвященных положению православн. Церкви вообще и положению православн. Церкви в СССР в частности.

б) В переписке с представителями так называемых «Деловых Комитетов» — выборных органов, стоявших во

главе отдельных Единений по вопросам работы, главн. образом в связи с теми или иными «трудностями» в работе на почве личных несогласий или на почве недоброжелательного и подозрительного отношения эстонских, как гражданских, так и церковных властей к работе Движения, как русской организации.

в) Подготовка к проведению так называемых «финансовых кампаний» — ежегодных кратковременных финансовых сборов, главных источников денежных средств Движения в Эстонии; в листовках по фин. налогам религиозная работа характеризовалась, как противоречивая работе безбожников.

г) В подготовке и организации так называемых «общих съездов Движения», выработке для них программ, приглашение докладчиков, в подготовке хозяйственно-материальной стороны их.

Такие съезды устраивались ежегодно в разных местах Эстонии. В частности такие съезды состоялись в 1935 г. — и в 1936 г. в местечке Визусти (близ Тарту). Общей темой была тема «Современность и христианство» с критикой, с одной стороны, фашизма, а с другой и коммунизма, в 1937 г. — в Симамяги (близ Нарвы) — общая тема «Пути русской культуры». Центральным вопросом был вопрос о противодействии безбожию среди молодежи. Этому вопросу были посвящены все семинары, в 1938 г. в Визусти — посвященный вопросам русской культуры и ее основ. Съезд ставил задачей повлиять на антирелигиозно настроенную часть окружающего населения, показав, что и интеллигентные люди живут вопросами веры. Общее количество участников съездов от 60 до 100 человек.

д) В организации работы с молодежью школьного возраста — с одной стороны в форме — для более младшего возраста — «Воскресных школ», с целью сохранения детей для религиозной работы, в выработке для школы программ, методических указаний для руководителей, в переписке с руководителями по вопросам работы в воскресных школах, — с другой — в форме «Дружины Витязей и Дружинниц», ставившей своей задачей воспи-

тание русской молодежи, граждан эстонского государства, в духе хранения своей русскости и в духе хранения верности религиозно-национальным вопросам русской культуры и православию, в противовес увлечениям безбожием и материализмом. Девизом Дружины было «За веру, за правду». Организационная работа в связи с воскресными школами и «Дружиной Витязей и Дружинниц» брала особенно много времени, так как формы работы и самая программа все время менялись, искали наиболее удачной формы работы. Дружина не успела оформиться окончательно, как в 1937 году — в связи с общим распоряжением о сосредоточении всей организованной работы с молодежью в ведении специального органа при Мин. Народ. Просвещения, работа эта должна была быть прекращена.

е) В подготовке и проведении, в связи с работой с молодежью, так называемых «педагогических дней» — общих собраний руководителей, как воскресных школ, так и кружков; «Дружины Витязей и Дружинниц» по вопросам главн. образом педагогически-психологическим и по вопросам ознакомления с практическими приемами занятий с молодежью. Такие «дни» были в 1934, 35 и 36 гг. в Таллине. Содержанием работы этих «дней» были с одной стороны мои сообщения-беседы по вопросам детской и юношеской психологии, а с другой — сообщения приглашенных для этой цели специалистов относительно организации игр, ручного труда, спорта и т.д. На «педагогических днях» религиозно-педагогическая работа освещалась, как работа, противодействующая распространению безбожия и приучающая молодежь быть готовой отстаивать свои религиозные убеждения и уметь их защищать.

ж) В созыве и подготовке совещаний представителей — председателей деловых комитетов по вопросам согласования работы отдельных Единений РСХ Движения Эстонии, устранения ее недочетов и установления расписания моих посещений городов для помощи работе местных Единений, особенно — в связи с организацией и установлением программы так назыв. «общих съездов Движения».

з) В подготовке и проведении кратковременных (от недели до десяти дней) летних колоний для молодежи, вовлеченной в работу Движения, как в воскресных школах, так и в кружках дружины «Витязей и дружинниц». В программу бесед и собраний, проводившихся в этих колониях, входило — с одной стороны — освещение основных вопросов жизни (семья, брак, смысл личной жизни, смысл культурной работы и т.д.) в религиозном духе, в противоположность как коммунистически-безбожному, так и фашистскому разрешению этих вопросов; с другой — разбор возражений против религии, и в частности, против православия со стороны неверия и безбожия. С этой целью в программу этих колоний включался обязательно вопрос об отношении между наукой и религией и критика материалистического мировоззрения. Такие колонии были проведены в Гунгенбурге (под Нарвой) в 1934 году, в местечке Пернац (на побережье, близ курорта Нарва) в 1935 году и в местечке Визусти в 1936 году. Эта колония была последней — в связи с указывавшимся выше общим распоряжением эстонского правительства о централизации всей работы с молодежью в руках Министерства Народного Просвещения.

и) В содействии в смысле выработки программы и личного участия в проведении двух-трехдневных съездов апологетически-призывного характера для молодежи, работающей как на фабриках, так и предприятиях. Целью этих съездов было пробуждение у молодежи интересов к религиозной жизни, убеждение ее в том, что русская культура покоится на религиозных основах и вырастает из них. Попутно ставился вопрос о материалистическом и коммунистическом понимании культуры и истории с целью показать несостоятельность такого понимания и доказать, что между верой и научным знанием нет противоречия.

Такие съезды имели место в 1937 и в 1938 году под Нарвой, в местечке Пернац; оба в августе месяце, и в 1939 году в пригороде рабочем Таллина — в Копеле. На последнем съезде был мой специальный доклад, посвященный вопросу о понимании библии безбожьем, главн. образом, по книге Е. Ярославского «Библия для

верующих и неверующих», и об отношении к библии и ее повествованиям в свете новейших данных (раскопки).

к) В участии в религиозно-культурных курсах, преимущественно для крестьянской молодежи, имевших место в городе Печерах. Курсы освещали вопросы культуры и культурного творчества в смысле указаний того, что культурное творчество в своем настоящем развитии связано с религиозными корнями и не может быть от них отрываемо. В противоположность материалистически безбожному пониманию человека обосновывалось понимание человека, как существа, не могущего обойтись без духовно-религиозной жизни.

л) В личном участии, путем помещения статей, дававших религиозное истолкование культуры и культурного творчества, в противоположность безбожному и материалистическому, в издававшейся в Печерах Н.Н. Пенькиным газете «Путь Жизни», и в содействии распространению этой газеты.

м) В участии и подготовке миссионерских выступлений по деревням, как Печерского края, так и Принаровья, по предложению Нарвского церковного Управления с целью противодействия распространению безбожия среди деревенского населения и подъема среди него религиозной жизни. Темами этих выступлений было указание на то, как много церковное учение дает человеку, и ответы на вопросы, поднятые в связи с проникновением в деревню антирелигиозной пропаганды.

н) В участии в выработке программы и в личных докладах, по приглашению церковных властей (Нарвского Епархиального Управления) в съездах духовенства. Среди специальных вопросов, касающихся улучшения жизни и положения духовенства, здесь ставился вопрос о поднятии религиозной работы среди молодежи в целях противодействия возрастающему влиянию безбожия и безбожной пропаганды и формам религиозной работы среди молодежи. В частности, священникам было предложено проводить усиленную работу по ознакомлению детей с христианской верой в школах и содействовать возникновению в приходах воскресных школ. Такие съезды имели место в Нарве в 1938 и 1939 году.

Активные участники Движения в Эстонии.

В качестве непосредственных активных участников РСХ Движения Эстонии могу, кроме себя, указать Владимира Федоровича Бухгольца, магистра естеств. наук Латвийского, а потом Тартуского Университета по кафедре ботаники; не эмигранта. По своим убеждениям В.Ф. Бухголец был представителем так называемых демократических взглядов. В течение четырех последних лет (1935-1939 г.) В.Ф. Бухголец был миссионером, работавшим среди деревень Печерского и Принарвского края, с разрешения Синода православной эстонской церкви. Он проводил так называемые евангельские беседы, г.о. в противовес усиливавшемуся в деревнях сектантскому влиянию. В.Ф. Бухголец был долгое время ответственным редактором газеты «Путь жизни» (Печеры) и председателем РСХ Движения Эстонии. В качестве такового он был председателем и ответственным распорядителем съездов Движения. В последнее время (1938 г.) обнаружил сильный уклон к гитлеризму, разошелся с Движением, отрицательно относившимся к национал-социалистическому течению, особенно — в связи с «расистским» — анти-семитским — принципом; отказался от председательствования и исполнения обязанностей ответственного редактора газеты «Путь жизни».

Осенью 1939 года, при отъезде эстонских граждан немецкой национальности из Эстонии, уехал в Германию.

Николая Николаевича Пенькина, сына крестьянина Печерского уезда, учителя народной школы. Н.Н. Пенькин — по убеждениям левый, с общим тяготением к социалистическому мировоззрению, со стихийным влечением к «русскости», всегда чувствовавший себя инстинктивно связанным с русским народом, увлекавшийся советской литературой, особенно же — в области сов. журналов и книг для детей. Пенькин, как русский, противодействовавший официально-правительственным стремлениям к эстонизации русских школ в Печерском крае, был на плохом счету у школьного начальства. Постоянный интерес к сов. изданиям и литературе подал повод к обвинениям его в распространении среди молодежи коммунистической периодической печати,

был обыск, и Пенькину угрожал арест. От ареста был спасен благодаря вмешательству секретаря Союза Просветительных обществ А.А. Булатова и, если не ошибаюсь, благодаря участию в его судьбе Алексея Кирилловича Янсона, быв. секретаря по русским национальным делам. Пенькин был деятельным членом Печерского Просветительного общества. В качестве активного работника РСХ Движения, начиная глав. образом с 1934 года был работником среди крестьянской молодежи Печерского края. При его участии возникло, как отдел Печерского просветительного общества, Крестьянское Христианское Движение, в порядке личных связей соединенное отчасти и с РСХ Движением, но по существу являвшееся автономным. Крестьянское Христианское Движение — не было официально оформленной зарегистрированной организацией. Кружки крестьянской молодежи существовали в 7-8 деревнях Печерского края, работали не регулярно, в зависимости от того, насколько могли их посещать сам Н.Н. Пенькин и Татьяна Евгеньевна Дезен (о ней после).

Основной формой работы были так называемые «районные съезды» — одно- или двухдневные собрания, с участием Н. Пенькина, Т.Е. Дезен, иногда — и моим. Главной темой таких районных съездов были темы культурного характера, призыв к необходимости духовной жизни и самосовершенствования, к необходимости переустройства личной жизни, особенно в области отношений между парнями и девушками, борьбы с пьянством и сквернословием. На некоторых районных съездах ставились и общие вопросы об отношении между верой и знанием; религиозно-культурный подход к вопросам жизни противопоставлялся материалистически-безбожному, с критикой последнего, давались ответы на вопросы, затрагиваемые антирелигиозной пропагандой. Зимой — во время Рождества — в Печерах проводились культурно-религиозные курсы с целью дать молодежи данные для укрепления себя в религиозной жизни и противодействия материалистически-безбожным взглядам и влияниям. Летом — отдельные представители кружков крестьянской молодежи привлекались к участию в летних съездах

РСХ Движения. Первые два года (1934 и 1935) были проведены и специальные религиозно-культурные съезды с преобладающим составом из крестьянской молодежи.

В 1938 г. (если не ошибаюсь) Н.Н. Пенькин школьным начальством не был утвержден в качестве учителя в той деревне, где он был избран, и ему дали понять, что вообще он не может рассчитывать на работу в качестве учителя в местностях с преобладающим русским населением. Оставшись без места, Н.Н. Пенькин посещал кружки крестьянской молодежи и зимой. На собраниях кружков, как правило, читались произведения русских классиков (Толстого Л.Н., отчасти — Н.С. Лескова, Тургенева и др.) и производился разбор, ставивший целью показать, что человек тогда живет настоящей культурной жизнью, когда он интересуется не только «непосредственной заботой о материальном благе».

Специальной, так назыв. «активной» антисоветской деятельности не вел. Его работа имела антисоветский характер постольку, поскольку была направлена на пробуждение религиозных интересов и противодействовала распространению среди молодежи материализма и безбожия, на распространение и укрепление среди молодежи убеждений противоположных.

В газете «Путь Жизни» иногда помещались заметки, отрицательно характеризовавшие отношение Советского Союза к религиозной жизни.

Н.Н. Пенькиным было организовано при газете «Путь Жизни» и издательство того же наименования. Издательство выпустило ряд книг и брошюр, посвященных вопросам религиозной культуры и вопросам так называемой духовной жизни, относительно внутреннего устройства человеком самого себя. Так как эти книги и брошюры содействовали укреплению взглядов, противоположных материалистическим и антирелигиозным, то эта деятельность в этом смысле была антисоветской.

3) Татьяну Евгеньевну Дезен, дочь мирового судьи, кончившую Тартуский Университет. По убеждениям — Т.Е. Дезен — представительница левых взглядов. Постоянным обвинением против нее было то, что она в своих

выступлениях постоянно указывает на образы женщин-революционерок, как на образец преданности идее и готовности жить согласно идеалу. По складу своего характера Т.Е. Дезен человек, перегруженный заботой о других с забвением себя. Благодаря ее энергии и настойчивости, ей удалось организовать в Печерах общежитие для учащейся молодежи. Общежитие имело в виду дать возможность талантливой деревенской молодежи продолжать учение в средней (гимназии) школе в Печерах. Т.Е. Дезен и сама добывала средства, путем сборов среди знакомых и русских благотворительных организаций и сама помогала учащимся заниматься. Параллельно с желанием дать возможность учиться, общежитие, организованное Т.Е. Дезен, имело в виду помочь и молодежи ремесленной, приезжавшей в Печеры учиться на «подмастерье» у тех или иных ремесленников, обеспечить для них угол, помочь их культурному развитию и отвлечь от обычной жизни ремесленных учеников и учениц.

Общий строй жизни общежития был религиозный, но специального подбора и давления не было. В общежитии уживались и верующие и неверующие. Между теми и другими шли часто споры и обсуждение вопросов, связанных с тем, что правильнее — верить или не верить.

В последний год (1938) Т.Е. Дезен удалось приобрести близ Печер участок земли и начать постройку дома (не закончена) с целью расширения работы по оказанию молодежи помощи, как в получении образования в школе, так и профессионального. Дом строился при непосредственном участии и помощи самой молодежи, бесплатно работавшей на постройке, а отчасти — доставлявшей и материал для постройки.

Кроме работы, связанной с ведением хозяйства общежития, и помощи молодежи в ее учебных занятиях (репетиторство), Т.Е. Дезен принимала участие в ведении регулярном нескольких кружков деревенской молодежи, еженедельно, по возможности, посещая эти кружки. Основной характер работы кружков — чтение литературных произведений с последующим разбором в направлении значения для человека вопросов духовной жизни.

В 1938 г. Т.Е. Дезен была на международном съезде христианской молодежи в Амстердаме. Послана была туда Движением РСХ Эстонии.

Относительно антисоветского характера работы Т.Е. Дезен можно сказать то же, что и относительно антисоветского характера деятельности и Н.Н. Пенькина — специфически антисоветской «активности» не было. Но общее направление и дух воспитания в общезжитии, равно как и в кружках, как имевшие задачей воспитание в религиозном направлении, были антиматериалистическими, противостоявшими антирелигиозно-коммунистическим воззрениям и влияниям.

Названными лицами и можно ограничить круг активных работников РСХ Движения Эстонии.

Остальные были активными постольку, поскольку были на время избираемы председателями деловых комитетов или вели в том или другом городе работу в качестве руководителей воскресных школ и кружков молодежи. Председатели и руководители обычно менялись почти ежегодно, и постоянная жалоба всех общих собраний при избрании председателей и руководителей была жалоба на то, что «нет людей», «некому работать». Председателями всех [деловых комитетов и руководителями кружков осуществлялась] связь РСХ Движения с другими организациями такого же направления.

РСХ Движение Эстонии находилось под общим руководством так называемого «Нарвского Епархиального Управления», органа, управлявшего постольку, поскольку это было ему предоставлено Синодом Эстонской церкви, русскими приходами в Эстонии, расположенными, глав. образом, в Принаровье. Русские православные приходы Печерского края в последние годы были насильственно изъяты из подчинения Нарвскому Епарх. Управлению.

Связь РСХ Движения с Нарвским Епарх. Управлением выражалась в том, что Движение должно было ежегодно предоставлять Епархиальному Управлению отчет о своей деятельности и о своих финансах. По поручению Нарвского Епархиального Совета мне лично приходилось

принимать участие, как я и указывал, в миссионерских выступлениях в деревнях и съездах духовенства.

Связи с Синодом Эстонской церкви у Движения не было. Эстонские правящие круги относились к Движению с предубеждением, как деятельности, препятствующей эстонизации, особенно Печерского края. Попытки Движения получить разрешение на открытие в Печерском крае воскресных школ Синодом регулярно отклонялись. Связь выражалась в том, что я, посещая официально м. Александра, делал попытки рассказывать ему о работе Движения, но этим все и ограничивалось.

В съездах духовенства Движение не участвовало. Если я и принимал участие в съездах духовенства, как я указывал выше, то по персональному приглашению.

С деятельностью организации «Прибалтийская помощь России» Движение соприкасалось случайно. О деятельности общества и его задачах я знал и знаю на основании печатного сообщения этого общества о своей деятельности. Центр его, насколько знаю, был в Риге — пастор Шаберт.

«Общество» хотело содействовать религиозному подъему и среди русского населения Прибалтики, распространению Евангелия и пробуждению к нему интереса.

Оно оплачивало работу двух миссионеров в Эстонии — упоминавшегося мною В.Ф. Бухгольца и Георгия Евгеньевича Вейгелина, быв. морского офицера, в свое время командовавшего руслоуглубительной машиной на Нарве, политических убеждений которого не знаю, работавшего в качестве миссионера в деревнях, глав. образом, Принаровья и хорошо известного местному населению. Близко мне с Георгием Евгеньевичем Вейгелиным соприкасаться не приходилось.

В.Ф. Бухгольцем были организованы два совместных съезда русского православного духовенства и лютеранского. Оба съезда проходили в Нарве, первый в 1932 г. — на нем я не был, и второй в 1935 году. В нем я принимал участие. Задачей съездов было сближение между духовенством двух ветвей христианства.

Основная работа выражалась в совместном чтении с разбором мест свящ. писания. Никаких специальных

вопросов не обсуждалось, не было принято и никаких решений. Идея сближения, после двух попыток, заметна [так в тексте].

«Общество прибалтийской помощи» вело среди русского населения, по указаниям миссионеров Бухгольца и Вейгелина, и благотворительную работу, отправляя в наиболее бедные районы платье, обувь, собранные среди городского лютеранского населения. Как велики были размеры этой помощи, сказать не могу; слышал о ней в общих чертах. Кроме того, «общество» имело свой детский сад для русского населения в посаде Черный (Мустве).

В мае или июне 1939 года сад был ликвидирован. Через посредство В.Ф. Бухгольца Движение получило для поддержки двух детских садов в Нарве небольшую поддержку — в размере 200 крон эстонских в год. Поддержкой детские сады в Нарве пользовались в 1938 и 1939 гг.

Общество собирало средства и помогало лицам, имевшим родственников и знакомых в СССР и желавшим послать туда посылки, частично оплачивая — по просьбе отправителей — стоимость посылок. К этой работе Движение отношения не имело.

В последние два года (конец 1939 и 1940) Движение соприкасалось в своей работе среди детей с отделом Союза просветительных обществ, «Обществом содействия дошкольному воспитанию детей». Связь выражалась в обсуждении планов общества относительно открытия детских садов в русских деревнях, а также в подготовке к организации двухгодичных (по летним месяцам) курсов для подготовки дет. садовниц. Предполагалось, что часть членов-женщин в РСХД пройдет эти курсы. Курсы, намечавшиеся на июль-август 1940 г. (первое полугодие) не состоялись.

Мои личные заграничные связи.

В Париже. Кроме упоминавшихся деятелей Движения, встречался и имел нерегулярную переписку из Эстонии с 1) Михаилом Михайловичем Федоровым, с которым в бытность в Париже встречался по вопросу

общежития студентов, арендовавшим одно время помещения для общежития на Montrapasse 10.

М.М. Федоров — человек так называемых «национальных убеждений», входил в состав группы, если не ошибаюсь, «Национальное объединение». На этой почве у меня ни связей, ни соприкосновения ни с ним, ни с его группой не было. М.М. Федоров был председателем «Общества содействия получению русской молодежью за границей высшего образования». По его просьбам помещал в «Вестнике РСХ Движения» воззвание о сборе средств для данного общества. Из Эстонии один раз обратился к нему с просьбой предоставить стипендию одному студенту-медику последнего курса, вынужденному из-за отсутствия средств бросить университет. Просьба была исполнена и маленькое пособие было дано. Студент — теперь [пропуск в рукописи] — Григорий Богданов, человек определенных просоветских взглядов, безбожник и крайний левый.

2) Евграф Петрович Ковалевский, член Парижского Епархиального Управления, деятель по вопросам организации дополнительных занятий с русской молодежью, обучавшейся во французских школах. Политических взглядов его точно не знаю; встречался с ним по вопросам, связанным с делом организации дополнительных занятий. В переписке из Эстонии с ним не состоял.

3) Илья Исидорович Фондаминский-Бунаков. Человек, раньше примыкавший к соц.-революционерам. Отношение его к этой группировке в последнее время не известно. Встречался с ним потому, что одно время (в 1929 г.) предполагалось организовать кружок для взаимных встреч так назыв. «левых», интересовавшихся христианством, с членами «РСХ Движения зарубежом». Из этих встреч ничего не вышло. Встречался с Фондаминским на собраниях религиозно-философской академии. Из Эстонии написал ему одно или два письма, касательно получения на льготных условиях журнала «Современные Записки». Из обращения ничего не вышло.

4) Вадим Петрович Руднев, соц.-революционер — бывший моск. городской голова. Должен был бы быть членом кружка, намечавшегося у Фондаминского и не

сорганизовавшегося. Личного близкого знакомства с Рудневым не было. Из Эстонии писал ему однажды в связи с его запросом относительно возможности (условий) набора и изготовления матриц для журнала «Современные Записки» в типографии Матизен (Тарту). Предполагавшееся перенесение печатания «Совр. Записок» (ввиду дешевизны) в Эстонию не состоялось.

5) Владимир Васильевич Вейдле, бывший доцент Петербургского Университета, по убеждениям левый, знаток истории искусства. Как оказался в эмиграции — не знаю. Встречался с ним на собраниях, посвященных вопросам искусства (Религ.-Философ. Академия) и на съездах Движения. Из Эстонии писал ему относительно издания книги Вейдле «Умирание искусства», изданной издательством «Путь Жизни» в 1938 году.

6) Проф. Георгий Петрович Федотов, человек левых взглядов, христианский социалист. Одно время был редактором (глав.) журнала «Вестник» РСХ Движения. После расхождений по вопросу об оценке деятельности митр. Сергия Московского (Федотов считал его отступившим от Христа) наши отношения порвались. Из Эстонии обращался к нему с просьбой дать статью для журнала «Вестник», но получил отказ.

7) Проф. Николай Сергеевич Тимашев, бывший проф. Петербургского Университета, затем профессор в Праге. Человек, по политическим взглядам примыкавший к левым. В Париже он позднее принимал участие в газете «Возрождение». Отношения порвались в 1928-29 году, после перехода Тимашева на работу в газету «Возрождение».

8) Игорь Платонович Демидов, по убеждениям левый, сотрудник, а затем и соредaktor газеты «Последние Новости», издаваемой Милюковым. С Демидовым встречался по церковным вопросам, особенно в период разделений между митр. Евлогием и Карловацким монархическим Церковным Управлением. В переписке с ним и случайной не состоял.

9) Андрей Вадимович Морозов, левый, эвакуировался из Одессы, поступив матросом на пароход «Долланд». За границей — кончил Политехникум в Берлине и получил

диплом инженера. В последнее время работал в качестве инженера-конструктора на заводе [пропуск в рукописи] в Париже, а затем — в [пропуск в рукописи]. Андрей Вадимович Морозов в течение ряда лет был председателем Парижского Единения Движения (до 1933 или 1934 года). С ним были дружеские связи и более или менее регулярная дружеская переписка и из Эстонии.

10) Клавдия Михайловна Перешнева, дочь лесопромышленника из Архангельска, по убеждениям левая демократка. Когда и как оказалась в эмиграции — не знаю. В эмиграции работала в качестве машинистки и конторской служащей сначала в YMCA (Американский христианский союз молодых людей), а затем — в том же положении (в качестве машинистки) в РСХ Движении (в Париже) до 1933 г., затем — в студенческом общежитии для американских студентов в Париже, после же закрытия — в ректорате в Университете в Руане (Франция). С К.М. Перешневой была более или менее регулярная дружеская переписка и из Эстонии.

11) Кирилл Шевич — по убеждениям младоросс, один из организаторов этого течения. Как он оказался в эмиграции — не знаю. Встречался с ним в связи с тем, что Шевич постоянно интересовался положением религиозной жизни в СССР. В «Вестнике» был помещен ряд обзоров положения православной церкви в СССР, написанных Шевичем. Особенно часто встречался с ним в период 1927-30 года — в дни смут в эмиграции в связи с посланием м.Сергия. Шевич был ярым «сергиевец». Впоследствии, в связи с увлечением К. Шевича младоросским движением, связи ослабели до полного разрыва. В переписке с ним не состоял.

12) Александр Иванович Чекан, бывший белый офицер, впоследствии — священник под Парижем. По взглядам — левый. Долгое время был техническим секретарем (служащим) Парижского Единения РСХ Движения. В переписке с ним, кроме приветствий к праздникам, не состоял.

13) Дональд Иванович Лаури (Lawrie) — христианский социалист, американский гражданин; в 1924-26

году секретарь Америк. Христ. Союза молодых людей — (УМСА) в Праге, затем — в 1930–31 году — секретарь УМСА в Югославии и, наконец, с 1934 года — управляющий домом общежития для студентов-американцев в Париже (Американский студенческий дом в так называемом «Университетском городке Парижа»).

Д.И. Лаури интересовался религиозной жизнью в Советском Союзе, написал книгу о православии вообще. В переписке с ним, после отъезда в Эстонию, не состоял, если не считать обмена приветствиями к празднику Нового Года и Рождества.

14) Профессор Георгий Васильевич Флоровский — бывший доцент Новороссийского университета, эвакуировавшийся из Одессы, в армии не служивший, без определенных политических взглядов, видный богослов, сторонник сближения Православной церкви с Англиканской; жил исключительно богословскими и научно-литературными интересами. С ним была редкая (одно-два письма в год) переписка и из Эстонии.

В Праге. 1) Проф. Альфред Людвигович Бем — быв. преподаватель Петербургского Университета, по убеждениям левый, знаток Достоевского. В Праге я принимал участие (делал доклад о В.В. Розанове) в семинаре, который вел А.Л. Бем. В переписке с ним не состоял, кроме одного случая, когда А.Л. Бем запрашивал об условиях издания книги в Тарту, и предложения подписаться на выпускаемый проф. труд о Достоевском.

2) Епископ Сергей (Пражский), быв. епископ Бельский, высланный в Чехию из Польши за отказ подчиниться польскому церков. начальству. Сергей — без определенных политических убеждений, принимавший у себя и правых и левых, и верующих и неверующих. Познакомился с ним в мою бытность студентом в Чехии. Поддерживал с ним нерегулярную переписку.

3) Иван Павлович Георгиевский — характеристику его дал выше. В переписке с ним за последние три-четыре года не состоял.

В Софии (Болгария). 1) Митрополит Стефан — принимал меня, как «одноклассника». Мы оба кончали Киевскую Духовн. Академию. Кроме личных посещений при

приезде моем в Болгарию (1936 г.) встреч не было, переписки — тоже.

2) Протоиерей Стефан Цацков (болгарин). Встречался с ним несколько раз в Париже, где он бывал несколько раз. Известный болгарский профессор, участник всех крупных международных христианских научных конференций и съездов, деятель так называемого «экуменического» (по воссоединению отдельных ветвей христианства) движения. В переписке с ним не состоял.

3) Проф. С. Пашев (болгарин), профессор этики в Софийском университете. Знаком с ним еще по киевской Академии — Пашев был студентом IV курса, когда я поступил в Академию. С Пашевым объединял интерес к вопросам христианской педагогики. Несколько статей Пашева было помещено в «Бюллетене Религиозно-Педагогической работы». В переписке с ним не состоял.

4) Протоиерей Георгий Шавельский. — Познакомился с ним в Париже, куда он приезжал в 1926 году ввиду предполагавшегося приглашения Шавельского в состав преподавателей Парижского Богословского Института. В Софии, во время приезда туда в 1936 году, виделся с ним раз или два. В переписке с ним не состоял.

5) Варвара Павловна Кузьмина, педагог, директриса гимназии в Софии. Ознакомление с воспитательной работой в гимназии Кузьминой, предлагавшей установить более тесную связь ее гимназии с РСХ Движением, и было одной из основных причин моей поездки в Софию в 1936 г. Воспитание в гимназии (полуправительственной-получастной) велось в духе Института старого времени. Из переговоров — ничего не вышло. В переписке — не состоял.

6) Григор Петрович Лапинов, студент-болгарин, секретарь Федерации для Болгарского Студ. Христианского Движения. Встречи с ним носили официальный характер, касались вопроса о докладе, который я мог бы сделать для студ. кружков болгарских. В переписке — не состоял.

В Белграде (Югославия) связей ни с кем не было, и в Югославии, после разгрома Югославской группы в 1928 г. (окончательного) не приходилось бывать.

В Берлине, кроме упоминавшегося мною Влад. Георгиевича Слепьяна, встречался с:

1) Проф. Семеном Людвиговичем Франком, особенно в связи с его желанием попасть в состав профессуры Богословского Института в Париже.

2) Проф. И. Стратоновым, левым по убеждениям, известным защитником церковной линии митр. Сергия Московского. Встречи касались вопроса о печатной защите правильности позиции митр. Сергия. В переписке со Стратоновым не был.

3) Архимандритом Иоанном (бывший Шаховской, издатель и редактор кратковременного журнала, если не ошибаюсь, под названием «Благонамеренный», потом — отказавшийся от литературы и ставший монахом).

Шаховской, по убеждениям тяготевший в последнее время к фашизму, автор целого ряда книжек и брошюр по «юбилейным вопросам» (о Пушкине, о Тютчеве), пользовался среди части эмиграции, особенно в Берлине, большими симпатиями и влиянием.

Ввиду моего отрицательного отношения к характеру его направления, связь с Шаховским ограничилась личными визитами при проездах через Берлин. В переписке с ним не состоял.

4) Владимир Митрофанович Федоровский — уже упоминавшийся мною в качестве руководителя берлинского кружка в первые годы существования РСХ Движения в Берлине. Левый, женат был на еврейке. В связи с этим — в последнее время оказался в невыносимом положении. Обменялся с ним несколькими письмами (1936–37 г.), так как он надеялся, что можно переехать в Эстонию. Я указал ему, что ничего сделать нельзя — никого не впускают и разрешений на жительство ни в коем случае не дают.

В Англии — Лондон. 1) Ксения Михайловна Брайкевич (сейчас замужем за англичанином, фамилии его не знаю), о ней упоминал. С ее отцом не встречался.

2) Проф. Коренчевский. Человек неопределенно-левых взглядов. Одно время был членом Совета РСХ Движения от Англии. Впоследствии — хотел создать какое-то объединение эмиграции, выступал с разными

предложениями по этому поводу; от участия в Движении отказался еще в 1930–31 году. С тех пор я с ним не встречался.

3) Протоиерей Николай Беер, ныне умерший, — бывш. дипломат, принявший священство; по политическим убеждениям правый. Встречи с ним носили случайный характер — в тех случаях, когда он приезжал по делам прихода в Лондоне в Париж. После моего отъезда из Парижа связь порвалась. В переписке никогда с ним не был.

Из иностранных кругов.

1) Доктор Джон Мотт — американец, крупный деятель Американского христианского союза молодых людей и Всемирной Студ. Христианской Федерации. Встречался с ним три или четыре раза в Париже во время его приезда туда по делам YMCA и собраний, устраиваемых YMCA по этому поводу. В личном общении с ним не был — из-за незнания английского языка; в переписке — не состоял.

2) Henriot — француз, представитель так называемого христианского социального направления. Henriot был сначала деятелем — тов. председателя — Всемирной Студенческой Федерации, а затем, приблизительно с 1933 года, председателем «Комитета по сближению между церквами на основе социальной работы» (Женева, Rue Calvin, 13). Однажды (в 1935 или 1936 году) Henriot проездом в Швецию был в Эстонии. Общение с ним затруднилось моим неумением говорить по-французски. В переписке с ним не состоял.

3) Visser't Hooft — голландец, секретарь Всемирной Студенческой Федерации, человек так назыв. левых христианских взглядов, автор книг о социальной природе христианства. Лично встречался с ним в Париже; при беседах (через переводчика) речь шла главн. образом о духов. состоянии русской молодежи. По предложению Туфта я писал (по-русски) заметки о качествах, необходимых для современного лидера христианской молодежи. Связь с Туфтом выразилась в том, что он время от времени присылал мне официальные отчеты о деятельности Всем. Студ. Федерации, программы предпо-

лагаемых съездов, некоторые книги, выпущенные Федерацией в связи с подготовкой к съездам. В переписке с Туфтом я не состоял, кроме отписок с благодарностью за присылку материалов.

4) Espu — швейцарский гражданин, секретарь Комитета помощи молодежи через церкви (Женева), представитель «левого христианства». Познакомился с ним в Эстонии. Espu приезжал в Эстонию со специальной миссией — выяснить отношение церковных властей, как лютеранских, так и православных, к участию церковных кругов в международном съезде христианской молодежи, намечавшемся в августе месяца 1938 года в Амстердаме. В беседе с Espu просил его предоставить одно место и представителю РСХ Движения Эстонии. Просьба была исполнена. В связи с этим обменялся с Espu одним или двумя письмами. В съезде участвовала Т.Е. Дезен.

5) E. House — англичанин, представитель социального движения Англиканской церкви, секретарь Всемирной Студ. Федерации (до 1937 г.). House с большим вниманием относился к нуждам РСХ Движения. Благодаря ему, Федерация оказывала материальную поддержку центру зарубежного Движения в Париже. Мои сношения с ним ограничивались тем, что проф. Зандер перевел два раза для него мои рассказы о съездах в Эстонии (1936 и 1937 гг.). (Из отчета, напечатанного в журнале «Вестник РСХД»). В переписке с ним не состоял. С 1938 года House покинул работу в Федерации.

6) Bidgrin — француженка, специальный работник Всем. Студ. Федерации. Была в 1935 году в Эстонии, куда приезжала по делам о вступлении эстонского (национального) Студ. Христианского Движения в Федерацию. Из усилий помирить Эстон. Студ. Христианск. Движение с Федерацией ничего не вышло. Bidgrin, с которой я встречался еще на съездах РСХ Движения во время ее пребывания в Тарту, жила в нашем доме. Связи в дальнейшем не было, не считая ежегодных праздничных приветствий.

7) Проф. А. Keller (Женева), председатель международного сотрудничества через посредство церквей. Взглядов его не знаю.

В связи с представительством по сбору заказов на посылки в СССР через контору «Траффик» (смотри в моем официальном показании) получил письмо послать посылку по приложенному адресу. Поручение было выполнено. Лично с ним никогда не встречался. Знаю только, что он несколько раз помогал материально Парижскому Богословскому Институту.

Связь РСХ Движения с белоэмигрантскими кругами.

Организационных связей РСХ Движения с белоэмигрантскими кругами и организациями не было. РСХ Движение в своей работе было связано, как и указывалось, исключительно с церковными кругами и отчасти приходами.

При своих фин. кампаниях Движение обращалось с просьбами о финансовой поддержке к лицам, отчасти учреждениям (конторы, предприятия и т.д.), но не к организациям.

В Эстонии — Движение входило в состав так называемого «Союза просветительных и благотворительных русских организаций Эстонии». Связь выражалась в уплате членского взноса, в выписке журнала «Союза просвет. обществ» и в посылке делегата на так называемые «делегатские съезды» Союза.

В Тарту — представитель Движения участвовал в «объединенных собраниях представителей местных русских организаций». Эти собрания представителей не были постоянным органом и созывались, глав. образом, в связи с вопросом об устройстве так назыв. «Дней русской культуры» или для обсуждения вопросов о защите прав русского национального меньшинства.

6) Относительно связей отдельных представителей РСХ Движения с консульствами и контр. разведками могу сказать, что о связях с контрразведками я лично ничего не знаю и ни о ком из членов Движения таких сведений не имею.

Что касается связи с консульствами, то в Эстонии, насколько я знаю, у членов Движения ни с одним из консульств связей не было.

Что касается Парижа, то все дела, касавшиеся виз и других вопросов, связанных с этим, брало на себя обы-

кновенно УМСА, пользовавшееся большими связями в этом отношении. На международные же съезды соответствующие визы высылались той организацией, которая устраивала съезд (Федерацией, УМСА, «Сотрудничеством между церквами» и т.д.).

Профессора, бывавшие на международных христианских съездах, в порядке личных встреч и знакомств с представителями других христианских вероисповеданий, приобретали круг влиятельных знакомых и это иногда облегчало возможности получения разрешений на въезды (визы).

Показания записаны собственноручно 4, 6 и 9 сентября 1940 года. И. Лаговский.

Допросил: Следователь УНКВД ЛО — Мл. лейтенант ГБ: И. Мусатов.

С подлинным верно Мусатов.

ПРОТОКОЛ ПЯТОГО ДОПРОСА

от 14 сентября 1940 года

Допрос начался в 12 часов.

Вопрос: На предыдущем допросе вы показали, что в 1933 г. из Парижа в Эстонию вы приехали по заданию руководящего центра РСХД, так это?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: Какое вы получили задание от руководящего центра РСХД?

Ответ: Я был послан руководящим центром «РСХД» в Эстонию для идейного руководства и усиления работы РСХД в Прибалтийских странах.

Вопрос: То есть, для усиления антикоммунистической деятельности в Прибалтийских странах?

Ответ: Поскольку «РСХД» по существу являлось организацией антикоммунистической, моя задача была идейно руководить и усилить антикоммунистическую деятельность в Прибалтийских странах.

Вопрос: Расскажите о вашей антисоветской деятельности в Прибалтийских странах, которую вы проводили по заданию руководящего центра «РСХД».

Ответ: Моя антикоммунистическая деятельность в основном ограничивалась пределами Эстонии.

В Латвии мне пришлось быть всего один раз в 1934 году, где я пробыл около двух недель, выступал с докладами в Риге, Двинске и Режице.

В этом же 1934 году Латвийское правительство признало РСХД организацией, вредной для государства, и закрыло его. После этого я в Латвии бывал только проездом без остановок. — В Литве вообще работы движения не было, был единственный представитель «РСХД» — студент Каунасского Университета — Евгений Иванович Сокольский, впоследствии увлекся толстовством и с Движением порвал. В Финляндии был два раза в 1936 г. и в 1937 году, во время поездки в Валаамский монастырь. В Финляндии я выступал с докладами в Выборге в помещении так называемого «русского лицея» и в Гельсингфорсе в Русском клубе, один мой доклад был о Пушкине, а второй «Основные моменты русского культурного пути». Имел переписку с членом РСХД в Финляндии Жаворонковой Антониной Михайловной, проживающей в Выборге, и Еленой Авксеньтьевной Арнфельдт.

Организовать работу массового движения в этих странах не удалось по разным причинам. Моя антикоммунистическая деятельность в Эстонии конкретно выражалась в следующем: я, как идейный руководитель РСХД в Эстонии, разъезжал по городам — Таллин, Нарва, Печеры с целью организации помощи кружкам в их работе, составлял программы для кружков, выступал с докладами на темы специально религиозного характера, в которых высказывался против коммунистического учения, осуществлял руководство «деловыми комитетами», стоящими во главе отдельных единений, проводил подготовку к

проведению так называемых «финансовых кампаний» для устраиваемых ежегодных денежных сборов, что являлось главным источником финансовых средств Движения; с этой целью Движение выпускало специальные листовки-воззвания. Проводил работу по подготовке и организации так называемых общих съездов Движения, которые устраивались ежегодно в различных местах Эстонии, на которых общей темой были «Современность и Христианство», «Пути русской культуры» и пр.

Такие съезды были в 1935 и 1936 гг. в местечке Визусти, близ Тарту, в 1937 г. в Симгамет, близ Нарвы в 1938 г. и Визусти, в 1939 г. в селе Ольгин Крест. На съездах участвовало от 60 до 100 человек. Центральным вопросом был вопрос о противодействии безбожью среди молодежи и критика с одной стороны фашизма, а с другой и коммунизма. Организовывал работу с молодежью школьного возраста в форме организации «Воскресных школ», «Дружин Витязей» и «Дружинниц», задачей которых было воспитать молодежь в антикоммунистическом духе, в духе хранения верности религиозно-национальным основам и православию, быть готовой к противодействию распространения безбожья, уметь отстаивать свои религиозные убеждения и защищать их. Созывал совещания представителей-председателей деловых комитетов по вопросам согласованности работы отдельных единений РСХД Эстонии. Руководил подготовкой и проведением кратковременных летних колоний для молодежи, вовлеченной в работу Движения, как в воскресных школах, так и в кружках дружин «Витязей» и дружинниц. Колонии созывались сроком на семь или десять дней, в программу бесед и собраний, проводившихся в колониях, входило освещение основных вопросов жизни: семья, брак, смысл личной жизни, культурной работы, в религиозном духе, в противоположность коммунисти-

ческому, антирелигиозному разрешению этих вопросов. В программу входило также обсуждение вопроса об отношении между наукой и религией и критика материалистического мировоззрения. Такие колонии проводились в Гугенбурге (под Нарвой) в 1934 г., в мест. Пернац на побережье близ курорта Нарва в 1935 г. и в местечке Везусти в 1936 г.

Были проведены три съезда рабочей молодежи в 1937-1938 г. под Нарвой и в 1939 г. в Коппеле при гор. Таллине. Целью этих съездов было пробуждение у молодежи интереса к религиозной жизни, организовывали курсы для крестьянской молодежи в гор. Печерах, задачей которых являлось воспитание молодежи в антикоммунистическом духе.

Принимал участие в газете «Путь Жизни», орган «РСХД», издаваемый Пенькиным, где печатались мои статьи антикоммунистического направления.

По предложению Нарвского церковного управления участвовал в подготовке миссионерских выступлений по деревням, как в Печерском крае, так и в Принаровье, с целью противодействия распространению безбожья среди деревенского населения и подъема среди него религиозной жизни. Участвовал в съездах по приглашению Нарвского Епархиального управления, где собиралось духовенство и обсуждало вопросы улучшения жизни и положения духовенства, а также вопросы о поднятии религиозной работы среди молодежи, в целях противодействия все возрастающему влиянию безбожья.

Вопрос: Этим ваша антисоветская деятельность и ограничивалась?

Ответ: Никакой другой антисоветской деятельности РСХД и я лично в Прибалтийских странах не проводило.

Вопрос: Почему вы не говорите о более активных методах борьбы «РСХД» с Советской властью?

Ответ: Никакой другой активной борьбы с Советской властью РСХД не проводило.

Вопрос: Вы правильно показываете?

Ответ: Да, я говорю правду.

Вопрос: На предыдущем допросе вы показали, что РСХД стояло на позициях активной борьбы с Советской властью, а сейчас заявляете, что РСХД никакой активной борьбы не проводило.

Ответ: РСХД вело активную борьбу с Советской властью, но не применяло активных методов борьбы, а ограничивалось активной идеологической борьбой и подготовкой кадров будущих активных борцов с Советской властью: я имею в виду дружину «Витязей».

Вопрос: Какие связи РСХД имелись в СССР?

Ответ: Связей с СССР РСХД не имело, и никогда не было сделано попыток для установления таких связей, так как РСХД считало это дело беспочвенным.

Вопрос: А разве РСХД не посылало своих эмиссаров в СССР?

Ответ: Об этом мне ничего не известно.

Вопрос: Назовите активных участников РСХД в Эстонии?

Ответ: Из активных участников РСХД в Эстонии могу назвать: Бухгольц Владимир Федорович, в последнее время миссионер, в 1938 году обнаружил сильный уклон к гитлеризму, с Движением разошелся. Осенью 1939 года уехал из Эстонии в Германию.

Пенькин Николай Николаевич, показывал о нем ранее.

Татьяна Евгеньевна Дезен, о ней тоже показывал на предыдущем допросе.

Вопрос: Расскажите о их антисоветской деятельности более подробно.

Ответ: Бухгольц был долгое время ответственным редактором газеты «Путь Жизни» и председателем РСХД в Эстонии, в качестве такового он был и ответственным руководителем — председателем и распорядителем съездов Движения. Антикomm-

мунистическую деятельность проводил через газету, в которой печатались статьи антисоветского характера, и как миссионер разъезжал по деревням с докладами, в которых также выступал против коммунистического учения. Пенькин Николай Николаевич, инструктор РСХД, после ухода Бухгольца, был руководителем газеты «Путь Жизни», был деятельным членом Печерского Просветительного общества. В качестве активного участника РСХД, был работником среди крестьянской молодежи Печерского края, при его участии возникло, как отдел Печерского Просветительного Общества, Крестьянское Христианское движение, в порядке личных связей соединенное с РСХД, кружки этого движения существовали в 7-8 деревнях Печерского края. Его работа имела антисоветский характер, поскольку она была направлена на пробуждение религиозных интересов и противодействовала распространению среди молодежи материализма и безбожья, на распространение и укрепление среди молодежи антикоммунистических убеждений. В газете «Путь Жизни» помещались заметки, отрицательно характеризовавшие отношение к Советскому Союзу. Н.Н. Пенькиным было организовано при газете «Путь Жизни» и издательство того же наименования. Издательство выпустило ряд книг и брошюр, посвященных вопросам религиозной культуры и духовной жизни. Так как эти книги и брошюры содействовали укреплению взглядов, противоположных коммунистическому учению, то эта деятельность была также антисоветской. — Дезен Т.Е., дочь мирового судьи, руководила кружками деревенской молодежи, по ее инициативе было организовано общежитие для студенческой крестьянской молодежи в Печерах и дом для клуба. Направление и дух воспитания молодежи в общежитии, а равно и в кружках, которыми руководила Дезен, был антисоветский.

Больше об антисоветской деятельности участников РСХД, Бухгольц, Пенькина и Дезен, ничего не известно.

Вопрос: Расскажите о связи РСХД с другими антисоветскими организациями.

Ответ: РСХД по своей антикоммунистической деятельности было связано с организацией «Всемирная студенческая Христианская Федерация», «Американский и Христианский Союз молодых людей» (УМСА), Союзом просветительных обществ в Эстонии «Прибалтийская помощь России». Целью контакта с указанными организациями было создание единого антикоммунистического фронта, конкретная связь РСХД с УМСА и международной федерацией осуществлялась через участие руководителей РСХД за рубежом в устраиваемых данными организациями съездах, лично я на этих съездах не участвовал. С обществом «Прибалтийская помощь России» связь осуществлялась через Бухгольца, который был председателем РСХД в Эстонии. Общество проводило благотворительную работу по оказанию помощи нуждающимся русским, а также вело и миссионерскую работу в Эстонии через миссионера Бухгольца и Вейгелина. Руководящий центр общества находился в Риге. С русским просветительным обществом РСХД имело связь по работе среди молодежи и входило в Союз просветительных обществ на правах отделов.

Вопрос: Расскажите поподробней о вашей антисоветской деятельности в Париже и Праге.

Ответ: В Париже моя антисоветская деятельность выражалась в писании и печатании в журнале РСХД «Вестник» статей, сводок, выдержек из советских газет, отрицательно рисовавших положение православной Церкви в СССР, с критикой, иногда резкой, мероприятий Советской власти в этом направлении. Две или три статьи такого рода были мною помещены в журнале «Путь» в Па-

риже. (Статьи — «Там, где с Богом борются» и «Коллективизация и Религия»).

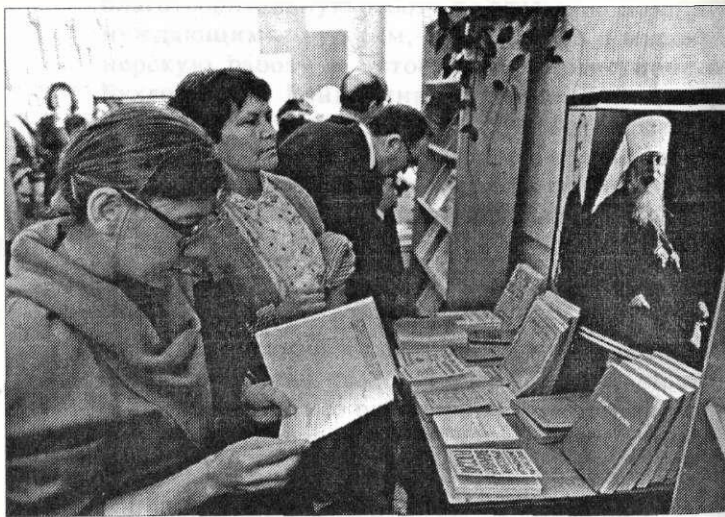
В участии в разработке программ так называемого «целостного религиозного воспитания» антиматериалистического и антикоммунистического, и пропаганде, преимущественно устной (путем семинаров, на съездах), идей целостного религиозного воспитания. В печатной и устной критике педагогической системы и отдельных педагогических мероприятий Советской власти. В докладах устных, посвященных изображению духовного состояния в Советской России, читаемых мною на съездах, как во Франции, так и в других странах, где была работа Движения — Чехословакия, Болгария, Латвии, Эстонии, Подкарпатская Русь, в которых я проводил антисоветскую пропаганду.

Вопрос: Назовите ваши связи с границей и дайте характеристику этих связей.

ТРИ ДНЯ НА ЧЕРНОЗЕМЬЕ

Все большее количество крупных и малых городов России становятся обладателями книжных даров издательства «ИМКА-Пресс». Наследие выдающихся писателей и мыслителей обретает новые формы существования, создавая особое пространство, отмеченное высочайшей степенью духовной концентрации.

Три дня — с 12 по 14 ноября — длился визит на Черноземье французских гостей. Директор «ИМКА-Пресс» Никита Алексеевич Струве на этот раз осуществил передачу книг своего издательства в Липецк и Елец, в дар городу Ливны была передана избранная библиотечка изданий великого уроженца Орловщины — о. Сергия Булгакова. Деятельное участие в организации поездки приняли посольство Франции в России, Министерство культуры РФ, Французский культурный центр в Москве, местные администрации, епархиальное управление, СП

На выставке книг изд. ИМКА-Пресс в г. Липецке
Фото Михаила Rogozina

«Русский путь» (директор — Виктор Москвин), выставочно-издательский центр «Русская усадьба», возглавляемый Владимиром Бойковым.

Далеко не случайным и весьма знаменательным событием стало присутствие в составе делегации представителей парижской ветви рода Стаховичей — Марии Александровны, ее дочери Марии Алексеевны и племянника Александра Александровича, ныне живущего в Лондоне: с начала прошлого века Стаховичи были тесно связаны с елецкой землей, и посещение бывшей усадьбы в селе Пальна-Михайловка органично вошло в программу пребывания делегации.

День первый.

Липецк принимал гостей 12 ноября. В полдень, после часовой встречи с представителями администрации, состоялась церемония открытия выставки книг «ИМКА-Пресс» в областной библиотеке, занимающей здание, заметно уступающее по масштабам аналогичным учреждениям многих областных городов России. Но, пожалуй, не это обстоятельство явилось основной причиной той «благодатной» тесноты, что сопутствовала встрече гостей с липчанами. Дело в другом — в подлинном интересе и сохраняющемся, несмотря на известную издательскую свободу, духовном голоде и потребности читающей России в настоящей литературе. Подтверждением тому стала и организованная здесь же, в библиотеке, продажа книг парижского издательства: к стеллажам пробиться было крайне сложно.

В который раз уже «ИМКА-Пресс» преподносит свои дары читателям! Но в каждом городе — своя радость узнавания и возвращения, свои штрихи. Освятивший выставку отец Геннадий, обращаясь к посетителям и гостям, вспомнил студенческие годы, когда ему довелось впервые прикоснуться к трудам Булгакова, Бердяева, Зеньковского в «запретных» обложках «ИМКА-Пресс». А кому-то — в том числе и многочисленной молодежи, собравшейся в выставочном зале, — еще предстоит постижение и освоение «томов премногих»: они — на расстоянии протянутой руки.

После первого знакомства состоялась пресс-конференция, а чуть позднее Никита Алексеевич выступил с обзорной лекцией, посвященной литературе первой эмиграции.

Первый день работы выставки совпал с открытием в городе Недели французской культуры, включившей в себя целый ряд мероприятий — выставок, театральных постановок и кинопросмотров. Есть, наверное, символическое значение в том, что в начале празднования липчане увидели русскую Францию во всей глубине и мощи ее духовной вертикали.

День второй.

С утра гости посетили село Пальна-Михайловка. Время (и какое время...) потрудилось над изменением его черт: когда-то цветущая усадьба лишь при напряжении воображения угадывается в облике нынешнего товарищества (в недавнем прошлом — совхоза) «Пальномихайловское». В чудом сохранившемся, но растерявшем парадный вид особняке Стаховичей располагается правление хозяйства. Дом этот имеет свою трагическую историю: построенный предположительно в начале прошлого века, деревянный особняк сгорел дотла при не выясненных до конца обстоятельствах в 1907 году. Спустя три года — отстроен в камне с сохранением планировки. И вот он — стоит, не слишком-то ухоженный, холодный, хранящий в своем интерьере следы недавней коммунистической эпохи в виде пустой «доски почета» и стендов с ленинскими барельефами. То ли не мешают знаки советского прошлого, то ли просто руки не доходят — снять...

Мария Александровна и ее дочь не в первый раз посещают Пальну, да и другие Стаховичи бывали здесь в послевоенные годы. Их забота — сохранение памяти о прошлом, о т о й, не виданной ими Пальне, бережно сохраненной в рассказах, фотографиях, письмах. Некоторые фотографии и копии бумаг уже переданы в Россию и хранятся пока в сельском школьном музее. Но придет время, в бывшем приусадебном доме будет открыта мемориальная комната, и тогда на новом месте экспозиция пополнится материалами семьи.

Постройки, сохранившиеся со времени существования усадьбы, — в крайне плачевном состоянии. Те скромные средства, что могут выделить Стаховичи, пока что целиком идут на восстановление часовни, бывшей родовой усыпальницей, которая, вероятно, примет прихожан уже в будущем году. Сочувственно относится к деятельности русской семьи директор товарищества Анатолий Алтунин (осталось впечатление о его искренней заинтересованности в многотрудном деле восстановления памяти), однако посильная помощь его стеснена отсутствием материальных средств. Но хочется жить надеждой...

...Побродив по заснеженному селу, гости отбыли в Елец. Никита Струве в этом городе во второй раз: будучи в Воронеже два года тому назад, директор «ИМКА-Пресс» не мог не заехать в город Бунина, с именем которого у Никиты Алексеевича связаны личные воспоминания. А идея передачи городу библиотечки издательства принадлежит Стаховичам, именно они и оплатили стоимость книг, предназначенных елецким читателям.

Во время открытия выставки в зале городской библиотеки прозвучало имя еще одного из Стаховичей — Николая Александровича. Племянник Марии Александровны, брат присутствующего среди гостей Александра, он прожил недолгую жизнь, прошедшую под знаком неизлечимой болезни. В январе этого года его не стало. Николай Стахович, мужественно, по воспоминаниям близких, несший свой крест, находил себя в творчестве. Ему не довелось побывать в России. Но все-таки он будет здесь — книгой. Творческий центр в Орле собирается выпустить ее уже через несколько месяцев: директору центра Владимиру Почичикину удалось осуществить (пусть пока не до конца — но книга будет!) задуманное. Перевод успел прочесть и одобрить сам автор.

Прозвучала на встрече и такая мысль: присвоить библиотеке Ельца имя Николая Стаховича. Кажется, это пожелание выполнимо.

День третий.

Ливны — теперешний райцентр Орловской области. Около шестидесяти тысяч жителей, один сохранившийся

православный храм (было — одиннадцать...) — Сергиевская церковь XVII века, где в 1871 году крестили Сергея Булгакова, будущего великого религиозного мыслителя.

В день приезда делегации гости и хозяева не раз вспоминали проникновенные слова отца Сергия: «Моя родина, носящая священное для меня имя — Ливны, небольшой город Орловской губернии, — кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его»...

Ответная любовь горожан к своему великому земляку только начинает проступать сквозь толщу забвения. И хочется верить, что день 14 ноября станет ясной и видимой вехой на этом пути.

На месте духовного училища, в стенах которого формировалось мировоззрение о. Сергия Булгакова, — школа-лицей. Здесь и произошла встреча, ознаменовавшая дар: издания книг отца Сергия, выпущенных «ИМКА-Пресс» в разные годы (в их числе — уникальные, раритетные экземпляры), монография Л. Зандера, некоторые переводы. В каком-то смысле в представленных изданиях (которые, к слову, оплачены из средств Фонда Солженицына) — залог возвращения культурного наследия России, мост в будущее. В зале — юные лица.

Предваряя встречу, Никита Струве отозвался об о. Сергии Булгакове как о наиболее значимом из религиозных гениев XX столетия, сумевшем выразить «последнюю тайну о судьбе мира и о судьбе человечества». В подарок ливенцам также были переданы уникальные документы — рукописная страница отца Сергия и неизвестная, доселе не публиковавшаяся его молитва.

Ценности эти — вне времени, вне иерархий — проходят трудный путь к читателю, открывающему для себя новые человеческие вселенные. Роль русской Франции, сохранившей, издавшей и вручившей нам книги выдающихся мыслителей России, трудно преувеличить.

По дороге к свободе освобождается дух: мы получаем шанс избавиться от горького груза десятилетий тоталитарного террора — через осознание, прочтение и веру.

Милостивый государь Никита Алексеевич!

Считаю своим долгом воспользоваться законным правом на опровержение неправильных сведений. Речь идет об обскудении деятельности о. Кочеткова.

Я не буду говорить об оппонентах этого деятеля, на которых дружно набросилась вся «демократическая» печать с миллионными тиражами, в то время как защищают их только некоторые малотиражные издания «патриотического» направления.

Хочу выступить в защиту только одного человека, который стал жертвой дезинформации сначала в Кочетковских изданиях, а затем и в Вашем журнале и, увы, в Вашей статье. Имею в виду святого нашей Церкви еп. Феофана Затворника. В 169-м томе «Вестника», стр. 47, Вы приводите цитату из свят. Феофана, где он якобы призывает к переводу Богослужения «на современный русский язык». Цитата представляет собой коллаж, причем текст подвергнут не только усечениям, но и русификации (замена сие на это, и пр.). Однако нетрудно найти источник этой цитаты. Она взята из письма, напечатанного во втором выпуске «Собрания писем Святителя Феофана», М. 1898, стр. 142-144. В этом же письме Святитель говорит: «Перевесть не на русский, а на славянский язык... И благоговейно, и понятно». К теме перевода Святитель обращался и в других местах. Так, в седьмом выпуске того же издания (М. 1890), стр. 155, читаем: «Предержащей власти следует... уяснить богослужебные книги, оставляя, однако, язык славянский». Полную ясность вносит указание Святителя на пример греков (там же, стр. 181-182): «Книги церковные надо бы уяснить и вычистить. У греков ведь идет постоянное поновление Богослужебных книг». Хорошо известно, что какие бы «поновления» ни делали греки, в целом язык греческого Богослужения есть классический греческий, т.е. язык более архаический, чем даже язык Нового Завета.

Мало того, Святитель Феофан был в высокой степени доволен Синодальным переводом Библии на русский язык, и поэтому в своих книгах библейских толкований (Павловы послания, 118 Псалом) он дает славянский текст Священного Писания.

В заключение хочу напомнить, какую оценку дал Кочеткову уже более десяти лет назад приснопамятный протопресвитер о. Иоанн Мейендорф. Откликаясь на псевдонимную статью Кочеткова в 140-м выпуске «Вестника», о. Иоанн писал

в 141-м (стр. 81-82): «я... решительно не согласен с выводами статьи С.Т. Богданова: принципиальное принятие двух параллельных форм церковного устройства: "синагогально-синаксарной" и "экклисической" (зачем такие чудовищные неологизмы?).

Деление это неприемлемо принципиально, т.к. Церковь — одна, а выделение "синагогально-синаксарного" устройства для особой группы "уже усовершенствовавшихся и освятившихся" было бы своеобразным гностическим элитизмом. Формы такого элитизма известны с древности, и всегда отвергались "кафолическим" христианством...

...говорить, что "экклисическое устройство с его догматами, канонами, чинными уставами, апостольской преемственностью иерархии, и т.д." есть как таковое всего лишь "ветхозаветная реальность", неверно и опасно, и даже, с православной точки зрения чудовищно». Доселе о. Иоанн Мейендорф.

Вы думаете, о. Кочетков отошел от этих воззрений как от молодежного экстремизма? Отнюдь. И теперь он рекомендует статьи «Герасимова» и «Богданова» (его псевдонимы) для слушателей его «Высшей православной школы» (ВПШ) — см. журн. «Православная Община», 1991, 3, стр. 42.

На самом деле главная проблема именно здесь, и о. Иоанн прозорливо диагностировал опасность гордынного сектантского обособления.

Медвежью услугу делают Русской Церкви те, кто, живя в совсем других условиях, не зная или не желая знать нашей специфики, поддерживает эту новую сектантскую идеологию.

С уважением и любовью
протоиерей Валентин Асмус

Москва, 22 февраля н.ст. 1995 г.

Многоуважаемый отец Валентин,

Благодарю Вас за отклик на мою статью в 169 номере «Вестника», в которой я не столько защищал о. Георгия Кочеткова, сколько удивлялся неосновательности его, мягко говоря, оппонентов. Но при чем тут «законное право опровержения...», которое гарантирует напечатание ответа лицам, на которых облыжно нападают? Возможно, что цитата из писем свят. Феофана приведена не совсем точно. Но все слова святителя, приводимые Вами, свидетельствуют о его обеспокоенности неудобопонятностью богослужебных книг. И это целый

век тому назад, в устоявшихся условиях православного государства! Что бы сказал святитель, если бы жил в наши дни? Одна цитата меня прямо испугала: «книги церковные надо бы уяснить и вычистить». Напиши такие слова о. Александр Мень или о. Георгий Кочетков, что бы мы только не услышали о их еретичности и вандализме.

Судя по всему, «архаичный» язык Вы предпочитаете более общему или обычному, но как быть с эволюцией языка? Разительный пример: свят. Николай Японский переводил богослужебные книги на современный ему литературный японский язык, тогда всем понятный. Ныне, за сто лет, этот язык совершенно устарел и православные японцы его не понимают. Как по Вашему, с миссионерской точки зрения, следовало бы теперь поступить?

Вопрос доступности богослужения, языка ли, той или иной обрядности, большой и сложный. Его не решить сакрализацией какого-то данного этапа.

Во второй части Вашего письма, в некотором противоречии с первой, Вы говорите, что проблема не в языке, а в «опасности гордынного сектантского обособления». Я не знал, что Богданов и Герасимов псевдонимы тогда еще совсем молодого Кочеткова. Спора нет, многие высказанные в этих интересных статьях мысли неверны, даже порочны. Кое-что от этих мыслей остается в элитарном, и тем самым несколько горделивом подходе о. Георгия. Об этой опасности я в своей статье упоминал. Вы апеллируете к авторитету о. Иоанна Мейендорфа, что очень похвально. Но смею Вас уверить (я вправе считать себя другом и единомышленником о. Иоанна с ранней молодости: наше тесное общение, длившееся более сорока лет, началось как раз с совместной работы над переводом на французский язык Божественной литургии), что о. Иоанн никогда бы не одобрил то обращение, которое купно с другими духовными лицами Вы подписали. Одно дело — богословский спор, другое — обличение с упрощенными доводами.

А уж заключительные строки Вашего письма меня огорчили: Вы несколько горделиво просите православных, живущих на Западе, не высказывать суждений о проблемах, возникающих в русской Церкви, упрекая нас, голословно и достаточно несправедливо, в незнании или, что хуже, в нежелании знать вашу «специфику». Тогда для чего апеллировать к авторитету о. Иоанна Мейендорфа?

С уважением,

Никита Струве

**Светлой памяти Нины Александровны
Подмошенской, урожденной Фокиной-Филоновой**

Родилась 29-го апреля 1901 года в Петербурге, от родителей Александра Михайловича Фокина и Екатерины Николаевны Филоновой, сестры художника Павла Филонова. Училась в Мариинской гимназии. Воспитывалась в артистической семье. Отец ее стал основателем и директором известного в Петербурге Троицкого театра, приглашенного Государем давать домашние спектакли наследнику Цесаревичу Алексею. Брат отца Михаил Фокин — гордость и слава русского балета. Александра Федорова, ее приемная мать — прима-балерина Мариинского театра и основательница латвийской школы русского балета, откуда вышел наш знаменитый современник Михаил Барышников. Нина Александровна с детства полюбила мир музыки, литературы, театра и хорошо его знала, сама участвовала в театральных постановках и балетных спектаклях. Она была коротко знакома и дружна с великими людьми мира искусства: Георгием Баланчинным, Анной Павловой, Иваном Бунинным, Куприным, Нижинским, Собиновым, многими другими.

После 1917 года последовали «национализация» театра, арест отца, его ссылка в Вологду, где его участь ссыльного разделили жена и дочь Нина, голодная трудная жизнь в Петербурге, затем в Тифлисе, эмиграция, сначала в Латвию, после ее оккупации — в Германию и, наконец, в Америку. В Латвии она вышла замуж за Дмитрия Ивановича Подмошенского, уроженца Псковской губернии, родилось двое детей: Глеб и Ия. Но недолгим было семейное счастье, в 1940 году арестован и сослан муж, да так и не вернулся, пополнив число новомучеников российских. Замуж она больше не вышла, отдала себя воспитанию детей, внуков, передав им свою горячую любовь к России, русскому искусству, православную веру. Ее всегда отличали живое сердце, быстрый

ум, благородство и доброта. Не без участия ее вдохновения сын ее, ныне игумен Герман, создал в 1965 г. журнал «Православное Слово» на английском языке, а позже «Русский Паломник»; оба издаются по сей день, как в Америке, так и в России.

После нелегкой, но очищенной страданиями, странничеством, духовными испытаниями жизни, она тихо и мирно отошла на руках монахинь Крестовоздвиженского скита при св. Паисиевском монастыре, в воскресенье 11-го декабря в 4 ч. 30 мин. утра. Отпевание было совершено ее сыном Игуменом Германом в церкви Аббатства преп. Паисия в понедельник, погребение в церкви преп. Германа Аляскинского в Платине. Похоронена Нина Александровна на кладбище Свято-Германовской пустыни (Платина, Калифорния).

Со святыми упокой, Господи, душу усопшей рабы Нины!

Игумен Герман.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. — *Никита Струве* 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

■ К 50-летию со дня мученической кончины

Жатва духа — *Е. Скобцова (Мать Мария)* 5

♦♦♦

Летопись как икона всемирной истории
(по «Повести временных лет») —
В. Ленахин (Венгрия) 30

Житие духовидца Епифания. (Из истории
старообр. движения) — † *С.А. Зеньковский* 43

К вопросу о происхождении пятого, шестого
и седьмого «Рассказов странника» — *И. Басин* 71

Образ Небесного Иерусалима в «Откровенных
рассказах странника» — *И. Басин (Москва)* 77

Письма И.А. Ильина к П.Б. Струве —
Публикация В.В. Бойкова и Н.А. Струве 87

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи — *В. Лазарев* 147

Николай Клюев и Павел Медведев —
Ю. Медведев (Петербург) 152

Фукье-Тенвиль русской революции —
В. Юдин (Тверь) 165

Марина Цветаева. Из неизданной переписки —
Публик. Е.И. Лубянской и Л.А. Мнухина 173

Два документа о жизни Р.В. Иванова-Разумника —
Публикация и примечания А.К. Клементьева 183

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Из архивов КГБ

Дело РСХД в Эстонии (показания И.А. Лагов-
ского) — предисловие *Т. Милогиной* 189

♦♦♦

Три дня на Черноземье — *Л. Лазаренко* 248

■ Из писем читателей

Отклик прот. В. Асмуса на статью Н. Струве
о «деле» о. Г. Кочеткова. Реплика Н. Струве 253

■ Памяти ушедших

Светлой памяти Нины Александровны
Подмошенской, ур. Фокиной-Филоновой —
игумен Герман 256

SOMMAIRE

L'Orthodoxie au seuil du 3e millénaire – *N. Struve* 3

THEOLOGIE – PHILOSOPHIE

■ Pour le 50e anniversaire de la mort glorieuse
de Mère Marie

La moisson de l'Esprit (text inédit) –
Mère Marie Skobtsova 5

♦ ♦ ♦

Les «Chroniques» comme icônes de l'Histoire
universelle – *V. Lepakhine* (Hongrie) 30

Vie d'Epiphane le Clairvoyant, starets des
Vieux-croyants – *S. Zenkovski* 43

Origine des trois derniers récits du «Pèlerin russe» –
I. Bassine 71

La Jérusalem céleste dans les «Récits d'un pèlerin
russe» – *I. Bassine* (Moscou) 77

Correspondance inédite de I. A. Iljine et P. B. Struve –
(publication de *V. Boïkov et N. Struve*) 87

LITTERATURE ET VIE

Poèmes – *V. Lazarev* 147

Nicolas Kliouev et Paul Medvedev –
Iou. Medvedev (Pétersbourg) 152

Dzerzhinski, le Fouquier-Tinville de la Révolution
russe – *V. Ioudine* (Tver) 165

Lettres inédites – *Marina Tsvétaeva* 173

Deux nouveaux documents sur la vie de
R. Ivanov-Razoumnik 183

DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Les archives du K.G.B.

Le dossier «Action Chrétienne des Etudiants Russes
d'Estonie» – préface *T. Milioutina* 189

♦ ♦ ♦

Les éditions «YMCA-Press» à Lipetsk, Elets, Livny –
L. Lazarenko 248

■ Lettres des lecteurs 253

■ In Memoriam Nina Fokina-Filonova 256

новинка «YMCA-PRESS» новинка

в серии «Всероссийская Мемуарная Библиотека»,
основанной А.И. Солженицыным,
вышла новая книга

М. Ф. КОСИНСКИЙ
(1904–1975)

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ВЕКА
(Воспоминания)

Одно из немногочисленных письменных свидетельств о послереволюционной судьбе петербургской дворянской интеллигенции, прожившей свою жизнь не в эмиграции, а в России. Сын морского офицера, погибшего в Цусимском бою, автор, в юности моряк, а впоследствии научный сотрудник Эрмитажа, рассказывает, как бесмысленно и жестоко советская власть обошлась с теми, кто совестливо считал служение родине своим первым жизненным долгом.

Париж, 1995, 420 стр. цена: 150 фр.фр.

заказы направлять по адресу :

LES EDITEURS REUNIS
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France
(телефон : 43.54.74.46 — телефакс: 43.25.34.79)

книжный «LES EDITEURS REUNIS» (при изд.«YMCA-PRESS»)
магазин 11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France
(телефон : 43.54.74.46 — телефакс: 43.25.34.79)

« ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА »

◆ ◆ ◆ ◆ ПОСТУПЛЕНИЯ 1994 ◆ ◆ ◆ ◆

фр. фр.

- АНТОНИЙ**, митрополит Сурожский – Во имя Отца и Сына и Святого Духа (Проповеди), изд. дополненное, Англия, 1995, 326 стр. 90.-
- В РОССИЙСКИХ АРХИВАХ** (выпуск 1): Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ (по состоянию на 1 окт. 1993), Париж "Inst. Etudes Slaves", 1994, 96 стр. 80.-
- ЕФИМОВСКИЙ Е.А.** (1885-1964) – Встречи на жизненном пути (записки публициста), Париж, 1994, 135 стр. 70.-
- KOVACS Аград** – Персональное повествование : Пушкин, Гоголь, Достоевский. Франкфурт, 1994, 232 стр. 270.-
- КОЗОВОЙ Вадим** – Поэт в катастрофе (Переписка Б. Пастернака с П. Сувчинским, 1957-59 гг.). Сфинкс (фрагмент из незавершенной книги). Марина Цветаева и П. Сувчинский, Париж/Москва, 1994, 330 стр. 120.-
- КУЗМИН М.** – Театр : Книга I (сост. А. Тимофеев; ред. В. Марков и Ж. Шерон), *Berkeley Slavic Specialties*, США, 1994, 425 стр. 200.-
- СТОЛЕТИЕ МАНДЕЛЬШТАМА** (Материалы симпозиума, Лондон 1991), ред.-составители: Р. Айзелвуд и Д. Майерс, Лондон, 1994, 349 стр. 200.-
- MITOLOGIA SLAVA** – Сборник статей и отдельные главы из трудов 21 специалиста из разных стран + библиография, *Pisa*, 1993, 195 стр. 85.-
(8 статей на русском, остальные на итальянском, немецком, франц., английском и сербском яз.)
- ПАНАРИН В.** – Из плена ... в армию Власова, Париж, 1994, 199 стр. 90.-

→ → →

